

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам

Садыбакас Умурзаков

**ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
ИЗУЧЕННОСТЬ КЫРГЫЗСТАНА
ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Университет Центральной Азии
Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам
Институт геологии им. М. М. Адышева
Национальной академии наук Кыргызской Республики
Кыргызское географическое общество

Садыбакас Умурзаков

**ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИЗУЧЕННОСТЬ
КЫРГЫЗСТАНА
ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

2021

Умурзаков С.

Географическая изученность Кыргызстана до середины XIX века. –
Б.: Университет Центральной Азии, 2021. – 180 с.

Настоящая работа посвящена истории исследований и географических представлений о Кыргызстане с древнейших времен до середины XIX века. На основе архивных материалов, научных трудов и рукописей дается обзор знаний о стране по данным античных авторов, китайских путешественников, европейских, арабских и среднеазиатских географов и мыслителей, русских исследователей за значительный период времени.

Предназначена для широкого круга читателей, включая ученых и преподавателей вузов, студентов и школьников, всех, кто интересуется историей и географией родного края.

Серия книг о культурном наследии

**Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам
Высшей школы развития
Университет Центральной Азии**

© Умурзаков С., 2021

© Университет Центральной Азии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА 1. Введение. Обзор литературы и периодизация истории географического изучения в Киргизии.....	7
ГЛАВА 2. Состояние географической изученности Киргизии с древнейших времен до середины XIX века	27
2.1. Древний этап географической изученности Киргизии. Первые географические сведения о стране	27
2.2. Средневековой этап географических представлений. Киргизстан в географической литературе средних веков.....	41
2.3. Географические известия по Киргизии середины XVII – середины XIX века.....	93
Заключение	164
Важнейшие путешествия и исследования	167
Список сокращений	171
Использованная литература	172
Архивные источники	179

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная вниманию читателя книга является частью большого, по объёму и охвату времени, исследования по истории географического изучения территории Кыргызстана, выполненного выдающимся советским и кыргызским учёным-географом, лауреатом Государственной премии Кыргызской ССР в области науки и техники Садыбакасом Умурзаковым (Өмүрзаковым). В ней, на основе анализа обширного материала, дана объективная информация об эволюции знаний о территории, которая была «terra incognita» для всего остального мира в течение многих веков.

В изложении результатов своих исследований, выводов и заключений по ним, он строго придерживается своего научного кредо, постулата о том, что «географическая наука не должна сводить историю изучения природы отдельных стран к путешествиям, экспедициям тех или иных ученых и исследователей». Для него были важны не только сами описания, а крупинки новых знаний, которые он находил в отчётах исследователей разных времён и из разных стран о природных процессах, присущих территории, данные об измерениях размеров и простирании географических объектов, составленных картах. Из них он построил систему накопленных знаний о природе и народах, живших на территории современного Кыргызстана, об исторических процессах, которую строгим и доступным научным языком представил в данной работе.

Географическую изученность страны автор за период с древнейших времён до середины 19-века разделил на следующие три этапа, которые отражают состав и уровень знаний о территории нашей страны в различные исторические эпохи:

Древний – с древнейших времен до 5-го века нашей эры. Это ранний этап географической изученности Кыргызстана, целиком связанный с древними письменными источниками Китая и греко-римского мира. Наиболее ранние, но весьма скудные сведения о природных условиях страны даны в сообщениях некоторых китайских (Чжан Цзянь, Фа Сянь), греко-римских (Плиний, Страбон, Птоломей) источников.

Средневековый – с 5-го в. до середины 17-го в. Это – эпоха накопления географических сведений о Кыргызстане в период арабского завоевания

Средней Азии, монгольского нашествия и в последующее время. Географические сведения в этот период истории географических исследований территории Кыргызстана значительно обогатились, особенно за счет данных китайских (Сюань Цзан, Чань Чунь), арабских (Ибн-Хордадбег, Идриси и другие), русских (И. Унковский, Фальк, Ф. Ефремов и другие) путешественников, послов, торговцев, военных чиновников и других.

Новое время – с середины 17-го в. до середины 19-го в., накопление географических сведений о нашем крае было обусловлено усилением русского влияния в Средней Азии и активизацией Китая на западных границах империи. Всестороннее географическое изучение выполнили географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, зоолог и географ Н. А. Северцов, ботаник и географ А. П. Федченко, геолог И. В. Мушкетов и другие.

Оценивая вклад исследований представителей двух наиболее заинтересованных во влиянии на нашу территорию государств, он заключает, что «Россия в XVIII в. еще уступала Китаю в географическом изучении территории Кыргызстана; но, начиная с XIX в., ведущая роль в познании природных условий края прочно перешла к представителям русской науки. Китайцы имели, в целом, правильное представление об орографическом строении и гидрографической сети Тянь-Шаня, довольно верно размещали основные географические объекты страны». При этом, «в целом же географические представления Запада о природе Кыргызстана, о горной стране Тянь-Шань в середине XIX в. оставались на низком уровне, в «младенческом состоянии».

Работа, написанная в середине 20-го века, была опубликована частично, с усечением фактического материала, который не отвечал определенным требованиям советской идеологии и политическим реалиям того времени.

Данная книга издается в оригинальном варианте с авторскими примечаниями, без редакторского вмешательства, с сохранением структуры работы и стиля изложения автора. При этом, читателю встретятся ссылки на незнакомую нынешнему поколению идеологическую «классику», что должны были сопровождать не только фундаментальный труд, но и рядную статью.

Книга насыщена богатейшим фактическим материалом, собранным С. Умурзаковым из всех доступных ему архивов. Она будет полезным пособием для всех, кто заинтересован в познании нашей страны, кем, когда и каким образом формировались знания об её географических и геополитических условиях.

Следует отметить также, что книга за прошедшие более 60 лет несколько не устарела и продолжает оставаться актуальным исследованием, так как таких крупных комплексных работ, рассматривающих данную проблему, в Кыргызстане до сих пор нет.

Так, выдающийся советский и российский географ Э.М. Мурзаев в своем отзыве на кандидатскую диссертацию С. Умурзакова писал: «В целом труд С. Умурзакова является наиболее крупной работой, посвященной истории изучения природы Кыргызстана и выполненной на современном научном уровне. Можно сказать, что ни одна из республик Средней Азии до настоящего времени не имеет подобной работы.»

*Аламанов С. К.
Президент Кыргызского географического общества*

ГЛАВА 1.

Введение. Обзор литературы и периодизация истории географического изучения в Киргизии

«...Выдающиеся русские ученые исследователи – Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тянь-Шанский, Пржевальский – первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края. История Киргизов впервые стала известна Миру на русском языке.¹ Русские научили нас подчинять природу и использовать ее сокровища...»

(Из письма трудящихся Киргизии И. В. Сталину в день празднования Двадцатилетия республики 1 марта 1946 г.)

Киргизская Советская Социалистическая Республика одна из наиболее интереснейших уголков Советского Союза. Ее живописная природа с давних пор привлекает внимание ученых, путешественников, альпинистов и др. красотой, разнообразием и богатством своих ландшафтом. Ныне природные условия страны – рельеф, геология, почвенно-растительный покров, животный мир, полезные ископаемые и др. всесторонне изучены и не представляют тайну для науки. Более того, природные богатства края всемерно используются в народном хозяйстве, служат базой для дальнейшего развития республики, её производительных сил, особенно в переходный период от социализма к коммунизму.

Между тем, вплоть до середины XIX века Киргизия оставалась страной, совершенно не изученной в географическом отношении, представляя своего рода белое пятно на географической карте. О ней знали по отрывочным, неполным, нередко случайным сведениям, исходившим зачастую от людей, не имевших отношения к науке.

За решение задачи всестороннего географического изучения Киргизии, в частности Тянь-Шаня, первыми взялись русские ученые, в лице таких их выдающихся представителей, как географ П. П. Семенов-Тян-Шан-

¹ В данном случае речь очевидно идет о кыргызах, проживавших на территории Кыргызстана.

ский, зоолог и географ Н. А. Северцов, ботаник и географ А. П. Федченко, геолог И. В. Мушкетов и другие.

Именно русские ученые, впервые в истории географической науки, дали исключительно ценные научные труды по орографии, геологии, растительному и животному миру Киргизии, опровергли старые, ненаучные представления о Тянь-Шане, об его вулканическом происхождении и т. д., положил начало дальнейшему глубокому, систематическому научному изучению страны, сыграли прогрессивную роль во всей истории Киргизии.

Роль русских ученых в географическом изучении Киргизии огромна, их вклад в науку не оценим.

Данный вопрос, однако, до сих пор в достаточной мере не освещен. Нет монографий и других обстоятельных исследований, посвященных истории географического изучения Киргизии в целом, а имеющиеся работы преимущественно носят характер кратких обзоров, которые, несмотря на свои достоинства, все же не могут восполнить этот пробел.

Всю эту литературу, прямо или косвенно освещающую историю географического изучения Киргизии или отдельно её этапы (периоды), можно подразделить на 2 группы работ.

К первой группе работ относим специальную литературу, содержащую историю исследований, как всей территории страны, так и ее отдельных районов (частей), а также работы, связанные с историей геологических, геоботанических и других исследований, без которых немыслимо всестороннее познание природы края. В эту группу войдут работы Н. А. Аристова, Л. С. Берга, И. В. Выходцева, Д. П. Дементьева, М. А. Демченко, М. М. Картавова, Н. Г. Кассина, В. Г. Королева, Ф. А. Турдакова, Б. А. Лунина, Э. М. Мурзаева, С. Орозалиева, О. П. Шаргей.

Вторую группу работ составляет вся остальная литература, в которой история географического изучения, геологических, почвенно-ботанических и других исследований на территории Киргизии, освещена в связи с историей исследований Семиречья (Р. И. Аболин), (В. Н. Шнитников), Туркестана или Средней Азии (Н. А. Бобринский), (В. И. Массальский), (И. В. Мушкетов), (Н. П. Соколов), а также в связи с историей деятельности Русского географического общества (П. П. Семенов-Тянь-Шанский), (Л. С. Берг).

Вкратце рассмотрим основное направление и характер наиболее заслуживающих внимания работ.

Первой попыткой собрать и обобщить все имеющиеся литературные источники и на основе их дать историю исследований по «исторической географии» Киргизии явилась работа известного русского историка Н. А. Аристова «Западный Тянь-Шань»¹.

Автор, собрав обширный фактический материал, охватывающий период с древнейших времен до начала девяностых годов прошлого столетия, свое основное внимание уделил описанию истории и быта населения Западного Тянь-Шаня, а географические сведения о природе страны даны попутно.

Довольно подробно изложены маршруты и результаты путешествий Чжан-Цяня, Чань-Чуня, Сюань Цзана, арабских географов и путешественников более позднего времени, причем к ним даны обстоятельные комментарии автора. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении русских исследователей Киргизии – Западного Тянь-Шаня по Н. А. Аристову. Автор ограничился перечислением в хронологическом порядке самих путешествий, в лучшем случае, указывая на маршруты и некоторые итоги некоторых отдельных исследований.

Данная работа, подготовленная в качестве дополнения к «Землеведению Азии» К. Риттера, оказалась не изданной и была обнаружена в рукописи в Ученом Архиве Географического Общества СССР, пишущим эти строки в конце 1952 года².

Из других работ, дающих более или менее развернутую картину истории географических исследований в Киргизии, отметим две работы Б. А. Лунина и работу И. В. Выходцева «Русские исследователи на территории Киргизии»³.

1 Н. А. Аристов. Западный Тянь-Шань. Дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера. В 2-х частях. Геогр. Об-во СССР. Архив. Фонд 58, опись 1, № 5 и разряд 65, опись 1, № 11.

2 Данная работа издана в Бишкеке в 2001 году при содействии Фонда Сороса под названием «Н. А. Аристов. Усуни и кыргызы или кара-киргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии» (Ч. I-II. – СПб., 1893 г.).

3 Б. А. Лунин. Основные пути истории географических исследований в Киргизии в Советский период – Труды Кирг. Гос. Пед. инст-та им. М. В. Фрунзе, т. 1, в. 1, Фрунзе, 1947, с. 77-94.

В работе «Основные пути истории географических исследований в Киргизии в Советский период»¹ Б. А. Лунин свое основное внимание уделяет на исследования советского периода, указывая на характер и общие результаты работ экспедиций и отдельных ученых. Что касается географических сведений дооктябрьского периода, то автор ограничивается лишь выделением этапов истории исследований и освещением их в самой общей форме, так сказать, с точки зрения основных итогов.

В другой своей работе «Русские ученые и исследователи о Киргизии»² – в отличие от предыдущей Б. А. Лунин ярче и полнее освещает роль русских ученых в изучении природы Киргизии, справедливо подчеркивает их огромный вклад в географическую науку. Однако, автор счел нужным показать исследование только части русских ученых (П. П. Семенова-Тяншанского, Н. А. Северцева, А. П. Федченко и других), оставляя вне поля зрения труды многих других русских исследователей.

В то же время Б. А. Лунин недостаточно, в общих чертах, указывает на исследования советского периода. Его утверждения о том, что изучение природных условий Киргизии в советское время приобрело более широкий размах, приняло более целеустремленный характер, не подтверждаются достаточными фактическими материалами.

И. В. Выходцев в работе «Русские исследователи на территории Киргизии»³ пытается осветить историю исследований природы края, в хронологическом порядке перечисляет исследования русских ученых с середины XIX века, указывает на их общий характер и направление. Но автору не удалось осветить вопрос в должной мере, раскрыть сущность открытий, показать научные результаты путешествий, исследований. Поэтому трудно судить о роли и вкладах тех или иных русских ученых в изучении природы Киргизии.

Касаясь исследований известного русского ботаника А. Н. Краснова в Восточном Тянь-Шане в 1886 г., И. В. Выходцев пишет, что он оставил «бле-

1 Б. А. Лунин. Основные пути истории географических исследований в Киргизии в Советский период. Труды Кирг. Гос. Пед. инст-та им. М. В. Фрунзе, т. 1, в. 1, Фрунзе, 1947, с. 79.

2 Б. А. Лунин. Русские ученые и исследователи о Киргизии. Фрунзе. 1951, 23 с.

3 И. В. Выходцев. Русские исследователи на территории Киргизии. Изв. КиргизФАН СССР, В. 2-3, Фрунзе, 1945, с. 75-81.

стящий след в истории изучения растительного мира Тянь-Шаня – алайского горного сооружения и Киргизии, в частности»¹. Однако, автором не раскрыта сущность этого «блестящего следа», не отмечены научные выводы исследователя, не говоря уже о критическом рассмотрении этого «следа».

Аналогичный не ясный, расплывчатый характер носят высказывания автора и о работах таких выдающихся исследователей горной Средней Азии, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов и другие.

И. В. Выходцев, как и Б. А. Лунин, дает периодизацию истории изучения природы Киргизии, о чем особо остановимся позже.

Остальные работы, отнесенные нами к первой группе работ, не дают цельную картину географического изучения страны. Тем не менее, некоторые из них отличаются обстоятельным изложением, тщательным обобщением и подведением научных итогов исследований. Это относится, прежде всего, к работам Л. С. Берга, Н. Г. Кассина, где дана история исследований Иссык-Кульской котловины и озера Иссык-Куль, работам Э. М. Мурзаева, посвященным истории исследований верховьев реки Чу, а также бассейнов рек Суусамыр, Кокомерен и Нижнего Нарына.

История изучения природных условий Чуйской и Таласской долин и Джумгалской котловины освещена М. М. Картавовым, О. П. Шаргей, С. Орозалиевым в связи с экономико-географической характеристикой этих районов. Обзор исследований восточной части Центрального Тянь-Шаня имеется в работе М. А. Демченко.

Краткий перечень исследований по смежным наукам находим в работах И. В. Выходцева (геоботаника), Д. П. Дементьева (зоогеография), В. Г. Королева (геология), Ф. А. Турдакова (ихтиогеография), причем обзор геоботанических исследований в Киргизии за Советский период дан в более развернутом виде.

Некоторые сведения по интересующему нас вопросу содержат работы историков В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама, Н. Я. Бичурина (Иакинфа), а также «Очерки по истории Киргизской ССР».

¹ Там же с. 77.

Из второй группы работ выделяется известный труд одного из крупнейших исследователей природы горной Средней Азии, и в особенности Тянь-Шаня, И. В. Мушкетова «Туркестан» (1886), который по выражению А. П. Герасимова, является классическим сочинением и настольной книгой.

Автор в данном труде, на основе многочисленных литературных источников, впервые обобщил все имеющиеся географические сведения о Туркестане с древнейших времен до 1884 г.¹ уделив своё главное внимание обзору исследований прошлого столетия, особенно его второй половины. Именно со второй половины 19 века, со времени присоединения Средней Азии к России благодаря выдающимся исследованиям русских ученых П. П. Семенова, Н. А. Северцова, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова и др. началась новая эпоха в изучении природы Средней Азии, в том и числе и в Киргизии.

Наряду с другими частями Туркестана, значительное место в работе И. В. Мушкетова занимает история исследований Тянь-Шаня. Не ограничиваясь изложением маршрутов путешественников и исследователей и освещением общего характера их работ, автор полнее, по возможности, всесторонне показывает результаты, научные итоги путешествий, исследований, взгляды и выводы ученых на различные принципиальные вопросы географии Тянь-Шаня.

Как геолог и один из основоположников геологического изучения горной Средней Азии И. В. Мушкетов более детально и критическому разбору подвергает работы А. Гумбольдта, К. Риттера, Ф. Рихтгофена, П. П. Семенова, Н. А. Северцова, А. П. Федченко, связанные с геологическим и орографическим строением Тяньшанской горной системы. Этот прекрасный труд И. В. Мушкетова, в течение многих лет служивший «незаменимым источником наших знаний Туркестане»², ныне не может удовлетворить нас во многих отношениях. Однако, его значение, его ценность, как единственного полноценного источника истории исследований природы Средней Азии в дооктябрьский период, непоколебима и по сей день.

1 Второе издание 1 тома «Туркестана» (1915 г.) дополнено Л. С. Бергом, В. Н. Вебером и др. учениками И. В. Мушкетова данными исследований за период с 1884 по 1914 гг.

2 В. А. Обручев. Избранные работы по географии Азии. Т. 2, М. 1951, с. 304.

История исследований природы Средней Азии, в частности и Киргизии, русскими учеными во второй половине 19 века со всей полнотой представлена в известной работе П. П. Семенова «История полувековой деятельности русского географического сообщества. 1845-1895».

Из данной группы работ следует отметить далее «Историю исследований Семиречья» Р. И. Аболина и принципиально отличающуюся от аналогичных работ других авторов работу Н. П. Соколова, «О характере естественно-исторических исследований Средней Азии дооктябрьской революции».

Р. И. Аболин свой обзор истории исследований Семиречья, охватывающий период с путешествий Сюань-Цзая до конца двадцатых годов XX века, исключительно посвящает характеристике геоботанических и почвенных исследований в пределах Киргизии, кратко сообщает основные итоги отдельных исследований и путешествий. Автор дает и периодизацию истории исследований Семиречья.

Указанный выше труд Н. П. Соколова явился первой попыткой дать марксистскую работу по истории естественно-научных исследований Средней Азии, правильную периодизацию этих исследований. Автор критически разбирая работы своих предшественников по этому вопросу показывает характер и целенаправленность естественно-научных исследований, как вызванных колонизаторской политикой царизма в Средней Азии.

«Естественно-исторические исследования Средней Азии, – пишет Н. П. Соколов, – определялись практическими нуждами колониально-капиталистического режима царской России, они были тесно и неразрывно связаны с ним, вытекали из него. Диктатура этого режима наложила свой отпечаток на самый характер и целенаправленность этих исследований»¹.

Период занятия Средней Азии – начало 60-х и середина 80-х годов 19 века – был период наиболее интенсивных военно-географических исследований, а последующий – периодом «освоения», периодом более систематических углубленных исследований с целью эксплуатации, «освоения» завоеванного края.

1 Н. П. Соколов. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до октябрьской революции. Ч. 1, М. – Л., 1934, с. 12.

На ряде примеров автор показывает, что царское правительство систематически использовало науку как ширму для своих стремлений, направляя под видом «научных» экспедиций экспедиции с завоевательными целями («ученые» экспедиции Берга, Перовского и других), а также для производства необходимых военно-политических разведок.

Кроме общего обзора характера естественно-исторических исследований в Средней Азии, оценки и периодизации их, Н. П. Соколов останавливается на характере и целенаправленности горно-геологических, ботанических, зоологических исследований, на уровне и методах этих исследований.

Считая принципиально правильными основные установки работы автора, а также ее марксистско-ленинскую методологию, мы все же не можем обойти молчанием два вопроса, затронутых Н. П. Соколовым. Первый из них – о роли русских ученых в познании природы Средней Азии, в частности Киргизии.

Автор, хотя и касается этого вопроса, но не пытается рассмотреть его по существу, показать научные результаты путешествий и экспедиций, подвести итоги естественно-исторических исследований. Иными словами, в работе Н. П. Соколова не нашли своего отражения – достижения русских ученых в изучении природы Средней Азии, их огромный вклад в развитие отечественной науки, что вряд ли следует признать правильным.

Второй вопрос – о присоединении Средней Азии к России.

Автор в целом правильно вскрывает характер колониальной политики царизма в Средней Азии, порожденный потребностями промышленного капитализма, показывает хищническое использование им природных ресурсов и стремление задержать развитие производительных сил края. Однако, автор не видит большого значения акта присоединения Средней Азии к России для судеб народов Средней Азии, прогрессивной роли России для народов Востока вообще, на что еще в свое время указывал К. Маркс.

Россия, находящаяся на более высокой ступени общественного развития, вырвала народы Средней Азии, в том числе и киргизский народ, с их феодальным, патриархально-родовым бытом, из состояния застоя и без перспектив, из обстановки нескончаемых раздоров, междоусобной и фе-

одальной борьбы, приобщила их к более передовым общественно-экономическим отношениям, сблизила с высокой духовной культурой великого русского народа. Все это, вместе взятое, не могло не оказать своего благотворного влияния на рост самосознания народов Средней Азии, «... не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей...»¹, не усилить классовый борьбы, что в конечном итоге, благодаря героизму русского пролетариата и под руководством партии большевиков, привело к победе Великой Октябрьской Социалистической революции.

Заканчивая обзор литературы, посвященный истории исследований природных условий Киргизии, следует указать на общий недостаток, присутствующий большинству перечисленных выше работ. Этот общий, в то же время, основной недостаток, по нашему мнению, состоит в том, что авторы этих работ² при решении рассматриваемого вопроса не руководствовались марксистско-ленинской методологией, оторвали частный вопрос, – исследование природных условий, – от главного, узлового вопроса, от характера конкретных общественно-экономических формаций, от классовых интересов общества. Не выявлены основные причины и закономерности, вызвавшие эти исследования, их связь и зависимость от исторических условий развития общества.

Вполне понятно, что подобные неполноценные, объективистические работы, не опирающиеся на марксистско-ленинскую науку о законах развития природы и общества, не дают и не могут дать правильное марксистское освещение истории научных исследований.

Теперь коснемся вопроса периодизации истории научных исследований Киргизии. Этот вопрос непосредственно затронут в рассмотренных нами выше работах И. В. Выходцева и Б. А. Лунина. Периодизация истории исследований для Семиречья дана Р. И. Аболиным, для Средней Азии Д. И. Мушкетовым, Н. П. Соколовым и Э. Мурзаевым. Периодизация истории ботанических исследований Средней Азии имеется у В. И. Липского, а фаунистических исследований Туркестана у Н. А. Бобринского.

1 И. В. Сталин. Соч. т. 2, с. 290.

2 Имеем в виду, разумеется, наших советских авторов, и прежде всего В. И. Шнитникова, Р. И. Аболина, И. В. Выходцева, Б. А. Лунина, как авторов обобщающих работ по истории исследований нашего края. Что же касается работ дореволюционных ученых, то они в этом отношении не выдерживают критики.

Прежде чем приступить к разбору взглядов указанных авторов, вкратце перечислим выделенные ими периоды истории научных исследований Средней Азии, в том числе и Киргизии.

Начало периодизациям истории научных исследований в Средней Азии было положено известным русским исследователем флоры Средней Азии В. И. Липским. История ботанических исследований им делится на два периода:

1. Период отрывочных сведений, или период основания Русского Географического Общества.
2. Период более систематического исследования после основания Русского Географического Общества.

Н. А. Бобринским выделено 3 периода фаунистических исследований Туркестана:

- Первый период – Карелина – Эверсмана, охватывающий период путешествий известных русских ученых Э. А. Эверсмана и Карелина в Туркестане. Период начинается с 1820 г. поездкой Э. А. Эверсмана в Бухару и заканчивается 1857 годом, – первой экспедицией Н. А. Северцева.
- Второй период – Северцовский, – целиком обнимает период путешествий крупного исследователя Средней Азии Н. А. Северцева. Этот период заканчивается 1884 годом.
- Третий период – Зарудновский, – охватывает период с 1884 г., – с первых экскурсий Н. А. Зарудного в Закаспийском крае – по 1919 г.

В истории исследований Средней Азии Д. И. Мушкетов выделяет 4 периода:

- Первый период – завоевание края – отдельные пионерские экспедиции.
- Второй период – семидесятые годы XIX века – период, создавший общую картину геологического строения Средней Азии.
- Третий период – конец XIX и начало XX века – период иностранных экспедиций.

- Четвертый период – начало XX века – период широких исследований различных организаций: Переселенческого управления (почвенно-ботанические), Отдела земельных улучшений Министерства земледелия (гидротехнические изыскания) и другие.

Для истории исследований Семиречья Р. И. Аболин предлагает следующие четыре этапа:

1. Период до 1840 года.
2. Эпоха великого пионерства. 1840-1890 гг.
3. Период массовых исследований. 1890-1918 гг.
4. Послереволюционный период. 1919-1929 гг.

Автор особо подчеркивает роль второго периода, что именно «Сороковые годы XIX столетия знаменует собою поворот колеса истории к эпохе всесторонних и крайне эффективных по своим результатам исследований Средней Азии».¹

Естественно-исторические исследования Средней Азии дооктябрьского периода делятся Н. П. Соколовым на два основных вида исследований:

1. Предварительные, рекогносцировочные исследования незанятых территорий Средней Азии и сопредельных с нею областей.
2. Более систематические, углубленные исследования занятых территорий, в целях эксплуатации, «освоения» последних (стр. 15)².

Периодизацию истории исследований Средней Азии дает также и Э. М. Мурзаев. Им выделяется три периода:

- Первый период охватывает большой промежуток времени, начиная с древнейших времен до XIX века. Его можно охарактеризовать как период разрозненных и отрывочных сведений о Средней Азии и ее природе, давших «... сравнительно поверхностное представление»³ о стране.

1 Р. И. Аболин. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри. – Труды института почвоведения и геоботаники Сред. АЗГУ. В. 5, Ташкент, 1930, с. 5.

2 Н. П. Соколов. О характере естественноисторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции. Ч. 1. М., Ташкент. 1933 (1934).

3 Э. М. Мурзаев. Средняя Азия, М., 1947, с. 33.

- Второй период, охватывающий XIX и начало XX до Октябрьской революции, «...в отличие от первого, характеризуется тем, что в изучении природы принимают участие, главным образом, специалисты: географы, геодезисты, геологи, ботаники, зоологи, в том числе крупнейшие русские ученые.¹
- Третий период можно назвать послеоктябрьским, советским периодом, который по своим масштабам не сравнимый с предыдущими. В то же время он отличается детальностью и практической направленностью в изучении всех элементов природы Средней Азии.²

И. В. Выходцев³ устанавливает четыре основных периода в истории изучения природы Киргизии.

- Первый период – вторая половина XIX и первые годы XX столетий – период географического изучения территории, а также накопления первого фактического материала по растительному, животному миру и почвам страны.
- Второй период – почвенно-ботаническое изучение территории, – определяется как период работ бывшего переселенческого управления, обнимающий собой время с 1908 по 1917 год.
- Третий период – разностороннее изучение территории при организации научно-исследовательского центра в самой Средней Азии. Это, по мнению автора, – период работы Среднеазиатского Государственного университета и охватывает собой небольшой промежуток в 7 лет, с 1920 по 1927 год.
- Наконец, четвертый период, период «еще более разностороннего изучения республики при организации научно-исследовательских и опытно-исследовательских учреждений в самой республике». Этот период, начавшийся с 1927 г. продолжается по настоящее время (стр. 75).

1 Э. М. Мурзаев. Средняя Азия, М., 1947, с. 33.

2 Там же, с. 36.

3 И. В. Выходцев. Русские исследователи на территории Киргизии. Изв. КирФАН СССР, вып. 2-3. Фрунзе, 1945.

Периодизация истории непосредственно географических исследований Киргизии впервые дана Б. А. Луниным¹. Положив в основу характер и особенности получения географических знаний о стране на каждом этапе Б. А. Лунин устанавливает следующие четыре этапа:

- Первый этап – этап разрозненных случайных сведений, охватывает период с II века до н. э. до середины XIX столетия. Автор называет его донаучным этапом.
- Второй этап – этап научных рекогносцировочных, маршрутных экспедиций, создавших первые научные концепции по географии Киргизии. Второй этап охватывает период с первого путешествия П. П. Семенова-Тяньшанского (1856 г.) до начала работы переселенческого управления, т. е. до начала XX века.
- Третий этап – этап более углубленного изучения географии Киргизии. Он охватывает период с начала XX столетия, т. е. с первых почвенно-ботанических экспедиций переселенческого управления до Октябрьской революции.
- Четвертый этап – послеоктябрьский, советский этап, отличающийся более глубоким, систематическим изучением географии Киргизии и большей целеустремленности.

Из приведенного краткого перечня видно, что при периодизации истории научного исследования как Средней Азии, так и Киргизии нет единого принципа, единой методологии. Каждый из авторов по-своему подходит к решению вопроса, беря в основу периодизации научных исследований, то заслуги личностей (Н. А. Бобринский), то заслуги организаций, научных обществ и экспедиций (В. И. Липский, Д. И. Мушкетов, И. В. Выходцев), а иногда характер и особенности накопления научных сведений (Р. И. Аболин, Э. М. Мурзаев, Б. А. Лунин). Все эти признаки, прежде всего, личности, научные экспедиции и учреждения, играют важнейшую роль в изучении, познании природы страны, так как без них невозможно научное исследование. Однако, ни личности, ни научные учреждения не могут определить характер и целенаправленность научных исследований того или иного пе-

¹ Б. А. Лунин. Основные пути истории географических исследований в Киргизии в советский период. Труды КГПИ им. М. В. Фрунзе. Т. I, вып. I. Фрунзе, 1947.

риода, той или иной эпохи, того или иного господствующего класса, той или мной общественно-экономической формации, тем более, что объективные процессы в природе и обществе, как указывает И. В. Сталин, не зависят от воли людей.

В тоже время и «... развитие общества определяется в конечном счете не пожеланиями и идеями выдающихся личностей, а развитием материальных условий существования общества»¹. «... ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, – в экономике общества».²

Как историческая наука «не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств»³, так и географическая наука не должна сводить историю изучения природы отдельных стран к путешествиям, экспедициям тех или иных ученых и исследователей. Поэтому ясно, что нет оснований класть в основу периодизации научных исследований заслуги личностей или научных учреждений, производивших исследования, а равно и степень накопленности сведений о стране или уровень знаний о ней.

Если «ключ к изучению законов истории общества» заключается «в способе производства», «в экономике общества», то ключ к пониманию истории географических исследований вообще и Киргизии в частности, следует искать так же в экономических условиях, в характере общественно-экономических формаций в исторических условиях развития общества.

Со времени возникновения классового общества господствующие классы обладая средствами и продуктами производства оказывали экономическое и политическое давление на своих эксплуатируемых, использовали общественные отношения, как производственные, так и идеологические, в своих классовых интересах.

Наука и научные учреждения, как и политические, правовые и другие, на различных этапах развития обществ постоянно служили и способство-

1 История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс. 1946, с. 15.

2 Там же, с. 116.

3 Там же.

вали укреплению господства эксплуататоров, их обогащению за счет новых источников сырья и рынка, освоения новых способов производства и т. д. Так и было при рабовладельческом строе, так и было и в феодальном обществе, так есть ныне и при капитализме.

В эпоху рабовладельческого общества в связи с укреплением новых, более высоких форм хозяйства – скотоводства, земледелия, ремесла, накоплением богатства и средств производства в руках господствующего меньшинства, развитием торговли расширяются экономические отношения, которые в свою очередь требовали от науки новых сведений о странах, о торговле и т. д. Это вызвало целый ряд путешествий, способствовало появлению новых географических работ. Так, древнегреческий историк и географ Геродот много путешествовал по Греции, Македонии, Франции, Малой Азии, Египту, Скифии. Другой греческий ученый Страбон дошел на восток до Армении, на юг до Эфиопии, создав 43 книги своей «Истории», 17 книг «Географии».

В условиях более высокого уровня общественно-экономических отношений при феодализме и в особенности при господстве капиталистических отношений, когда буржуазия для развития промышленности, словами Ф. Энгельса, нуждалась в исследовании свойств физических тел и форм проявления сил природы¹, науке, научным исследованиям (путешествиям, экспедициям) принадлежала большая роль в осуществлении интересов, запросов господствующих классов. Этим задачам служили путешествия Марко Поло и др. в средние века, когда «наука была смиренной служанкой церкви»². Решение этих же социально-экономических задач преследовали путешествия Колумба, Васко-де-Гамы, Магеллана, Тасмана, движения русских землепроходцев и др. в эпоху феодализма и раннего капитализма.

Интересы торгово-промышленного капитализма дали широкий размах и простор научным исследованиям в период капиталистического общества, ибо капитализм, основной экономический закон которого «обеспечение максимальной капиталистической прибыли»³, уже не мог ограничиться развитием только вглубь.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307.

2 Там же.

3 И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, 1952 7, с. 91.

Он нуждался в развитии вширь, т. е. в распространении сферы своего господства на новые территории¹. Этим объясняются многочисленные путешествия и экспедиции в различные части света (Ливингстона и Стенли в Африку, Норденшельда в Северный Ледовитый океан, Эверсмана, Миддендорфа и др. в Среднюю Азию и т. п.) с целью изыскания новых источников сырья и рынка, новых источников эксплуатации и обогащения.

В социалистическом обществе, где нет эксплуатации человека человеком, наука служит не реакционным, эксплуататорским классам, как это имело место в предыдущих общественно-экономических формациях, а трудящимся классам, ранее эксплуатируемым.

Советская наука «не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой».²

Эти принципиальные отличия и особенности Советской науки и служат отправным пунктом научных исследований при социализме.

Таким образом, наука и научные исследования, в том числе и географические путешествия и экспедиции, на всех этапах истории классовых обществ, служили классовым, социальным интересам.

Характер, цели и задачи научных исследований определяется тем, какая именно общественно-экономическая формация давала содержание этому процессу, какой именно класс определял эту необходимость.³

Опираясь на эту ленинскую установку, мы считаем правильным выделение трех периодов в истории географического изучения Киргизии, а именно:

1. Докапиталистического;
2. Капиталистического;
3. Советского периодов.

1 В. И. Ленин. Соч. т. 3, с. 522.

2 И. В. Сталин. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. «Правда», 19 мая 1938 г., № 136.

3 В. И. Ленин. Соч. т. 3, с. 380.

Первый, докапиталистический период географической изученности Киргизии охватывает самый наибольший период исторического развития, эпохи рабовладельческого и феодального обществ, т. е. с древнейших времен до середины XIX века.

Этот период характеризуется отрывочными, случайными, нередко противоречивыми сведениями о географии Киргизии, соответствующими уровню общественно-экономических отношений, специфическим условиям исторического развития рабовладельческого и феодального обществ.

Наиболее ранним, но весьма скудным сведениям о природных условиях страны мы обязаны сообщениям некоторых китайских (Чжан Цзянь, Фа Сянь), греко-римских (Плиний, Страбон, Птоломей) и др. источников.

По сравнению с другими источниками в эпоху феодализма, в силу более высоких форм общественного развития, расширения экономических и торговых отношений, географические сведения значительно обогатились, особенно за счет данных китайских (Сюань Цзан, Чань Чунь), арабских (Ибн-Хордадбег, Кодаме, Идриси и другие), русских (И. Унковский, Фальк, Ф. Ефремов и другие) путешественников, послов, торговцев, военных чиновников и других.

Однако, они все же не могли дать цельного, обобщающего, достоверного представления о географии Киргизии в целом. При этом данные, как эпохи рабовладельческого строя, так и эпохи феодализма, страдали ограниченностью, отсутствием научной базы и попыток материалистического толкования природных явлений страны.

Все сказанное выше дает нам основание историю географической изученности Киргизии при рабовладельческом и феодальном строе объединить в один период и назвать его докапиталистическим, донаучным периодом.

Второй, капиталистический период истории исследований природы Киргизии, охватывает период примерно с начала второй половины XIX века до первой четверти XX века, т. е. до Великой Октябрьской революции, соответствуя таким образом эпохе промышленного капитализма в России. Этот период истории Киргизстана знаменателен присоединением его к России, и географическое изучение страны целиком связано с именами

русских путешественников и исследователей, которые совершили подлинный научный подвиг в познании природы края.

Выдающиеся русские ученые П. П. Семенов (впоследствии П. П. Семенов-Тянь-шанский), Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, Л. С. Берг, С. С. Неуструев и другие тщательно и глубоко изучив природные условия страны опровергли господствовавшие в то время путанные гипотезы А. Гумбольдта, К. Риттера об орографическом строении Тянь-Шаня, об его вулканическом происхождении и др., и впервые дали довольно полную, правдивую картину строения, геологической истории Тянь-Шаня, его фауны, флоры, почвенного покрова и других физико-географических элементов. Благодаря их трудам Киргизия стала одной из наиболее изученных частей Российской империи.

Таким образом, результаты, успехи второго этапа истории географического изучения края колоссальны и не могут быть сравнимы с ничтожными данными первого, докапиталистического периода. Его можно охарактеризовать как период подлинно научных исследований природы страны, вызванных торгово-промышленными интересами русского капитализма, колониальной политикой царизма. В то же время мы вправе назвать этот период и русским периодом географических исследований Киргизии, так как русским ученым принадлежит честь открытия, исследования природы Киргизстана для науки. Именно они первыми «...раскрыли и описали несметные богатства нашего края», что именно «русские научили нас подчинять природу и использовать ее сокровища...».¹

Третий, советский, период истории исследований, начинающийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции, продолжается по настоящее время. Исследования этого периода принципиально, коренным образом отличаются от исследований предшествующих эпох. Отличие это состоит в самой сущности нашего социалистического строя, как государства трудящихся классов, где завоевания науки принадлежат народу, где наука и научные исследования, в частности географические, направлены на укрепление, возвеличивание социалистического строя, на успешное осуществление основного экономического закона со-

¹ Из письма трудящихся Киргизии И. В. Сталину в день празднования двадцатилетия республики 1 марта 1946 г. «Правда» 1 марта 1946 г.

циализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники».¹

Таким образом, исходя из самой сущности, целей и задач социализма, географические исследования Киргизии советского периода с самого начала носили целеустремленный, разносторонний и массовый характер, отличаясь небывалым ранее размахом и глубиной. Особенность этих исследований состоит в их тесной органической связи с задачами социалистического строительства в самой республике – преобразование края, подъем его экономики и культуры, развитие производительных сил, – ликвидации отсталости страны, унаследованной от феодализма и колониальной политики царизма.

За годы Советской власти, под мудрым руководством Коммунистической партии, при постоянном внимании и заботе Союзного Правительства советские ученые глубоко изучили природные условия Киргизии, не только уточнили и дополнили географию края новыми сведениями, но и пересмотрели многие вопросы, особенно тектонического строения страны, считавшиеся окончательно решенными дореволюционными учеными, дав по ним ряд превосходных работ.

Мы можем теперь смело говорить, что ныне нет «белых пятен» на карте Киргизии. Природные богатства её открытые, изученные, исключительно советскими учеными, служат социалистическому преобразованию края.

В заключение данного вводного раздела (глава 1) необходимо уточнить основные задачи и установки нашей работы.

Мы намерены на основе анализа фактического материала, относящегося к теме, и его оценки с марксистских позиций, показать выдающуюся роль русских ученых в изучении природных условий Киргизии, их приоритет в этом деле и огромный вклад в науку. Однако, ввиду обширности темы, многосторонности самих исследований и обилия фактического материала, не представляется возможность широко, со всей полнотой осветить весь комплекс вопросов, связанных с географическим изучени-

1 И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. 1952 г., с. 95.

ем страны, в одной работе. Поэтому мы ограничиваем свое исследование рамками феодального и капиталистического периодов, касаясь до и после этого периодов весьма кратко и с целью оценки вклада русских ученых в познание природы Киргизии.

Из этих же соображений мы не в состоянии охватить все стороны географических исследований края (например, в области экономической географии) и ограничиваемся рассмотрением вопроса исключительно с позиции физгеографа.

Наконец, работа охватывает историю географических исследований в административных границах Советской Киргизии, выходя за её пределы только в необходимых случаях.

Кроме первой, вводной части (глава 1) работа состоит из следующих разделов:

- Глава II. Состояние географической изученности Киргизии до середины XIX века.
- Глава III. Пути географических исследований Киргизии русскими учеными в дооктябрьский период.
- Глава IV. Пути географических исследований Киргизии в Советский период.¹

¹ Третью и четвертую главы данного исследования планируется опубликовать отдельным изданием.

ГЛАВА 2.

Состояние географической изученности Киргизии с древнейших времен до середины XIX века

В настоящей главе мы даем обзор накоплению географических сведений о Киргизии, расширению географических представлений с древнейших времен до середины XIX века, охватывая, таким образом, длительный период исторического развития. На различных этапах общественно-исторического развития уровень знаний о географии Киргизии не мог оставаться неизменным. Поэтому географическая изученность страны естественно распадается на три этапа, соответственно отражающие достижения науки в различные исторические эпохи. Такими этапами можно считать:

1. Древний – с древнейших времен до V века нашей эры. Это – эпоха до возникновения феодальных отношений, период до завоевания Средней Азии арабами, ранний этап географической изученности Киргизии, целиком связанный с древними письменными источниками греко-римского мира и Китая.
2. Средневековый – с V в. до середины XVII в. Это – эпоха развития феодальных отношений, накопление географических сведений о Киргизии в период арабского завоевания Средней Азии, монгольского нашествия и в последующее время.
3. Новое время – с середины XVII в. до середины XIX в., период позднего феодализма в России. Накопление географических сведений о нашем крае происходило более интенсивно чем в предыдущие этапы, что обусловлено усилением русского влияния в Средней Азии и активизацией феодального Китая на западных границах империи.

2.1. Древний этап географической изученности Киргизии. Первые географические сведения о стране

Средняя Азия является одним из ранних очагов человеческой культуры. Народности и племена, населявшие ее, в том числе и территорию

современной Киргизии, были известны древнему греко-римскому миру, китайцам, народностям Востока еще задолго до нашей эры.

Выгодное географическое положение страны между Западом и Востоком, прохождение через территорию Средней Азии караванных путей, связывающих две части «Старого Света», благоприятствовали хозяйственным и культурным общениям народностей Средней Азии как с Западом, так и Востоком.

Вместе с тем, Средняя Азия периодически становится ареной крупнейших событий, имевших решающее значение для судеб многих народов Евразии. Уже в VI в. до нашей эры она была завоевана персами, а в IV веке до нашей эры – греками. Позже, начиная с разрушительного нашествия гуннов (первые века до н. э.), Средняя Азия подпадает во власть племен и народностей, двигавшихся преимущественно с Востока.

В этих сложнейших исторических условиях, переплетавшихся нашествиями и завоеваниями, падением одних и господством других, в обстановке длительных войн и упорной борьбы различных племен и народностей, происходили крупнейшие политические и социально-экономические преобразования, отражение которых находим в исторических источниках Древнего Мира (Греции, Рима, Китая и др.). Среди них встречаются и географические сведения, касающиеся Киргизии.

Наиболее ранние, но весьма скудные сведения содержатся у древних авторов греко-римского мира. У Геродота (около 484-425 гг. до н. э.), по видимому, не было определенного понятия о территории Киргизстана. К востоку от Каспия, по его мнению, простиралась «равнина на необозримом пространстве», где обитали массагеты.¹ Равнина эта, согласно Геродота, замкнута со всех сторон хребтом, имеющим пять ущелий, что из этих гор вытекает большая река Акес (Аракс).²

Эратосфен (272-195 гг. до н. э.) также сообщает о саках и массагетах, но более конкретно, размещая их на пространстве между Индией и Яксар-

1 В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. – Известия АН СССР. Сер. История и философия, т. 3, № 3, 1946, с. 240.

2 Древние авторы о Средней Азии, Ташкент, 1940, с. 38; Акес (Аракс) Геродота, вероятно, Окс-Аму-Дарья позднейших.

том (Сыр-Дарьей),¹ т. е. в области горной Средней Азии. Примечательно то, что Эратосфен уже знал, вернее, имел представление, правда далеко не ясное, о гористом характере страны. Причем, горная цепь автора простирается от широких Тавр² на СЗС в меридиональном направлении и служит истоком Окса (Аму-Дарьи) и Яксарта (Сыр-Дарьи).

Страбон (I век до н. э. – I век н. э.) сообщает не только о саках и массагетах, но и фрунах, исседонах и других,³ из которых саки населяли области к востоку от Аральского моря, а фруны (гунны) – подле Имауса (Памира)⁴. Касаясь сакских земель, Страбон пишет, что «часть их (массагетов – С. У.) живет на горах, часть в равнинах, третьи – занимают болота, образуемые реками, четвертые – острова на этих болотах».⁵ Однако, он не приурочивает ни «гор», ни «долин» к конкретным районам Средней Азии. Но тем не менее, очевидно, что под «горами» Страбона к востоку от Аральского моря или Гирканского залива (Каспийского моря), скорее всего, следует понимать Тянь-Шань и Памир, а под «долинами» – Аму-Сыр-Дарьинское междуречье, Семиречье, Фергану и т. д.

В другом месте Страбон более определенно указывает о горах к востоку от Гирканского (Каспийского) моря, которые тянутся до Индийского моря, причем упоминаются Эмодские, Имайские горы, как северные отроги Парапамиза.⁶

Из других авторов древнего Рима, кроме Страбона, можно указать на Помпония Мелу (первая половина I в. н. э.), Плиния Старшего (23-79 гг. н. э.) и особенно Клавдия Птолемея (ок. 90-168 гг. н. э.), у которых содержатся некоторые известия о географических объектах Киргизстана. Помпоний Мелу, по существу, повторяет своих предшественников, не сообщая

1 В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, Дополнения к Землеведению Азии К. Риттера, В. II, отд. I, 1873, с. 7.

2 О широкой горной цепи, тянущейся строго на восток в виде Тавр или Кавказа от Тавр до Гималаев см. Древние авторы о Средней Азии, с. 155.

По мнению А. Гумбольдта (Центр. Азия, т. I, М., 1915, с. 79) эта идея впервые высказана Диквархом, учеником Аристотеля.

3 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 15.

4 А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. – Матер. и исследов. по археолог. СССР, № 26, М. – Л., 1952, с. 193.

5 Древние авторы о Средней Азии, с. 22.

6 Древние авторы о Средней Азии, с. 83; А. Гумбольдт, Указ. соч., с. 80.

ничего нового для познания страны.¹ Плиний, по свидетельству В. В. Григорьева, дает такие смутные сведения, о которых сам не имел никакого представления.²

Более достоверными и наиболее обширными, по сравнению с данными предыдущих авторов, являются географические известия Птолемея о горной Средней Азии. Для своих построений он пользовался как ранними письменными источниками, так и данными, полученными благодаря торговой связи Запада с Востоком, особенно сведениями Марина Тирского (91-120 гг. н. э.), который, в свою очередь, опирался на сообщения купцов и их агентов, бывших в Средней Азии и Китае.³ Таким образом, Птолемею приходилось иметь дело с материалами, далеко не точными, попадавшими ему через третьи руки, что не могло не отразиться на достоверности Птолемея «Руководства по географии» в отношении Средней Азии, особенно ее горной части.

Но, тем не менее, Птолемей, в отличие от многих своих предшественников, сумел «вникнуть во взаимное соотношение» известных ему данных и на основе их дать близкие к истине построения, выраженные в градусной сети. Вкратце рассмотрим схему орографического строения области, примерно соответствующей горной Средней Азии.

Центральное место в стране принадлежит величественному хребту Имай (Имаус) или Северный Имай, по обе стороны которого обитают скифские племена. Запад от меридионального Имая известен как земля саков, а к востоку от хребта лежит Заимайская Скифия, граничащая с Серикой (Китаем).

Северный Имай отходит от Палимботра,⁴ от стыка Имайского и Эмотского хребтов в СЗС направлении и протягивается на десятки градусов. Один из его отрогов – Аскатанские горы ограничивали область саков с

1 Античная география. М., 1953, с. 176, 180.

2 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 58.

3 К. Птолемей. Руководство по географии, кн. I, гл. 11, – Античная география. М., 1953, с. 299. См. также В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 63; Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, с. 428.

4 К. Птолемей. Руководство по географии, кн. I, гл. 12, – Античная география, с. 301.

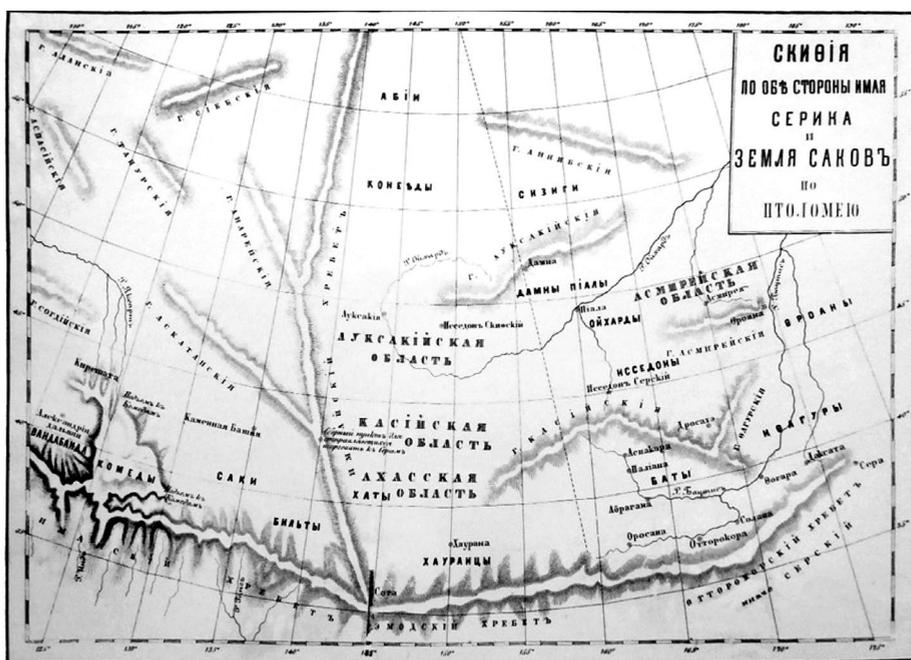

Рис. 1. Схема расположения хребтов Средней Азии по Птолемию.
Фото из кн. В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан,
Дополнения к Землеведению Азии К. Риттера, В. II, отд. I, 1873.

севера, протягиваясь к р. Яксарт с юго-востока. Между нею и р. Окс (Аму-Дарья) расположены Согдийские горы, имеющие широтное простираение. К востоку от Имауса, между 50° и 55° северной широты лежат Ауксакийские (Авзакийские) горы, имеющие СВ простираение. На юго-западе страны возвышается мощное нагорье – Комеды, примыкающее к широтному Имаю и служащее истоком Яксарта. Причем, притоками Верхнего Яксарта Птолемей называет Baskatis и Demos, отождествляемые Г.И. Савицким с реками Сох и Маргелан.¹ В Заимайской Скифии протекает другая крупная река – Ойхард (Эхард), начинающаяся с северных склонов Ауксакийских гор. Между указанными крупными орографическими объектами располагаются обширные равнины.

¹ Труды Самаркандского Пединститута, т. I, в. 1, 1940, с. 11.

Суммируя свои данные о стране саков, Птолемей пишет, что «в земле саков есть горные хребты, названные Комедскими, расположенные там, куда спускаются от Согдианы¹ до Комедских ущелий и до Каменной Башни.² Земля саков населена кочевниками, они не имеют городов, а живут в лесах и пещерах».³

Птоломеева схема строения поверхности горной Средней Азии уже не раз обсуждалась в историко-географической литературе.⁴ Наиболее развернутый обзор этой схемы дан известным русским востоковедом В. В. Григорьевым.⁵ Комедские горы отождествляются им с Памирским нагорьем (Памирская высь), широтный Имайский хребет – Гиндукушем, Эмодский хребет – Гималаями, Ауксакийские горы – Тянь-Шанем, Вандабанду – Ферганской долиной; реки: Яксарт – Сыр-Дарьей, а Ойхард – Таримом. Меридиональный Имай он предлагал слить с Комедскими горами, чтобы получить цельную картину страны.

И. В. Мушкетов, один из крупнейших исследователей Средней Азии, за Тянь-Шань принимал не только Ауксакийские горы, но и Аннибские, лежащие к северо-востоку от последних. Комеды, по его мнению, представляют Гиссар, а меридиональный Имай – Памир.⁶ Под Комедами В. В. Бартольд понимал Дарваз и Северный Бадахшан.⁷ Аскатанские и Согдийские горы должны соответствовать: первые – северо-западному Тянь-Шаню, включая хр. Каратау, вторые – горам Зеравшанского бассейна.

В оценке Птоломеевой схемы орографического строения горной Средней Азии, мы склонны, в основном, придерживаться взглядов В. В. Гри-

1 Согдиана – область, расположенная в древности в Аму-Сырдарьинском междуречьи.

2 Местоположение Каменной Башни еще не выяснено. Одни (К. Риттер, А. Гумбольдт) принимали ее за Тахт-и-Сулейман (окрестность г. Ош Киргизской ССР), другие (Л. В. Баженов) – за стоянку близ Кашгара, третьи (Дж. О. Томсон) разыскивали ее в Алайской долине (около Даравут-Кургана) и т. д. Сам Птолемей Каменную Башню размещал под 43 градусами с. ш. (А. Гумбольдт, Центр. Азия, с. 274).

3 Древние авторы о Средней Азии, с. 130-131.

4 И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб, 1879; И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. I, 1886; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; Г. И. Савицкий. Древняя Согдиана. Труды Самаркандского Пединститута, т. I, в. 1, 1940; Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953; и др.

5 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 57-78 с картой.

6 И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. I, П., 1915, с. 60.

7 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 14-15.

горьева. Как справедливо указывает этот автор, Птолемей «ошибочно комбинировал свои данные», допустив при этом две основные ошибки: во-первых, он неверно нанес верховье Яксарта (Сыр-Дарьи), заставив его течь с юга, с Комедских гор (Памира), вместо истинного направления с востока, Центрального Тянь-Шаня, на запад; во-вторых, он отделил меридиональный Имай от Комедских гор, относя его на 8-10 градусов к востоку.¹

Не меньшей ошибкой Птолемея является и то, что он расположил страну в более северных широтах, чем в действительности. Памир (Комедские горы), лежащий, в основной своей части, между 37-39,5° с. ш., отодвинут на 3-4° к северу, а Тянь-Шань (Ауксакийские горы) – на 10°, причем последний оторван не только от Комедских гор, но и от меридионального Имая.

Большую путаницу навело на последующих исследователей допущение Птолемеем меридионального Имая, превращенного впоследствии усилиями А. Гумбольдта в проблематичный Болор или Белуртаг.²

Теперь перейдем к рассмотрению древних китайских сообщений о природных условиях Киргизии. Китайская историография оказалась значительно более богатой в отношении географических сведений о нашем крае, чем письменные источники древнего греко-римского мира. Преимущество китайских известий состоит в том, что они непосредственно касаются территории Киргизии и племен, населявших ее. К тому же эти сведения отличаются несомненной достоверностью.

Основным среди китайских географических известий являются отчеты известного путешественника Чжан Цяня, посетившего Среднюю Азию, в том числе пределы Тянь-Шаня, в 136-128 и 115 гг. до нашей эры.³

1 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 61.

2 О существовании горной страны Болор на Памире впервые высказал Марко Поло (XIII в.), см. И. Минаев, Указ. соч., с. 75. Гипотезу Гумбольдта о существовании меридиональной Болорской системы поднял см. А. Гумбольдт. Центр. Азия, М., 1915, с. 78, 92-101, а также с. 159 нашей работы.

3 Основные сведения о путешествиях Чжан Цяня по Средней Азии содержатся у Н. Я. Бичурина (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, М. – Л., 1950, с. 147-168; в Хрестоматии по истории Древнего Мира, Древний Восток, т. I, 1950, с. 320-324. Кроме того, в ряде работ обстоятельно рассмотрены как цели, задачи, так и ход, результаты путешествий Чжан Цяня. Из них назовем: В. В. Григорьев, Указ. соч., гл. II; А. Н. Бернштам. История Кыргыз и Киргизстана с древнейших времен домонгольского завоевания. Рукопись, ч. II, с. 175; Его же: в Трудах Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, М. – Л., 1950, с. 59; И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий, т. I, М., с. 11; Дж. О. Томсон, Указ. соч., с. 258-261; Я. М. Свет. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М., 1955, с. 7-61.

Чжан Цяню надлежало произвести «разведку» Средней Азии с целью выяснить возможность налаживания «шелкового» пути из Китая на Запад,¹ установить контакт, деловые сношения со странами Средней Азии и другими государствами на Западе.² При этом одна из важнейших задач миссии Чжан Цяня состояла в том, чтобы склонить племена юечжы³ и усуней⁴ на союз в борьбе с гуннами, которые представляли тогда главную опасность для Китая. С этой целью он посещает владения усуней (Семиречье, Тянь-Шань), Давань (Ферганскую долину), Кангюй (Сыр-Дарья, Согд, Хорезм), Большие Юечжи (Средне-Азиатское междуречье, Бактрия), Дахя или Дася (Южный Таджикистан).⁵

Отчеты Чжан Цяня содержат интересные сведения о культурной и хозяйственной жизни, политическом строе этих стран, а также краткие сообщения о природных условиях страны, о горах Музарта (?), об озере Ысык-Кель, Терек-Даванском перевале⁶ и т. д.

О даваньцах путешественник пишет, что они «ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков... В Давани находится до 70 больших и малых городов,⁷ народонаселение простирается до нескольких сот тысяч». ⁸ В Даваньском владении находятся высокие горы, реки текут на запад и впадают в Западное (Аральское) море.⁹

1 А. Н. Бернштам, Упомянутая рукопись, ч. II, с. 175.

2 Н. Я. Бичурин, Собрание сведений..., Т. II, с. 173.

3 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, с. 11; т. II, с. 147-148.

4 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 156, 159; См. также: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, 1943, с. 13. Его же: История культурной жизни Туркестана, с. 6.

5 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 148.

6 И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. I, 1886, с. 51.

7 Из крупных городов этого периода отмечаются Гуйшань – столица Ферганы, расположенная в р-не современного Касана, Эрши (Мархаматские развалины на реке Аразан), Ю (Узген). См. Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 153, 162; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, с. 6; А. Н. Бернштам, МИА, 26, 1952, гл. VI. Причем, упомянутые выше «большие и малые города» он трактует как «города» и «селения».

8 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 149, 187.

9 Там же, с. 149, 150.

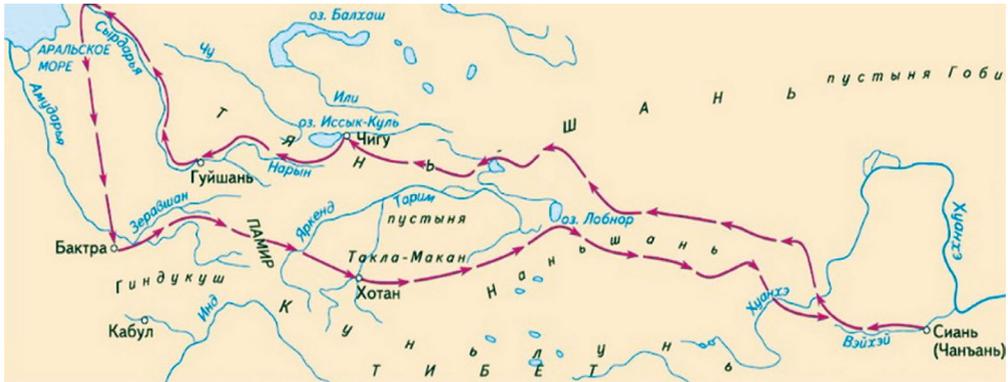

Рис. 2. Маршрут путешествий Чжан Цяня в 138-126 гг. до н. э.¹

В это же время китайские посланники вывезли из Давани семена мусу (люцерны) и винограда, т. е. переняли эти культуры от даваньцев.² Все это несомненно свидетельствует о высокой древней культуре Ферганы, особенно земледельческой.³

Не менее интересны сообщения Чжан Цяня и об усунях. Владение их занимало Семиречье и Тянь-Шань, а также частично Фергану и Алай. На востоке усунь граничили с гуннами, на северо-западе – с Кангюем, на юго-западе – с Даванью, с юга, юго-востока – оседлыми владениями Западного края – Сулэ (Кашгар), Гумо, Выньсу (Аксу) и др.⁴

Племенной союз усуней просуществовал с III века до н. э. до I века н. э.⁵ Главная ставка (столица) усуньского гуньмо (владельца) Чи-Гу находилась на юго-восточном берегу Ысык-Кёля.⁶ Чжан Цянь посетил их дважды и

1 Источник: <https://slovo.kg/?p=113996>

2 Там же, с. 161; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, с. 6; Дж. О. Томсон, Указ. соч., с. 261.

3 О Давани-Фергане, см. Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 147-168, 186-188.

4 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 190, т. III, с. 53.

5 Очерки по истории Киргизской ССР, ч. I, 1952, с. 43, 45 (рукопись). Но усуньские племена здесь кочевали еще в V веке н. э.

6 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 152. См. также: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 12; А. Н. Бернштам, МИА, 26, 1952, гл. 97. По китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан Чи-Гу под названием Чи-Гу-Чэн обозначен на южном берегу р. Суйе (оз. Ысык-Кель).

подолгу жил среди них.¹ Его маршрут к озеру Ысык-Кёль и далее на запад точно установить трудно. И. В. Мушкетов и Н. А. Аристов ссылаются на Рихтгофена, по которому Чжан Цянь должен был проходить через перевал Бедель, верховья Нарына, перевал Джууку или Барскон, т. е. по маршруту, используемому еще в период династии Тан (VII-X вв.).²

По Чжан Цяню усунь – кочевое владение, жители которого переходят со скотом с места на место.³ Цяньханьшу в гл. 95 сообщает более подробные сведения об усуни. В частности, в ней сказано: «земли (усуньского владения – С. У.) ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами (гуннами – С. У.). В их владении много лошадей, и богатые содержат их от 4-х тысяч до 5-ти тысяч голов...»⁴ Население страны состоит из 120 тысяч кибиток, 630 тысяч душ.⁵

Как явствует из этих данных, уже во времена Чжан Цяня китайцы располагали довольно верными сведениями о Тянь-Шане, об особенностях природных условий края: о наличии высоких гор, покрытых хвойными лесами, суровости климатических условий, степном характере Семиреченской равнины и т. д.

Успешный исход путешествий Чжан Цяня произвел в Ханской династии Китая огромное впечатление и вызвал целый ряд посольств в Западные государства.⁶ Чжан Цянь представлялся китайцам «Колумбом»⁷, открывшим неизвестный для Китая «Западный край» («Си-Юй»)⁸, что в свое время оспаривалось известным русским востоковедом В. В. Григорьевым.⁹

1 А. Н. Бернштам. Археологические очерки Северной Киргизии, 1941, с. 38. См. его же: Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. – Сов. Археология, XI, 1949, с. 357.

2 И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. I, 1886, с. 55; Н. А. Аристов. Западный Тянь-Шань. Географическое общество СССР, Архив, ч. II, разр. 165, оп. 1, № 11, с. 36.

3 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 150.

4 Там же, с. 190.

5 Там же.

6 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 154, 157, 158, 167, 173.

7 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 18; И. В. Мушкетов, Туркестан, с. 50.

8 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 157, 170; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 57-58.

9 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 18-19.

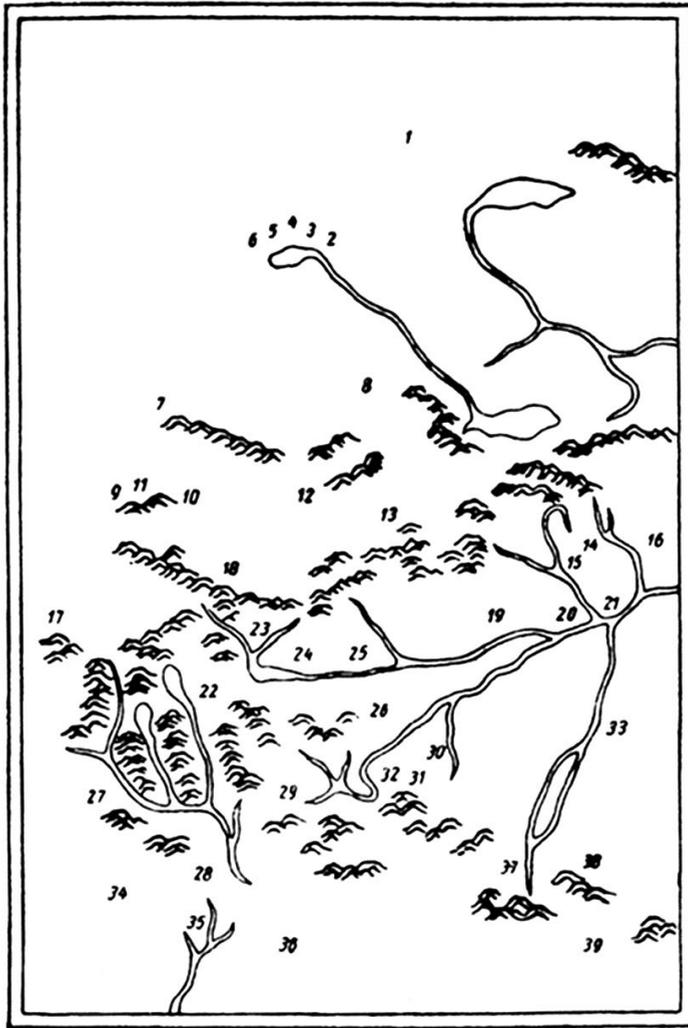

Рис. 3. Китайская карта Центральной и Средней Азии времен династии Старшей Хань. Из кн. Н. Я. Бичурина Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1953.

Путешествия Чжан Цяня, активная внешняя политика Китая, сопровождаемая военными походами,¹ значительно расширили сведения о Западном крае, а победа над гуннами в I веке нашей эры (походы Бань Чао в 90-х годах н. э.)² дала китайцам возможность произвести описание географического положения зависимых владений в Восточном Туркестане и Средней Азии, собрать о них важные географические сведения.³

«Китайская карта Центральной и Средней Азии времени династии Старшей Хань» дает вполне ясное представление о довольно высоком уровне географических знаний китайцев о Средней Азии и Западном Китае. Здесь мы воспроизводим левую половину этой карты.⁴

Карта, несмотря на отсутствие в ней градусной сетки, в целом правильно намечает основные контуры орографического строения края. Главная водная артерия, начинающаяся несколькими истоками с гор, течет с запада на восток. Ее верхнее течение названо истоком Желтой реки или Хуан-Хэ,⁵ а по слиянию с притоком, соответствующим Яркен-Дарье – Бэй-Хэ (Северная река). Несомненно, что река эта – Тарим.

Кроме Кашгар-Дарьи (истока Хуан-Хэ) Тарим (Бэй-Хэ) принимает два левых притока, которые можно отождествить с левыми притоками Тарима Аксу и Музартом (Гумо). Причем характерно, что приток, соответствующий р. Аксу, имеет два истока, в которых следует признать Кокшаал и Аксу.

Левые притоки Тарима (Бэй-Хэ) начинаются с горной страны, напоминающей Тянь-Шань. Его значительная протяженность, направление с ЮЗ на СВ и слияние на ЮЗ, в истоках реки Хуан-Хэ (Кашгар-Дарьи), с Цунлином (Луковыми горами, Памиром)⁶ не оставляет сомнения, что перед нами горная система Тянь-Шань (Небесные горы). Если эти цепи гор

1 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, с. 11-12; т. II, с. 163-168; В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 21-22; А. Н. Бернштам, Упом. рукопись, ч. II, с. 201.

2 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 217; А. Н. Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», с. 59; Л. С. Васильев. Бань Чао в Зап. Крае, ВДИ, I (51), 1955, с. 108-125.

3 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 172.

4 Там же, т. III, см. Приложение.

5 В древности китайцы ошибочно считали, что истоки Хуан-Хэ лежат в Луковых горах (на Памире). См. об этом: Н. Я. Бичурин, т. II, с. 170; т. III, 1953, с. 76-77.

6 См. карту, а также: Н. Я. Бичурин, т. III, 1953, с. 35.

можно принять за южные, Занарынские дуги Тянь-Шаня, то северные (северо-западные) гряды гор, обозначенные обособленно и на значительном расстоянии от первых, за северные дуги Небесных гор.

Замечательно и то, что карта изображает два водоема к северу от Тянь-Шаня. Южный служит истоком значительной реки, а Северный, наоборот, принимает не менее значительную реку с притоками. Однако, ни реки, ни сами водоемы не названы. Но не трудно усмотреть в них крупнейшие озера Средней Азии – Балхаш (Жо-Хай по истории династии Тан)¹ и Ысык-Кёль (Янь-Хай или соленое озеро, Же-Хай или теплое море (озеро)).² Это первое картографическое изображение оз. Ысык-Кёль, р. Чуй и контуров Тянь-Шаня.

По-видимому, оба озера нанесены на карту по расспросным данным. Балхаш, имеющий площадь почти в три раза большую, чем озеро Ысык-Кёль, по карте времен династии Старший Хань, обозначен величиной равной, или даже меньшей размеров Ысык-Кёля. Последний, как указано выше, служит истоком реки, которая течет в северо-западном направлении и оканчивается на значительном расстоянии от гор небольшим водоемом.³

Все: и направление реки, и ее впадение в озеро говорит за то, что она может быть только рекой Чуй, ошибочно принятой за сток Южного водоема (озеро Ысык-Кёль). Вероятно, что эта ошибка первых путешественников, неосторожно внесенная на «Китайскую карту Центральной и Средней Азии времени династии Старшей Хань», и послужила причиной ошибок последующих авторов вплоть до середины 19 века, пока этот спор⁴ не разрешил русский путешественник и географ П. П. Семенов в 1856 г., доказав гидрографическую независимость реки Чуй от озера Ысык-Кёль.⁵

1 Н. Я. Бичурин, т. III, с. 11.

2 Там же, т. III, с. 314. См. также: Н. А. Аристов, Упомян. рукоп., Геогр. общество СССР, Архив, ч. I, ф. 58, оп. 1, № 5, с. 68, 69, 72; К. Риттер замечает, что Ысык-Кёль под китайским именем Же-Хай известен с VII в. (Землевед. Азии, т. II, СПб, 1859, с.89).

3 Река Чуй и ныне теряется среди небольших водоемов (озерков). См. С. И. Суслов, Физическая география СССР, М., 1954, с. 588.

4 К. Риттер, Упом. сочин., с. 88-89.

5 Письмо действительного члена русск. геогр. общества П. П. Семенова о путешествии в Киргизской степи Сибирского ведомства в 1856 г. – Вестн. Р. Г. О., ч. 18, кн. 6, 1856, с. 28.

Приведенные данные, хотя и не в полной мере, все же свидетельствуют о значительных географических представлениях китайцев о природе, экономике и населении древней Киргизии. Однако, известия эти далеко не равноценны. Среди них встречаются явно ошибочные, на что мы выше не раз указывали. Тем не менее древние китайские исторические записки обширностью своих сведений, достоверностью географического описания страны, намного превосходят смутные, сбивчивые сообщения авторов античной Греции и Рима.

К концу рассматриваемого периода (I вв. н. э.), в связи с падением рабовладельческого общества, происходит упадок и разрушение античной культуры. В Западной Европе после Птолемея, по существу, наступает конец древней эпохи географических исследований.¹

Крайне острая внутренняя и внешняя политическая обстановка сложилась в это время в Китае. Усиленная классовая борьба, переплетавшаяся с групповой борьбой в среде господствующего класса, привела к падению династии Хань. Еще в ходе внутривнутриполитических осложнений Китай постепенно терял свое влияние в Западном крае. Только в период с 25 по 122 г. «... Западный край три раза был отторгаем и три раза вступал в связь с Китаем... Но усунь² и владения, лежащие от Луковых гор на Запад, отторглись совершенно».³

Эпоха Троецарствия (третий век н. э.), нашествия кочевых племен, длившиеся более чем сто лет, продолжительные междоусобные войны еще более ухудшили связи Китая со Средней Азией. Именно в этот период (2-4 вв.) письменные источники не сообщают чего-либо существенного о нашем крае, в частности о Семиречье.⁴

В это время значительные политические сдвиги происходили на территории самой Средней Азии. Нашествие гуннов на Запад, господство центрально-азиатских кочевников, сначала сяньбицев (конец I века – сере-

1 Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, с. 39.

2 Усуни тогда занимали в основном территорию совр. Киргизии.

3 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. II, с. 220.

4 В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 15; А. Н. Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспед. «Чуйская долина», с. 71.

дина 3 в. н. э.),¹ а затем жужан (конец IV в. – половина VI в.)² на Тянь-Шане, в связи с этим перемещение местных племен, обусловили неустойчивость и частые смены политических объединений, осложнили торговые и иные сношения с соседними странами.

2.2. Средневековой этап географических представлений. Киргизстан в географической литературе средних веков

Начиная с VI в. в социально-экономической жизни Киргизстана происходят существенные изменения., связанные, с одной стороны, с проникновением в Семиречье согдийских переселенцев, с другой – с образованием первого государства кочевников – Западно-Тюркского каганата (середина VI в.).

Согдийская колонизация V-VIII вв. вызвала возникновение оседлых поселений и городов, развитие ремесел и земледелия в Чуйской, Таласской долинах и на берегах Ысык-Кёля.³ Вся остальная территория страны, преимущественно горная, была занята скотоводческим хозяйством кочевников – тюрков (нушеби, дулу, тюргешей, кыргызов и др.).

Удобное географическое положение между Китаем и другими странами Востока, а также арабским халифатом и их вассалами на юго-западе, прохождение по территории Семиречья главных торговых путей между Востоком и Западом и другие обстоятельства способствовали политическому возвышению государств тюркских кочевников в VI-XII вв.⁴ Устанавливаются торговые и дипломатические сношения с Византией,⁵ а позже – арабами и таджикской династией саманидов.⁶

1 Н. Я. Бичурин, Указ. соч., т. I, с. 154, 171.

2 Там же, т. II, с. 258; В. В. Бартольд, Указ. соч., с. 15.

3 А. Н. Бернштам, Указ. соч., с. 72.

4 После падения Западно-тюркского каганата (конец VII в.) здесь образовалось государство тюргешей (90-е г. VII в. – середина VIII в.). Затем господствовала династия карлуков (766-940 гг.), которую заменили караханиды (X-XII вв.).

5 Н. А. Аристов, Упомянут. рукопись, ч. II, с. 4-5; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, с. 18.

6 В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 21.

Китай, уже к V в. сумевший установить свое господство в Восточном Туркестане, при династии Тан совершает ряд военных походов в пределы Средней Азии, в том числе Киргизстан, против Западных тюрков.¹

Внешние сношения тюркских государств со своими соседями, военные походы китайцев и арабов в эпоху становления и развития феодальных отношений в стране, дали возможность накоплению значительных географических сведений о Киргизии, которые известны нам благодаря китайским источникам и трудам арабских и среднеазиатских авторов.

Рассмотрим, прежде всего, китайские сообщения, относящиеся к Танскому периоду (VII-X вв.) истории Китая. Это была эпоха расцвета китайской культуры, опередившей в своем развитии страны Азии и особенно Западной Европы. Ярким выражением высокого уровня культуры может служить развитие географической литературы, связанной с путешествиями буддийских проповедников в Индию через многие страны Центральной и Средней Азии.

Направляясь в далекое неведомое странствование, буддийские паломники ставили перед собой как главную цель изучение буддийского учения в самом очаге его зарождения, в Индии.² В пути следования они вели дневники, записи наиболее примечательного, в которых содержатся весьма ценные сведения о странах Средней Азии, в частности о Тянь-Шане. Среди путешественников-буддистов следует отметить особенно Сюань Цзана (629-648 гг.)³ и Хой Чао (723-729 гг.),⁴ которые прошли по территории Киргизии. Путь Фа Сяня,⁵ Сун Юня,⁶ Хой Синя (Хой-щен)⁷ и других паломников более раннего периода лежали через бассейн р. Тарим и Цунлин (Памир). Укажем также на китайских послов Тун Юана и Гао Мина, посетивших Тянь-Шань и Фергану в середине V в.⁸ и Дун Дина, бывшего у усуней еще в 436 году.⁹

1 Н. Я. Бичурин, т. I, с. 347; В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 18, 19, 21.

2 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 122.

3 В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 122, 138, 148 и послед.

4 А. Н. Бернштам. Тюрки и Ср. Азия в описании Хой Чао (726). – Вестник древней истории, 1(39), 1952, с. 187-193.

5 В. В. Григорьев, с. 80, 114.

6 Там же, с. 81, 118.

7 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 269.

8 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 242, 243; А. Н. Бернштам, Рукоп., ч. II, с. 203.

9 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 258; В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, с. 16.

Наиболее обстоятельное описание природы Киргизии, в частности ледников Тянь-Шаня, оз. Цин-Чжи (Ысык-Кёль) и Чуйской долины (Сули), а также экономики и культуры Киргизстана, дано великим китайским путешественником Сюань Цзанем, прошедшим по Средней Азии в 630 году.¹

Маршрут его путешествия по Тянь-Шаню нам точно неизвестен. О нем можно судить лишь на основе описаний пройденных путешественником территорий, а также существовавших в то время маршрутов по Киргизии между Китаем и государством Западных тюрков.

В историко-географической литературе имеет место двоякое толкование маршрута Сюань Цзана по Киргизии. У историков (Вивиен де С.-Мартэн, В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, Н. А. Аристов и другие)² принято обычно считать, что путешественник прошел по караванному пути, известному в литературе как «Танский маршрут»: через перевал Бедель на хребте Какшаал-Тоо, верховья Нарына и пер. Джууку (или пер. Барскон) к оз. Ысык-Кёль. Отсюда он направился на северо-запад (по-видимому, южным берегом озера) и через 500 ли пути прибыл в город на реке Суйе (Суяб мусульманских авторов).

Наиболее вероятным и естественным выходом к Суябу могло быть тогда Боомское ущелье (Вивиен де С.-Мартэн, В. В. Бартольд, Н. А. Аристов). Однако, исследования советского археолога А. Н. Бернштама³ дают

1 В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 18; А. Н. Бернштам, Рукоп., ч. II, с. 215. Его же: в Трудах Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», с. 72, 73.

Описание природы Тянь-Шаня см. Histoire de la vie d'Hiouen-Tsang, et de ses voyages dans l'Inde, entre les années 629 et 645 de notre ere, Paris, 1851 (p. 53-54); Voyages des pelerins Bouddhistes. Memoires sur les contrees occidentales, traduits du sanscrit en Chinois, en l'an 648, par Hiouen-Tsang, t. 1, Paris, 1857 (p. 11-14). Обе эти книжки изданы во французском переводе Ст. Жольена. Русские переводы и комментарии: Н. А. Северцов, Зап. РГО, по общ. геогр., т. I, 1867, стр. 75-76; В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 136-137; И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I, с. 63-64; А. Н. Краснов, Зап. Р. Г. О., по общ. геогр., т. XIX, 1888, с. 93-95; Н. А. Аристов, Рукопись, ч. II, с. 35-45.

2 Vivien de Saint-Martin. L'Asie centrale et l'Inde au septieme Siecle de notre ere Pour l'intelligence des voyages des Hiouen-Tsang etc., 1857. – Memoires sur les contrees occidentales, traduits du sanscrit en Chinois, en l'an 648, par Hiouen-Tsang, t. 1, Paris, 1857; В. В. Григорьев, Указ. соч., с. 137; В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. VIII, 4, 1893, с. 3-4; его же: Очерк истории Семиречья, с. 17; Н. А. Аристов, Упом. рукопись, ч. II, с. 36.

3 А. Н. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины, ВДИ, № 2 (11), 1940, с. 197; его же: Археологический очерк Северной Киргизии, с. 78.

веские основания усомниться в правильности этого предположения. По археологическим находкам автора оказывается, что Суяб находился не в Чуйской долине, как было принято раньше, а в Кеминской. И Сюань-Цзан, направляющийся к хану Западных Тюрков, чтобы заручиться его покровительством для беспрепятственного проезда по владениям Тюркского Каганата¹ должен был пройти в Суяб перевалом Калмак-Ашу² в хребте Кунгей-Ала-Тоо, нежели кружным, дальним и более опасным путем через Боомское ущелье.

Маршрут Сюань-Цзана от Суяба на запад по Чуйской долине в основном совпадал с современной трассой шоссейной дороги с незначительными отклонениями. Здесь, вдоль северных подножий Киргизского Ала-Тоо, в то время проходил главный торговый путь из Западной Азии в Китай.³

В среде географов (И. В. Мушкетов, И. В. Игнатьев, А. Н. Краснов и др.),⁴ исходя, главным образом, из описания Линшана (Ледяная гора) ошибочно принимался более восточный вариант маршрута Сюань-Цзана, а именно через перевал Музарт на хребте Халыктау.

Согласно «Записок»,⁵ Сюань Цзан в пределы Киргизии направился из владения Болуга или Ба-лу-цзя, расположенного к северу от современного Аксу (Синьцзян). Оттуда по переходе 300 ли⁶ пути на северо-запад через каменистую степь (пустыню) он прибыл к Ледяной горе или Линь-Шань, составляющей северный край гор. Цунлин.⁷

1 В. В. Григорьев, с. 137-138.

2 А. Н. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины, ВДИ, 2 (11), 1940, с. 197. Его же: Археологический очерк Северной Киргизии, с. 79; МИА, 14, 1950, с. 22.

3 В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 17; А. Н. Бернштам, МИА, 14, 1950, с. 75. Его же: Историческая география Тянь-Шаня и Памира-Алая, Изв. Р.Г.О., т. 87, В. I, 1955, с. 51.

4 И. В. Мушкетов. Туркестан, с. 63; И. В. Игнатьев. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тен-Гри. Изв. Р.Г.О., т. XXIII, 1887, с. 125; А. Н. Краснов, Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня. Зап. Р.Г.О., по общей географии, т. XIX, 1888, с. 93.

5 Сюань Цзан. Memoires sur les contrees occidentales etc., т. I, р. 11. То же в Histoire de la vie d'Hiouen-Thsang, р. 53.

6 Ли – китайская мера длины, равная в древности около 0,5 км.

7 Цунлином китайцы называли Памир и Западный (советский) Тянь-Шань.

Около 400 ли пути прошел он по этим горам, преследуемый неисчислимыми опасностями и лишениями, голодом и холодом, и только к концу недели ему удалось добраться до большого озера Цин-Чжи («Прозрачное озеро»), потеряв во время перехода через Линшань 13 или 14 своих спутников и еще больше быков и лошадей.

Из цитированного текста видно, что здесь речь идет не об одной ледяной горе, а обширной высокогорной области и что под Линшанем Сюань Цзан подразумевал весь бассейн Верхнего Нарына между хребтами Какшаал-Тоо и и Терской-Ала-Тоо¹. Озеро Цин-Чжи, как увидим ниже, соответствует Ысык-Кёлю. Под водами, текущими на восток, имеется ввиду р. Какшаал и ее притоки и, возможно, р. Тарим.

Что касается собственно описаний путешественника, то в них автор, если не принимать во внимание элементов фантазии и преувеличения, исключительно верно схватил наиболее характерные черты физико-географических условий прицентральной части Тянь-Шаня. Это – широкое развитие в нем ледников и вечного снега, суровые климатические условия, особенности орографического строения страны, затрудняющие движение по горам. При этом необходимо особо подчеркнуть то, что Сюань Цзан впервые и справедливо указал на возвышенный, платообразный характер рельефа Тяньшанских сыртов.

Не менее интересно и другое описание Линшаня, содержащееся в «Биографии» Сюань Цзана: «С начала мира, снега здесь накопившиеся обратились в ледяные глыбы, которые не тают ни весной, ни летом. Гладкие поля твердого и блестящего льда тянутся в беспредельность и сливаются с облаками. Путь пролегает нередко между нависшими с обеих сторон ледяными пиками, и через высокие ледяные массы. Проходят этими льдами с тяжким трудом и большими опасностями, под постоянными порывами пронзительного ветра и снежного вихря, так что даже в теплых сапогах и меховом платье стужа проникает до костей. Нет сухого места чтобы прилечь или поесть. И пищу варить, и спать приходится на льду».²

1 Между прочим, на карте Центральной и Средней Азии времени Династии Тан Линшань обозначена к северу от хребта Баньда (Бедель, Какшаал-Тоо) вблизи р. Суй-е (оз. Ысык-Кёль).

2 По В. В. Григорьеву, с. 136-137.

Это описание Линшаня, послужившее некоторым исследователям Тянь-Шаня основанием провести маршрут Сюань Цзана через Музартский перевал, но где путешественник на самом деле не проходил, относится к ледниковому району Музарта в западной части хребта Хальктау. Как и в VII в., здесь современные ледники имеют большее развитие, чем вдоль трассы караванного сообщения через пер. Бедель и верховья р. Нарын. Если мы обратимся к Таншу¹ и более поздним китайским источникам,² а также исследованиям русских путешественников³ и сопоставим их описания, относившиеся к данному району, с тем, что мы цитировали выше, то увидим насколько метко и правдиво передают китайцы особенности природных условий прилегающей к массиву Хан-Тенир (Мустаг, Муз-Тоо) части Небесных Гор. Однако, как могло оказаться в «Биографии Сюань Цзана» описание Музартского ледникового района, где не проходил «буддийский богослов», остается неизвестным. Ясно одно, что «Биография» была составлена не самим путешественником, а его учениками, которые, очевидно, привлекли в свое сочинение новейшие сведения, собранные позднее, хотя они и не относятся к маршруту Сюань Цзана.

Теперь рассмотрим географические известия Сюань Цзана об озере Ысык-Кёль и Чуйской долине. Озеро Цин-Чжи, – пишет он, – «имеет тысяча ли в окружности. Оно длиннее в протяжении с востока на запад и суживается с юга на север. Оно окружено со всех сторон горами и принимает в себя множество речек. Цвет воды зеленовато-черный, а вкус соленый и вместе горький. Широкие волны то простираются огромными ровными валами, то воздымаются и стремятся с неудержимой силой. В озере этом

1 Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, 1846, Paris, p. 249.

2 Си-Юй-Вэн-Цзянь-Лу (1773), Синь-Цзян-Чжи-Ляо (1821), Си-Юй-Шуй-Дао-Цзи (1823) и др. По Си-Юй-Вэн-Цзянь-Лу Ледяная гора располагается между городами Или (Кульджа) и Уш (Учтурфан) и «вся сребреется от лежащих на ней льдов» (Н. Я. Бичурин. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана, СПб, 1829, с. 92). Согласно Синь-Цзян-Чжи-Ляо Линшань или Пинлинь (Ледяной проход) образован из глыб льда, нагроможденных огромными скалами; иногда лед тает и тогда можно видеть бездонные пропасти (Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, p. 248).

3 Имеются ввиду исследования В. А. Полтарацкого (1869), А. В. Каульбарса (1872). Л. Ф. Костенко (1872) и др.; А. Шепелев в 1871 г., И. В. Игнатьев в 1886 г. находили в районе Музартского перевала целое «ледяное море». Первые расспросные сведения о широком распространении ледников и вечного снега на Музарте сообщили во II половине XVIII в. Миллер и Фальк (об этом подробнее ниже).

обитают совместно драконы и рыбы, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища. Вот почему путешественники возносят (небу) молитвы о благополучии. Хотя обитатели озера многочисленны, но никто не осмеливается их ловить.»¹

Выше мы уже имели случай отметить, что описания Сюань Цзанем природных условий Тянь-Шаня отличаются меткостью и правдивостью. Это тем более относится к описанию озера Ыссык-Кёль. Правда и здесь не обошлось без преувеличения и фантазии буддийского проповедника, но тем не менее характеристика озера (географическое положение, размеры, очертания, гидрологический режим) дана исключительно верно и подкупает четкостью и простотой изложения. Ее можно сравнивать разве только с таким же превосходным описанием озера, данным значительно позже Мухаммедом Хайдаром (XVI в.).²

В Западной Европе, даже спустя 12 веков, не располагали более положительными сведениями об Ыссык-Кёле, чем во времена Сюань Цзана и даже такой авторитет ученого мира 19 века, как маститый Карл Риттер жаловался на то, что нам ничего неизвестно о природе озера, кроме богатства его берегов железняком.³

Нам кажется, что отождествление Цин-Чжи Сюань Цзана с озером Ыссык-Кёль не вызывает сомнений. Все данные говорят в пользу такого утверждения. Длина озера, по современным представлениям, 182 километра, наибольшая ширина – 58 км, площадь равна 6206 кв. км.⁴ В озеро впадает до 80⁵ сравнительно небольших притоков. Соленость его колеблется в пределах 5,7 - 5,8 ‰.⁶ Все эти данные вполне согласуются со сведениями Сюань Цзана.

Несомненный интерес представляют и описания Чуйской долины (Сули). «Почва, – читаем у путешественника, – благоприятна для красного

1 (Сюань Цзан), *Memoires sur les contrees occidentales ...*, т. I, p. 11-12.

Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II, с. 35-36; Л. С. Берг. *Озеро Иссык-Куль. Землеведение*, 1904, кн. 1-2, с. 2.

2 См. с. 89 нашей работы.

3 К. Риттер. *Землеведение Азии*. Т. II, СПб, 1859, с. 88.

4 В. П. Матвеев. *Гидрологические исследования на озере Иссык-Куль в 1932 г. Труды Киргизской комплексной экспедиции*, т. 3, вып. 2, 1935, с. 10-11.

5 Л. С. Берг. *Озеро Иссык-Куль. «Землеведение»*, т. XI, кн. 1-2, 1904, с. 21.

6 В. П. Матвеев, *Указ. соч.*

проса, для пшеницы и для винограда; дикорастущие деревья тут редки. Так как климат холодный и господствует леденящий ветер, то жители носят одежды из валеной шерсти. На западе от Суйе (т. е. города на р. Суйе – С. У.) несколько десятков особых один от другого городов.»¹ Главный город страны Суяб, как указано нами выше, являлся ставкой Западно-тюркских каганов и служил местом встречи торговцев разных стран. В окрестностях его Сюань Цзан в 630 году представился кагану Западных тюрков.²

По сообщениям путешественника Чуйская долина выступает как важнейший очаг земледельческой культуры, связанный с согдийской колонизацией Семиречья. Наряду с земледелием здесь были развиты различные ремесла и торговля. Одна половина населения обрабатывает поля, а другая – занимается торговлей, – писал Сюань Цзан.³

Далее, после 400 ли пути на запад от реки Суйе, путешественник прибыл в Бин-Юй («тысяча источников»), восторженное описание которого считаем необходимым привести. Страна эта, – повествует автор, – «около двести ли в квадрате. С юга она ограничена снежными горами, а с трех других сторон – равнинами. Земля обильно орошена и деревья растут великолепно. В последний месяц весны самые разнообразные цветы блистают

Рис. 5. Одно из средневековых изображений Танского монаха Сюань-Цзяна.⁴

1 (Сюань Цзан), *Memoires sur les contrees occidentales ...*, т. I, p. 12.

Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II, с. 40. То же: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 17-18; А. Н. Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспед. «Чуйская долина», с. 21, 72-73.

2 В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 17.

3 Н. А. Аристов. Упом. рукопись, ч. II, с. 40.

4 Источник: <http://www.truthinfo.info/chitaya-knigu-puteshestvie-na-zapad/>

на земле, как богатый узор. Тут бесчисленное множество бассейнов живой воды, откуда и произошло название «тысяча источников». Хан тукиюсецев (тюрков – С. У.) ежегодно приезжает сюда, спасаясь от летней жары. Здесь множество оленей, украшенных колокольчиками и кольцами; они привыкли к людям и не убегают при виде их. Хан любит их и считает удовольствием смотреть на них. Он издал повеление, угрожающее смертной казнью тем, кто осмелился бы убить хотя одного из этих оленей. Вот почему все эти олени могут спокойно доживать свои дни.»¹ Сделав отсюда 140-150 ли на запад, Сюань Цзан прибыл в Талас (Джамбул).

Наконец, укажем на описание путешественником Цун-Лина (Луковых гор), которые, по представлениям китайцев занимали все пространство от Гиндукуша на юге до Балхаша на севере и до массива Хан-Тенир на востоке. «И с востока на запад, – указывает Сюань Цзан, – и с севера на юг эти горы простираются на несколько тысяч ли; в них есть несколько сот крутых вершин; долины темные, наполнены пропастями; там видны во всякое время года кучи льда и снега; чувствуется жестокий холод и дует сильный ветер. В этой стране растет много луковиц (цун), потому горы и зовутся Цун-Лин. Так их зовут тоже потому, что вершины этих гор синеваты» (слово цун по-китайски значит тоже синий).²

Данные строки можно принять за общую, обобщающую характеристику горной Киргизии.

Мы привели все известные нам сведения Сюань Цзана о природных условиях Тянь-Шаня, так умело и метко подхваченных, но просто и лаконично переданных в описаниях автора. Перед нами во всей своей красе

1 (Сюань Цзан), *Memories*, t. 1, p. 13-14; Н. А. Аристов. Упомян. рукопись, ч. II, с. 45; А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологич. экспед. «Чуйская долина», с. 76.

Местонахождение Бин-Юя («тысячи источников» – «Мин-Булака») еще не выяснено. Одни авторы (Рихтгофен, П. Кафаров, Северцов, Бартольд) его располагали на северной стороне Киргизского хребта к востоку от р. Талас, другие (Гумбольдт, Григорьев, Бернштам) – к западу от р. Талас, а третьи (Аристов) – на южной стороне Киргизского хребта, в долине Верхнего Таласа. В Китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан Бин-Юй, как «место, где каганы Тукюе укрываются от жары» помещен во Внутреннем Тянь-Шане» (Н. Я. Бичурин, ч. III, Приложения).

2 По Н. А. Северцову, *Зап. Р. Г. О.*, по общей геогр., т. 1, 1867, с. 75-76. Сравни: Н. Я. Бичурин. *Собрание сведений...*, т. III, с. 35; Н. А. Аристов. Упомянут. рукопись, ч. 1, с. 39; П. П. Семенов-Тянь-Шанский. *Путешествие в Тянь-Шань*, с. 176.

встают величественные картины Небесного хребта, с его вечными снегами и ледниками, зажатое в тисках Кунгея и Терскея, «прозрачное», но бурное озеро Ысык-Кёль, плодородный Сули (Чуйская долина) – страна городов и земледелия, заповедный Мин-Булак («тысяча источников»), суровый и угрюмый Цунлин.

Ни раньше, ни позже до самого П. П. Семенова, никто из путешественников, посетивших пределы Киргизии, не дал такой обстоятельной для своего времени географической характеристики страны, как это сделал Сюань Цзан. Его краткие, но богатые по содержанию обобщения содержат самые разнообразные сведения о природе Киргизстана, в частности по орографии, климату, гляциологии, гидрологии, флоре и фауне, а также социально-экономическом строе, культуре и быте населения края.

Все это побуждает нас считать великого китайского путешественника Сюань Цзана первым исследователем Киргизии, а его описания – первой географией страны.

Однако, записками буддийских паломников не исчерпываются китайские географические известия Танского времени о нашем крае. Мы располагаем источниками, правда, менее значительными, чем записки Сюань Цзана, но весьма ценными, существенным образом дополняющими и уточняющими сведения самого Сюань Цзана. Таковы, например, сообщения Танской истории о Центральном Тянь-Шане, озере Ысык-Кёль, о реках Чуй, Или и Нарын, о Чуйской и Ферганской долинах, маршрут Танского времени по территории Киргизии и, особенно ценные для суждения об уровне географических знаний того времени, китайские карты Западного Края (Центральной и Средней Азии) V-X веков, подобранные А. Н. Бернштамом из Циньдин-Хуньюй-сией-гучжи.¹

В повествовании о Западном Крае, относящемся к VIII в., Таншу упоминает о горах Линшаня и Бода и «снежном море», которые территориально можно приурочить к области Нарыно-Сарыджазского водораздела.

Сведения о горах Линшань в Таншу заимствованы из «Записок» Сюань Цзана. О горах же Бода сведения менее определены. В повествовании

1 См. приложения к «Собранию сведений...» Н. Я. Бичурина, ч. III, изд. 1953 г.

о владении Кан (Самарканд)¹ содержатся лишь косвенные указания о местоположении гор к северо-западу от Аньси (владение Куча).

Однако, в дорожнике Ду-Хуаня сказано, что хребет Бо-да находится на северо-запад от Аньси в расстоянии более чем 1000 ли.² По Танскому маршруту³ Бада входит в состав гор Сунь (Суншань) и лежит к северу от Аксу. Горы Бода или гора Бада, вероятно, соответствует перевалу Бедель (Бададь) и прилегающей части хребта Какшаал-Тоо, включая возможно горы Сары-Чат, а горы Сунь (Суншань) – хребту Какшаал-Тоо. В древности через перевал Бедель (гора Бада) проходило караванное сообщение между Китаем и Средней Азией. На китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан⁴ к юго-западу от р.Суйе (оз.Ысык-Кёль) изображен хребет Баньда. В данном случае это не искаженное ли название горы Бада или гор Бода?

Любопытно сообщение Таншу о «снежном море». »На север (от гор. Бода – С.У.) через три дня пути, – читаем в истории Танской династии, – надобно переходить через снежное море (большое озеро), где и весной и летом всегда идут дожди и снега».⁵ В Танском маршруте⁶ также имеются сведения о «снежном море», – Сюе-Хае. О нем упоминает и Ма Дуань-Линь.⁷ Сюе-Хай, как указывает он, со всех сторон окружен горами, покрытыми снегами. Отсюда и его название «снежное море».

В.В.Бартольд полагал, что Сюе-Хай соответствует горному озеру Белькуль, расположенному к югу от перевала Кашка-Суу.⁸ Аристов же в Сюе-Хае видит ледники и снежные поля Ак-Шийрака, которые, по его мнению, в то время спускались на сырт и в долины истоков Нарына.⁹

1 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 314.

2 По «Си-Юй-Шуй-дао-цзи». – Зап. Р.Г.О., по отд. этногр., т. VI, с. 135.

3 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 30-31.

4 Н. Я. Бичурин, т. III, Приложения.

5 Н. Я. Бичурин, т. II, с. 314, ч. III, с. 48; Си-Юй-Шуй-дао-цзи, Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. VI, с. 135.

6 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 31.

7 Там же. См. также: Н. А. Аристов, Упомянут. рукопись, ч. I, с. 68. Ма Дуань-Линь – китайский историк конца XIII – начала XIV века.

8 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 31.

9 Н. А. Аристов. Упомянут. рукопись, ч. I, с. 72.

Нам кажется, что «снежное море», расположенное в трех днях пути от гор Бода и Сюе-Хай Танского маршрута одно и то же. В первом случае расстояние трех дней пути от Бедела привело бы к Ысык-Кёльской котловине, или во всяком случае, к южным склонам Терской-Ала-Тоо.

По Танскому маршруту расстояние от Бада до Сюе-Хая 130 ли¹ или около 60 км. Если верить данному маршруту, то «снежное море» могло быть где-нибудь к западу от массива Ак-Шийрак, в районе уроч. Джоо-Джурек. Но это расстояние мало для трех дней пути. К тому же расстояния, данные Танским маршрутом между Бада (Бедель) и Же-Хаем (оз. Ысык-Кель), значительно меньше действительного. Если так, то вряд ли следует искать «снежное море» к западу от хребта Ак-Шийрак.

Ближе к истине предположение В. В. Бартольда. На карте Нарынского края А. В. Каульбарса² к югу от перевала Кашка-Суу обозначена группа озерков под названием Белькуль. Долина р. Кашка-Суу вообще изобилует небольшими озерками, самое значительное из которых достигает в длину 1.75 км, и в ширину свыше 300 м.³ Они, скорее всего, представляют не отдельные озера, а реку с частыми расширениями и разливами.⁴

В таком случае можно ли принять за Белькуль «снежное море», как это делал В. В. Бартольд? Мы считаем, что нельзя, так как озерки Белькуль незначительны по величине и не могут быть сопоставляемы с Сюе-Хаем, имевшим, вероятно, значительные размеры. С другой стороны, как указывает Ма Дуань-Линь, Сюе-Хай («снежное море») со всех сторон окружали снежные горы, чего также нельзя сказать по отношению озерков Белькуль.

Таким местом, как с точки зрения орографических, так и климатических («где и весной, и летом всегда идут дожди и снега») условий, мог бы быть Арабельский или Кумтерский сырты, расположенные между хребтами Терской-Ала-Тоо, Джетим-Бель и Ак-Шийрак. Сырты Кумтера и Ара-

1 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 31.

2 Зап. Р. Г. О. по общ. геогр., т. V, 1875, Приложение.

3 Н. Б. Быкова. Оро-гидрографический очерк верховьев Большого Нарына. Труды ледниковых экспедиций. В. 2, Л., 1935, с. 20. Сравни: А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня. – Зап. Р. Г. О. по общ. геогр., т. V, 1875, с. 366; П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946, с. 176.

4 Н. Б. Быкова. Упомянут. соч., с. 20.

бель-Суу – настоящий край озер и болот с тундровым ландшафтом. Климатические условия здесь настолько суровы, что даже летом случаются снежные бураны,¹ а осадки в виде снега не редкость. «Эти сырты, – пишет Н. Б. Быкова, – производят унылое впечатление, напоминая тундру не только своим внешним видом (равнинностью, заболоченностью, отсутствием леса и кустарников), но также суровым неприветливым климатом, вследствие которого снежная пелена (подчеркнуто нами – С. У.) неоднократно устилает летом всю местность.»²

Вот как описывает природные условия Кумтерских сыртов советский исследователь Тянь-Шаня Д. Н. Кашкаров: «Как только спустившись с ледника Заукучака, мы пройдем несколько километров (2-3) и вступим в холодную пустыню, мы встречаем безотрадную, голую, безжизненную и пустую холмистую равнину, широко раскинувшуюся между снежными горами.³ Здесь сразу чувствуется иной климат: то светит и жжет яркое солнце, то небо быстро заволакивается стремительно бегущими тучами, по горам начинает ползти туман, скатываясь с вершины в ущелья и заволакивая хребты и покрытые снегом увалы, то внезапно налетает шквал, и в минуту засыпает землю крупой или снегом. Нередко среди лета такой шквал длится часами. Воздух становится зимним, морозным. Все время дует холодный, пронизывающий ветер... Вдали кругом со всех сторон сияют снежные вершины, ползут вниз, чернея моренами, ледники. Один, другой, третий... много. Тут и там видны в понижениях и большие и малые моренные озера»⁴ (везде подчеркнуто нами – С. У.). Вдобавок укажем, что здесь, в верховьях Нарына, в июле 1934 г. было дней с дождем 10, со снегом 15, с градом 5, с крупой 8, с ледяным дождем 1, с инеем 20.⁵

Приведенные нами данные свидетельствуют о том, что «снежное море» могло находиться именно в Заысыккельских сыртах Центрального Тянь-Шаня, где имелись в прошлом (VII-VIII вв.), где имеются и в настоящее время наиболее подходящие для этого климатические и орографи-

1 А. В. Каульбарс. Упомянут. соч., с. 375.

2 Н. Б. Быкова. Указ. соч., с. 25.

3 По Ма Дуань-Лину название «снежное море» происходит от того, что окружающие его горы покрыты снегом (см. выше, с. 26).

4 Д. Н. Кашкаров и др. Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня. Л., 1937, с. 40-41.

5 Там же, с. 15.

ческие условия. Озерно-болотистые участки сыртов Кумтера и Арабель в теплое время года, в результате таяния снегов и льдов, могли образовать обширные водные пространства, а при низких температурах – ледяные поля, покрытые снегом или без них, которые вместе с окружающими снежными горами, дать китайцам повод назвать их Сюе-Хаем («снежным морем»).

Однако трудно с уверенностью указать на какой-либо определенный пункт как на место «снежного моря», тем более, что китайские источники не приводят маршруты путешественников, а танский дорожник дает такие сбивчивые сведения, на которых решительно нельзя положиться.¹ Мы не знаем также, какие из перевалов,² ведущих к упомянутым сыртам, служили удобным сообщением для караванной торговли. Перевалы Джуукучак и Кашка-Суу, лежащие на большой абсолютной высоте, да и переметным ледником на первом, вряд ли имели преимущества перед перевалами Джууку и Барскон, расположенными ниже первых и относительно более доступными. Учитывая это, а также принимая во внимание вышесказанное, мы полагаем, что Сюе-хаю («снежное море») более всего соответствует группа озер Яшилкуль и прилегающих болот Арабельских сыртов.

В китайских известиях, связанных с Сюе-хаем, более всего ценны указания о характере климатических условий Центрального Тянь-Шаня, об обилии осадков в теплое время года, что подтверждается данными последующих исследователей, как дореволюционных (Н. А. Северцов, А. В. Каульбарс, А. Н. Краснов, Б. В. Сапожников, А. Ф. Ледомский и др.), так и советских (Л. К. Давыдов, Н. Н. Пальгов, С. В. Калесник, Д. Н. Кашкаров и др.). В частности, участник советской комплексной экспедиции на Центральный Тянь-Шань 1932-1933 гг. А. Х. Завадовский указывает, что сырты Кумтера весной и летом получают 83 % годовых осадков.³

1 В. В. Бартольд указывал на сомнительность этого маршрута (О христианстве в Туркестане, с. 32; Очерк истории Семиречья, с. 12). Подробнее о Танском маршруте см. ниже.

2 К сыртам Кумтер и Арабель-Суу через хребет Терской-Ала-Тоо ведут перевалы Джуукучак, с абсолютной высотой 4027 м, Кашка-Суу (3843 м), Джууку (3646 м, Труды ледников. экспед., В. 2, 1935, с. 29) и самый западный Барскон с абсолютной высотой 3754 м (по карте Киргизской ССР, 1952).

3 А. Х. Завадовский. К вопросу о климатических условиях на сыртах в верховьях Нарына. – Труды ледниковых экспедиций, В. 2, Л., 1935, с. 64.

Танский маршрут VII в., кроме сведений о горе Бада и Сюе-Хае («снежное море»), рассмотренных нами выше, содержит известия и о других географических пунктах между Бада (Бедель) и Же-Хаем (Ысык-Кель). В 50 ли от Бада, по этому маршруту, находился город Дун-до или древний Чигу (?) – столица усуней. По переходе оттуда 30 ли протекала р. Чжень-чжу-хэ, к северо-западу от которой находилась гора¹ Фаелин. Затем через 50 ли пути путешественники пересекали Сюе-Хай («Снежное море») и еще через 30 ли – Суй-бо-шу на реке того же названия. Отсюда до озера Янь-Хай («Соленое море») или Же-Хай («Теплое море») оставалось 50 ли.²

Как ни странно, Сюань-Цзан, прошедший, очевидно, по этому же маршруту, совершенно не упоминает об указанных географических названиях, что при сомнительности Танского маршрута вообще затрудняет его рассмотрение по существу.

О горе Бада и «снежном море» нами сказано выше и повторяться здесь не будем. Река Чжень-чжу-хэ в переводе с китайского означает «река истинных жемчужин». Она, по Н. А. Аристову, соответствует Сыр-Дарье, а в разбираемом маршруте – одному из верховьев Нарына -Тарагаю или Кара-Саю.³ В. В. Бартольд, принимая во внимание указание Ма Дуань-Линя о том, что Чжень-чжу-хэ вместе с другой рекой Чже-хэ текла на северо-запад, эти реки отождествляет с верховьями Нарына – Кара-Саем и Джоо-Джуреком (Тарагаем).⁴

В данном случае р. Чжень-чжу-хэ – несомненно р. Нарын, а в Танском маршруте – один из его притоков, по всей вероятности, Кара-Сай, так как расстояние в 80 ли (около 40 км) от Бада (Беделя) более подходит Кара-Саю, чем Тарагаю, лежащему еще дальше. Что же касается указаний Ма Дуань-Линя о направлении рек, а также о р. Чже-хэ, то они сомнительны. Во-первых, главные притоки Нарына Тарагай и Кара-Сай имеют юго-западное направление, а не северо-западное, как утверждает китайский историк. Во-вторых, в противоположность его же мнению, Таншу

1 У Н. А. Аристова указана р. Фае-Лин (с. 69).

2 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 30-31.

3 Н. А. Аристов. Рукопись, ч. 1, с. 72.

4 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане..., с. 31.

приводит сообщение, по которому Чже-хэ есть другое название реки Чжень-чжу-хэ.¹ Последняя еще называлась Иоша, Чженьчжу.²

Река Чуй (Суй-йе, Суйе) по Таншу, находится в 1000 ли на север от гор Бода и простирается на 1000 ли (около 500 км).³ Другая крупная артерия Средней Азии р. Или (Йейе) начинается «с северной стороны Луковых гор; имеет мутный цвет, течет на северо-запад и уходит в большую песчаную степь, не имеющую ни травы, ни воды». ⁴

Озеро Ысык-Кёль упоминается под названиями Янь-Хай («Соленое море»), Же-Хай («Теплое море»),⁵ которые метко передают важные свойства озера, его соленость и высокую температуру вод, возможно и незамерзаемость водоема. Озеро известно также под названием реки Суйе или Суйе-хэ.⁶ От этого же корня, вероятно, происходит и другое название озера Суй-ие-шуй, р. Йе-хэ, приводимые Н.А. Бичуриным.⁷ Сюань-Цзан его называет Цин-Чжи («Прозрачное озеро») или Тацин-чжи («Большое прозрачное озеро»).

Важно здесь отметить следующий штрих. Н. А. Аристов, рассматривая Танский маршрут VII в., замечает, что «местные жители по уверению тех же китайцев (т. е. китайцев, называющих озеро Янь-хаем – С. У.), называют его (озеро – С. У.) Isie-Koul»⁸. Если верить этому толкованию, то выходит, что еще в VII в. озеро именовалось так же, как и в наши дни – Ысык-Кёль. Между тем В.В. Бартольд полагал, что озеро под нынешним названием впервые упоминается в X в. у неизвестного персоязычного географа,⁹ автора рукописи «Худуд-ал-Алам».

1 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 313.

2 Там же.

3 Н. Я. Бичурин, с. 314 (т. II). По современным данным длина реки свыше 1000 км.

4 Там же, с. 315.

5 Там же, с. 314; К. Риттер. Землеведение Азии, 1859, СПб, с. 80,89; В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 30; Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 68.

6 Н. Я. Бичурин, ч. III, См. китайскую карту Центральной и Средней Азии времени династии Тан (приложения). То же и в Дай-Цинь-и-Тун-чжи, Journal Asiatique, t. VIII, p. 44I.

7 Н. Я. Бичурин, т. III, с. 51.

8 Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 68.

9 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 59. Гардизи (XI в) также называл озеро Ысык-Келем. В Западной Европе это название озера стало известно, кажется, только в XIV в., т. е. со времени выхода Каталонской карты 1375 г.

Весьма ценно указание Таншу о незамерзаемости озера Ысык-Кёль. Же-Хай, читаем там, «и в холодное время не мерзнет».¹ Сюань-Цзан об этом ничего не сообщает.

В целом китайцы имели верное общее представление о характере и направлении гидросети Киргизии, приурочивая ее к бассейнам Аральского моря и оз. Лоб-Нор.² Реки, текущие на юг, – говорится в Танской истории, – уходят в Срединное государство (т. е. в Китай – С.У.) и впадают в море (большое озеро); текущие на север проходят через тюркестанские земли и впадают в море.³ Морями, куда впадают реки, являются оз. Лоб-Нор, которое в «Китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Тан» названо Большим озером, и Аральское море, известное в китайских исторических записках разных времен под названиями Западное море, Северное море, Далиган.

К VII-VIII вв. на территории северной Киргизии (Таласской и Чуйской долинах), не говоря уже о Ферганской части страны, возникла оседлость и связанные с нею формы хозяйства. В истории Танской династии содержится о них ряд сведений.

Как отмечено нами выше, на пути от пер. Бедель к оз. Ысык-Кёль упоминаются города Дун-до (Чи-гу-чен) и Суй-бо-шу. Видимо, здесь явная ошибка китайского историка, принявшего ставки кочевников за города. Вряд ли в VII в. имелись условия для существования городов на сыртах Центрального Тянь-Шаня. Если под Дун-до подразумевать Чи-Гу – древнюю столицу усуней, то она находилась в Ысык-Кёльской котловине и размещение ее в 50 ли от пер. Бедель (горы Бада) не выдерживает критики. По Цаньханьшу Чи-Гу находился в 610 ли (около 300 км) от Аксу.⁴

В самой Ысык-Кёльской котловине, на южном берегу озера, по Танской истории, находились города Тун-чен в 40 ли от озера Ысык-Кёль⁵, в

1 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 314.

2 О гидрографической сети страны см. также прилагаемую ниже Китайскую карту.

3 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 314.

4 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 199. См. также: А. Н. Бернштам, МИА, 26, 1952, с. 97. На китайской карте Центральной и Средней Азии времени династии Бэй-Вэй Чи-Гу обозначен к юго-западу от оз. Ысык-Кёль, на карте же при династии Тан – на южном берегу озера.

5 Имеется в виду от конечного пункта Танского маршрута к оз. Ысык-Кёль.

110 ли оттуда – Хо-ле-чен и еще через 30 ли – Ше-чжи-чен, которые, как думал Н. А. Аристов располагались соответственно на р.р. Тон, Улахол и Бор-Булак¹. Затем, пройдя через одну² долину, достигали устья (по Н. А. Аристову слияния р. Чуй с Кутемалдинской) реки Суй-ше-чжуань.³ В 80 ли от последней, уже в пределах Чуйской долины, находился город Фи-ло-цзянкюнь. Далее между р.р. Чуй (Суй-ше-шуй) и Талас перечислено следующих 8 городов: Суй-ше в 20 ли от предыдущего, Ми-го (в 10 ли от Суй-ше), через 30 ли – Синь; оттуда в 60 ли – Тун-гянь, в 50 ли от последнего – О-су-бо-лай, через 70 ли от него – Кю-лань (или Цзю-лань), в 10 ли оттуда – То-гянь. Города Чуйской долины замыкал Та-ло-се, расположенный в 50 ли от То-гяня.⁴

Перечисленные города, вероятно, входят в число тех многочисленных городов, указанных, но неназванных Сюань-Цзаном для Сули. Эти же города встречаются и у арабо-персоязычных авторов, но уже под другими названиями: Ми-го под именем Сарыга, Тун-гянь – Нузкета, О-Субо-лай – Ашпара, Суй-ше – Суяба, Та-ло-се – Тараза.⁵ Последний еще назывался Гюйлосом (также Хынлосом), возле которого, по Таншу, насчитывалось до 300 малых городов.⁶

Население городов и оседлых пунктов занималось разными ремеслами, вело бойкую торговлю. Большое место в их экономике занимало зем-

1 Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 43. В. В. Бартольд, перечисляя эти города, не локализирует их. На древнее поселение у Тонского залива, на основе своих археологических исследований, указывает А. Н. Бернштам (МИА, 14, 1950, с. 26, а также таблица I).

2 Вероятно, Ак-Уленскую.

3 Должно быть, верхнее течение р. Чуй, где она вступает в Боомское ущелье.

4 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 4; Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 44.

5 В. В. Бартольд, там же, с. 16. См. его же: «Отчет о поездке в Среднюю Азию...», гл.: «Берега Таласа», «Путь от Таласа к Чу и Чуйская долина»; Н. А. Аристов. Рукопись, с. 44, 45. Резкие различия между китайскими и арабскими названиями городов В. В. Бартольд видит в том, что первые большей частью относятся к первой половине VII в., а вторые – концу IX в. Локализация названных городов в сопоставлении с современными географическими пунктами дана А. Н. Бернштамом в ряде его работ по археологии Киргизии (см. список литературы, а также с. 66 нашей работы).

6 Н. Я. Бичурин. т. I, с. 300. Здесь несомненно преувеличено. По данным В. В. Бартольда и последующих исследователей в Таласской долине было не более 2-х десятков городов.

леделие, где широко применялись ирригационные системы для орошения полей. «Поля орошают снеговой водой»¹ – пишет китайский историк.

Возникновение оседлости и развитие земледельческой культуры в Таласской и Чуйской долинах было связано, прежде всего, с согдийской колонизацией края, начатой еще в V в., а также прохождением через Семиречье торгового пути из Западной Азии в Китай. Однако, подъем и расцвет средневековой экономики Кыргызстана относится к IX–XI вв. – эпохе сложения и развития феодальных отношений.

Более высоким уровнем экономического развития отличалась Фергана, один из древнейших культурных очагов Средней Азии. Накануне завоевания ее арабами во владении Нин-юань, расположенном к северу от р. Сыр-Дарья (Чжень-чжу),² имелось 6 больших и около 100 малых городов.³

Здесь же в Ферганской долине, но по южную сторону р. Сыр-Дарья, во владении Хохань (Коканд) было до 20 больших городов и около 100 малых.⁴ Главными городами Ферганы явились Гйесай (Гуйшань), современный Касан и Сигянь (Ахсыкет), развалины которого находятся к западу от Намангана («Иски-ахсы»)⁵.

Фергана, куда входила и южная Киргизия, славилась своей развитой земледельческой культурой, особенно коневодством, а по Хой Чао еще верблюдами, мулами и овцами.⁶ Известностью пользовались и горные промысла, производство киновари, золота и железа.⁷

Наконец для того, чтобы закончить обзор географических известий китайцев о Киргизии для раннего средневековья, рассмотрим карту Центральной и Средней Азии времени династии Тан,⁸ представляющую собою свод географических знаний китайцев не только о Киргизии, но и всего Западного края.

1 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 314.

2 Чженьчжу обычно принимают за р. Нарын, в данном случае – это Сыр-Дарья.

3 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 319.

4 Н. Я. Бичурин. Т. II, с. 312.

5 А. Н. Бернштам, МИА, 26; с. 244.

6 Его же, ВДИ, I (39), с. 193.

7 М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, с. 15.

8 Н. Я. Бичурин, т. III (Приложения).

Рис. 6. Китайская карта Центральной и Средней Азии времен династии Тан. Из кн. Н. Я. Бичурина Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1953.

Смотря на карту, с первого же взгляда можно сказать, что орографические и гидрографические контуры Киргизии, в основном, намечены верно.

Киргизстан – страна гор. Эта особенность строения поверхности края нашла здесь свое отражение. Правда, намеченные контуры далеки от истинного расположения хребтов Тянь-Шаня, а отсутствие градусной сетки затрудняет их локализацию, тем не менее нетрудно находить очертания некоторых горных цепей страны.

На юго-западе под № 21 и 38 обозначен Луковый хребет (Памир)¹, ограниченный с севера длинной непрерывной цепью гор, протянувшихся вдоль р. Сыр-Дарьи. Эта горная цепь – хребты Туркестанский и Алайский, упирающиеся в верховья р. Кашгар-Дарби. Далее на северо-восток до горы Агитяхьянь (Ацзитянь) (32) идут другие цепи гор, которые, в противоположность действительному расположению хребтов, прерываются друг от друга. Между тем, в более древних китайских картах, например, времен династии Хань, Цзинь, Бэй-Вей,² цепи гор, соответствующие хребту Какшаал-Тоо, изображены беспрерывной цепью. Танская карта здесь обозначает горы Линшань (25), пик Сулэу (27), хребет Баньда (28). Далее цепь гор обрывается и продолжается только за р. Бохо (35)³ в виде гор Агитяхьянь или Ацзитянь (32).

Линшань карты не идентичны с ледяными горами Сюань Цзана и ограничивают оз. Ысык-Кель с юго-запада. Хребет Баньда, или гора Бада Танского маршрута с пиком Сулэу (Сулоу) должен соответствовать хребту Какшаал-Тоо.

Горы Агитяхьянь – это Белые горы, одно из названий Тянь-Шаня, а в данном случае – наиболее возвышенная, покрытая вечными снегами и ледниками, часть Тянь-Шаня – массив Хан-Тенир. Об этом говорит само название гор (Белые горы). Об этом свидетельствуют и реки, начинающиеся с южного склона гор Агитяхьяня и не доходящие, как и в современную эпоху, до главной водной артерии Тарим. Реки эти – несомненно Музарт и его притоки.

1 Под Луковыми горами (Цунлин) во времена династии Тан понимали Памир и Западный (советский) Тянь-Шань.

2 См. Приложения к т. III «Собранию сведений о народах...» Н. Я. Бичурина, 1953.

3 Р. Бохо – ныне Теренсу.

Другая цепь гор тянется в широтном направлении по обе стороны города Гюйлосы (Талас). Это – северные дуги Тянь-Шаня. Из них западную гряду гор составляют два хребта, в которых мы видим Чаткало-Кураминский, идущий на юго-запад, и Таласский, обращенный на северо-восток. Восточную гряду можно сопоставить с хребтами, лежащими в верховьях р.р. Чуй и Талас, правда, очертания изображенных на карте гор и рек, начинающихся с этих же гор, сомнительны.

Интересно местоположение гор Гьедань (Цзйедань), известных как местопребывание тюркского кагана. Гора эта по Таншу¹ находилась на расстоянии в 40 ли к северу от р. Суй-шэ-шуй (р. Чуй). На данной же карте горы Гьедань, наоборот, расположены к югу от реки, соответствующей р. Чуй, причем обособленно от соседней группы гор, что неестественно.

О характере строения Внутреннего Тянь-Шаня, вероятно, не имели правдивого представления, поэтому он выглядит как местность с равнинным характером рельефа. В северной части равнины показано озеро без названия, но его можно уверенно принять за оз. Сон-Кель, на что указывают близкое к истине местоположение и очертания озера. Это первое картографическое изображение Сон-Кёля.²

Под № 34 значится р. Суйе, соответствующая озеру Ысык-Кель – Же-хаю (Янь-хаю) Танского времени. Озеро изображено в виде четырехугольника, удлинённого в широтном направлении. Кажущиеся многочисленными заливы озера на самом деле его притоки, которых по Сюань Цзану насчитывалось во множестве. Из озера вытекает большая река, имеющая четыре левых и один правый приток. Река эта – несомненно Чуй. Китайцы, не располагая точными сведениями, ошибочно полагали, что между оз. Ысык-Кель и р. Чуй имеется непосредственная гидрографическая связь, что озеро служит истоком реки и поэтому оба названы р. Суйе. Ошибка эта, на что мы уже обратили свое внимание, исходит еще со времени династии Старшей Хань. На Карте Западного края времени династии Бэй-Бэй (VI в.)³

1 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 4.

2 Озеро Сон-Кель под названием Сизинг-Куль впервые упоминается среднеазиатским историком и географом Махмудом Кашгарским (XI в.). В Европе оно стало известно, очевидно, лишь с 30-х годов XVIII в. благодаря калмыцкой карте Джунгарии («Карта Рената, 1738 г.»).

3 Н. Я. Бичурин, ч. III, (Приложение).

оз. Ысык-Кёль также изображено истоком р. Чуй. На южном берегу озера обозначен город Чи-Гу-Чэн (34-а).¹

К западу от р. Чуй параллельно к ней протекает другая река, что может быть только р. Талас. Она слишком отодвинута на восток. Город Гюйлосы, расположенный на берегу реки, отстоит на значительном расстоянии от нее.

В целом карта Центральной и Средней Азии времени династии Тан представляет несомненный интерес в деле познания истории географических знаний. Она еще раз свидетельствует об обширности географических знаний китайцев о Киргизии, особенно по орографии, гидросети и политической карте страны. Китайские письменные источники V-X вв. служат надежными и почти единственными по географии Киргизии и по своей значимости не уступают более поздним арабским известиям.

Будучи в тесных политических и экономических сношениях с Западно-тюркским Каганатом и другими государствами Западного края, китайцы в это время не раз посещали пределы Киргизии. В 630 году здесь путешествовал Сюань Цзан. В 748 г. китайские войска, возглавляемые Ван Чжен-сяном, вторглись в пределы Семиречья и разрушили ставку тюргешей город Суяб,² а спустя три года на р.Талас произошла битва с арабами.³ Все эти и другие события дали возможность накоплению значительных сведений о Киргизии, чем и объясняется обширность и конкретность китайских известий перед арабскими.

Однако поражение, понесенное от арабов в 751 году, повело к упадку влияния Китая в Средней Азии и обеспечило на значительный период господство арабов, которые к этому времени завоевали значительную часть Средней Азии, На север власть Арабского халифата распространилась до Сыр-Дарьи, на северо-востоке – до долины р. Талас, на востоке до восточных границ Ферганы. Таким образом, арабское завоевание не охватило

1 В «Переводах китайского текста надписей» карты Центральной и Средней Азии времени династии Тан иероглифы, обозначающие Чи-гу-чэн, оказались нерасшифрованными. Проф. А. Н. Бернштам любезно сообщил нам их перевод, которым, как и другими его ценными замечаниями и советами, мы воспользовались с благодарностью.

2 Н. Я. Бичурин, ч. II, с. 314.

3 В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг., Зап. АН, серия VIII, т. I, № 4, 1897, с. 14-15; Очерк истории Семиречья, с. 21.

основную часть территории современной Киргизии, с чем связан ограниченный, порою сбивчивый характер известий о Киргизии в арабской географической литературе.

Арабский халифат, представлявший собою типичную централизованную восточную деспотию, подверг «огню и мечу» страны, установил драконовы формы эксплуатации во всех областях хозяйственной деятельности, особенно финансовой и земельной, прибрал в свои руки торговые каналы между Западом и Востоком.

Потребности административного устройства халифата вызвали появление специальных «книг о налоге» с перечислением провинций и населенных пунктов, продуктов земледелия и промышленности, «книг дорог» с перечислением почтовых станций, расстояний и условий сообщения и др.¹

Итак, интересы завоевателей и задача административного устройства Средней Азии придали арабской географии административно-статистическое направление. Оно ярче всего выражено в трудах ибн-Хордадбега («О путях и государствах», IX в.), ибн-Хаукаля («Книга путей и государств», X в.), Кудамы ибн-Джафара (X в.), Макдиси (X в.).² Для нас наибольший интерес представляют известия ибн-Хордадбега, Кудамы, Макдиси, «Худуд ал-Алам» – анонимного географического сочинения (X в.), Гардизи (XI в.), Идриси (XII в.), в которых заключаются географические сведения о территории, населении и городах Киргизстана, о путях сообщения через Семиречье.

Самый подробный перечень этого пути, известного как маршрут из Нижнего Барсхана в Верхний, и проходящий большей частью по Север-

1 В. В. Бартольд. История Туркестана, Ташкент, 1922, с. 11. Его же: История изучения востока в Европе и России. Л., 1925, с. 53-54; И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники. – Изв. Гос.Г.О., Т. 69, в. 5, 1937, с. 740.

2 О работах арабских и других восточных географов IX-XII вв., посвященных Средней Азии, в т. ч. Киргизии см. В. В. Григорьев. Восточный Туркестан. В. 2, с. 194-251; В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане; Отчёт о поездке в Среднюю Азию; Очерк истории Семиречья; Туркестан в эпоху монгольского нашествия и др.; Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям..., Ташкент, 1894; Н. А. Аристов. Упом. Рукопись, ч. II, с. 83-115; Н. Н. Пантусов. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь Средней Азии. Казань, 1909; Бернар Карро де Во. Арабские географы. Л., 1941; И. Ю. Крачковский. Упом. соч., с. 738-762; Труды института Востоковедения, т. XXIX, 1939; П. Г. Булгаков. Сведения арабских географов IX – начала X веков о маршрутах и городах Средней Азии. 1954, Рукопись. Арабские известия, относящиеся к Киргизии, рассматриваются в ряде работ А. Н. Бернштама.

ной Киргизии, дан арабскими географами ибн-Хордадбехом и Кудама ибн-Джафаром.

Начальным пунктом маршрута считался Тараз (Та-Ло-Се, Гюйлосы китайцев, ныне г. Джамбул), главный город Нижнего Барсхана, от которого путь шел на Восток к городам и населенным пунктам Чуйской долины и далее на восточное побережье Ысык-Кёля в Верхний Барсхан. Вот перечень населенных пунктов маршрута с указанием расстояний между ними (по ибн-Хордадбеху и Кудаме):¹ от Тараза до Нижнего Барсхана 3 фарсаха (арабский фарсах равнялся ок. 6 км), от него до Касра-Баса 2 ф., оттуда в Куль-Шуб 4 ф., от Куль-Шуба в Кулан 4 ф., от Кулана до Мирки 4 ф., от Мирки до Аспары 4 ф., от последнего до Нузкета 8 ф., от Нузкета до Харранджувана 4 ф., от него до Джуля 4 ф., от Джуля до Сарыга 7 ф., оттуда до ставки тюркского кагана 4 ф., от последнего до Кирмирау 2 ф. От Кирмирау до Невакета 2 ф., от него до Бунджикета 2 ф., оттуда до Суяба 2 фарсаха.²

Аналогичного подробного маршрута далее до Верхнего Барсхана не приводится. Имеющиеся сведения о расстоянии между ним и Суябом довольно противоречивы. По ибн-Хордадбеху оно равно 15 фарсахам (ок. 90 км),³ а по Кудаме – 15 дням караванного пути, но тюркская почта расстояние от Суяба до Верхнего Барсхана проходила только за три дня.⁴ Как сообщает арабский географ XII в. Идриси указанное расстояние для караванного сообщения составляло 10 дней пути, а для тюркского гонца раза в два меньше.⁵

1 Маршруты, описанные ибн-Хордадбехом и Кудаме приводятся В. В. Григорьевым (Упом. соч., с. 221-222), В. В. Бартольд (О христианстве в Туркестане, с. 15), Н. А. Аристовым (Рукопись, ч. II, с. 97), Н. Ф. Петровским (Указ. соч., с. 26-30), А. Н. Бернштамом (МИА, 14, 1950, с. 8), П. Г. Булгаковым (Указ. соч., с. 248-251).

2 Географическим размещением названных городов в свое время занимались В. В. Григорьев, В. Томашек, В. В. Бартольд и др. Ныне согласно работ А. Н. Бернштама принята следующая их локализация (в пределах Киргизии): Аспара – Чалдывар, Нузкет – развалины Шиш-Дёбё к северу от Карабалты, Харранджуван – развалины Ак-Дёбё около с. Сретенки Кагановичского района, Джуль – развалины Чала-Казак у г. Фрунзе, Сарыг – городище Красная речка, Баласагун – развалины Ак-Бешим, Кирмирау – район башни Бурана, Невакет – с. Орловка.

3 В. В. Григорьев, с. 221.

4 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 15; А. Н. Бернштам, МИА, 14, с. 8.

5 В. В. Григорьев, с. 221-222.

О направлении маршрута к Верхнему Барсхану высказывались также противоречивые мнения. В. В. Григорьев,¹ а за ним и Н. А. Аристов,² исходя из ошибочной гипотезы, что Верхний Барсхан соответствует Аксу, строили ложные маршруты к Верхнему Барсхану, причем В. В. Григорьев полагал, что караваны огибали Заилийский хребет и через Илийскую долину, пер. Мусур-Дабан (Музарт) выходили к Таримской равнине – Восточному Туркестану.

В. В. Бартольд³ допускал возможность как кружного, так и прямого пути в Верхний Барсхан, которые приводили не в Таримский бассейн (Аксу), а на восточный берег Ысык-Кёля.⁴ Прямой путь, по его мнению, вел из Невакета через Боомское ущелье и далее по южному берегу озера.⁵ Второй, кружный, путь по Чуйской долине в Верхний Барсхан мог лежать через Суяб,⁶ пер. Кастек, вдоль северного склона Заилийского Ала-Тау.

Исследования советского археолога А. Н. Бернштама, в противоположность прежним суждениям, показывают, что караванное сообщение из Чуйской долины направлялось в Кеминскую – к Суябу – ставке тюрских каганов, важнейшему политическому и торгово-промышленному центру карлуков. Затем через пер. Кёк-Ойрок (в хребте Кунгей-Ала-Тоо) караваны выходили к Верхнему Барсхану,⁷ области, расположенной вдоль восточного и юго-восточного берега озера Ысык-Кёль. Здесь археологическая экспедиция А. Н. Бернштама в 1940 г. обнаружила развалины семи из девяти известных по литературным источникам поселений.⁸

1 В. В. Григорьев, с. 222.

2 Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 98.

3 В. В. Бартольд. Отчет, с. 32; его же: Очерк истории Семиречья, с. 22, 24.

4 В. В. Бартольд Верхний Барсхан отождествляет с восточным побережьем озера. Томашек его помещал у Барсконского ущелья.

5 Этот путь описан Гардизи (XI в.). См. Зап. Ак. наук, сер. VIII, т. I, № 4, 1897, с. 114.

6 По В. В. Бартольду Суяб находился к северу от р. Чуй на месте нынешнего с. Кара-Булак.

7 А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, с. 80; его же: в МИА, 14, 1950, с. 75, а также в Изв. В. Г. О., т. 87, в. 1, 1955, с. 49-50.

8 А. Н. Бернштам. Рукопись, ч. II, с. 273; его же: в МИА, 14, 1950, с. 26.

На находки древних развалин на берегах Ысык-Кёля впервые указывал топограф Нифантьев (Зап. Р. Г. О., кн. V, 1851, с. 143, 149).

К Верхнему Барсхану вел и кратчайший путь¹ из Западного Туркестана через Фергану. В пределах Киргизии этот маршрут начинался от города Узгена и направлялся во Внутренний Тянь-Шань через пер. («акаб») Яссы (Джазы), долину Арпа, долины рек Кара-Коина, Атбаша и Нарына. Перевал этот, как поясняет Кудам, считался высоким и крутым, а когда выпадал снег, непроходимым. Далее дорога шла по горам то вверх, то вниз и приводила в город Атбаша, расположенный на высоком холме. Отсюда до Верхнего Барсхана считалось 6 дней пути по гористой местности с пастбищами и ключами, где не было ни одного селения.

Кроме приведенных, у Идриси имеются еще три маршрута, которые Н. А. Аристов² приурочивает к территории современной Киргизии.

Наряду с маршрутными данными арабские и среднеазиатские географы оставили довольно подробные сведения о населении и городской жизни Киргизстана в период господства карлуков (серед. VIII – серед. X в.) и Караханидов (серед. X – конец XII в.).

Рис. 7. Карта Киргизстана в IX-XIII вв. Из кн. С. Умурзакова С четырех сторон горизонта. Очерки по истории географических исследований Киргизии. Фрунзе, 1983 г.

- 1 В. В. Григорьев, с. 218-219; Бартольд. 0 христианстве в Туркестане, с. 17; его же: «Отчет...», с. 41-43; Очерк истории Семиречья, с. 23; Н. А. Аристов, рукопись, разр. 65, с. 84-85; А. Н. Бернштам, Рукопись, ч. II, с. 283.
- 2 Н. А. Аристов, Рукопись, ч. II, с. 101-104.

Широкая сеть городов и сельских поселений имела в Таласской, Чуйской и Ысык-Кельской долинах, возникших на базе древних согдийских колоний. Городская жизнь была развита и в южной, приферганской, части Киргизии. Внутренний Тянь-Шань, служивший, главным образом, ареной господства кочевников, располагал меньшим числом оседлых поселений.

Подробное перечисление городов и поселений Северной Киргизии дает Макдиси (X в.). В Таласской долине, по его описанию, было 10 городов, главным из которых считался Тараз (современный город Джамбул). «Тараз, – указывает автор, – славный, укрепленный город с многими садами, густо застроенный... Около него есть многолюдное предместье; у ворот города течет большая река (конечно Талас – С. У.); часть города находится по ту сторону реки; через реку проходит дорога; соборная мечеть находится среди базаров.»¹

К югу от Тараза в пределах Таласской области современной Киргизии находились города Бехлу, Атлах, Хамукат, Шельджи, Сусы, Куль и Текабкет.² Атлах, – пишет Макдиси, – большой город, по величине приближается к столице; имеет стены. Большую часть города составляют сады; в сельских окрестностях его больше всего возделывается виноград. Соборная мечеть находится внутри города, базары – в предместьи.³

1 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 15; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины; его же: в Трудах Семиреченской археологической экспед. «Таласская долина».

До последнего времени местоположение Тараза (Таласса) оставалось неясным. Якут его размещал под 100 1/2 в. д., Абдуль-Феда – под 89°50' в. д. и 44°25' или 43°35' с. ш. У Улугбека город значился под 99°50' в. д.

В. В. Григорьев думал, что Тараз арабов и Та-Ло-Се Сюань-Цзана два различных города. Поэтому первый располагал на р. Чуй, а второй – на р. Талас. По Томашеку и В. В. Бартольду Тараз находился к северу от Капкинского ущелья (т. е. в пределах современной Киргизии).

Вопрос о географическом размещении Таласа (Тараза) был решен только в Советское время, благодаря археологическим исследованиям А. Н. Бернштама, который развалины древнего города обнаружил внутри города Джамбула. Итак, Тараз Макдиси соответствует г. Джамбул.

2 По А. Н. Бернштаму Бехлу соответствует Беш-Агачу, Атлах – развалинам Джоон-Дёбё, к югу от с. Солдатское, Хамукат – развалинам Май-дёбе, к югу от с. Серафимовка, Шельджи – Садыр-Коргону у с. Кировское, Сусы – развалинам Чалдывар у с. Водное, Куль – развалинам Джаман-Коргон у с. Орловка, Текабкет – Ак-Тюбе у с. Дмитриевка.

3 В. В. Бартольд. «Отчет...» с. 16; А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, с. 67-68.

Из городов Чуйской долины, перечисленных нами выше, наибольшее значение имели Суяб, Невакет, а позже – Баласагун, бывшие ставками каганов карлуков и илек-ханов караханидов. С первой половины XII в. Баласагун стал столицей кара-китаев.

Суяб как политический и экономический центр западных тюрков выдвинулся рано. Еще Сюань Цзан (VII в.) отмечал, что город на р. Суй-е (Суяб) служит местом встречи торговцев многих стран. По Кудаме город состоял из двух частей: Кубала и Сагур-Кубала.¹ «Худуд-ал-Алам» отмечает, что Суяб большое селение, откуда выходит 20 тыс. человек.²

Большим городом считался и Невакет (с. Орловка). Он упоминается ал-Хорезми, иби-Хордадбехом, Кудаме, анонимным автором «Худуд-ал-Алама», Макдиси и др., причем ал-Хорезми, выходец из Хорезма, приводит его географические координаты: 44° с. ш. и 104° в. д.³

Невакет являлся важной торговой коммуникацией. От него шли караванные пути на восток – в Суяб, на юг через пер. Шамши в Верхний Барсхан и в Восточный Туркестан (Синьцзян), на запад – в Тараз, Испиджаб...

К западу от Невакета находился Баласагун, который Макдиси называет большим населенным и богатым городом.⁴ На карте ал-Кашгари (Махмуд Кашгарский)⁵ Баласагун со всех сторон окружен горами, причем одна из гор названа Баласагунским, которую И. Умняков отождествляет с Киргизским Ала-Тоо.⁶

Абдуль-Феда, согласно Беруни и Фарси, столицу Караханидов помещает под 91°35' или 91°50' в. д. и 47°40' с. ш., Хаджи-Халфе – под 101° и Ахмед-Эфенди – под 102° в. д.⁷

В. В. Бартольд предполагал, что Баласагуну могут соответствовать развалины Ак-Бешима⁸ к югу от города Токмок, что подтвердилось археоло-

1 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 15; А. Н. Бернштам, МИА, 14, 1950, с. 8.

2 А. Н. Бернштам, МИА, 14, 1950, с. 8.

3 Там же, с. 7.

4 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, с. 21; Отчет..., с. 35.

5 Труды Самарканд. пед. ин-та им. М. Горького. т. I, В. 1, 1940, с. 121.

6 Там же, с. 122.

7 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 36.

8 Там же, с. 39

гическими изысканиями А. Н. Бернштама.¹ В свете этого решения видна явная ошибочность приведенных географических координат о местоположении Баласагуна, как и координат Таласа и Невакета.

О населенных пунктах Ысык-Кёльской котловины VIII-XII вв. мы знаем, главным образом, по сообщениям Кудама, неизвестного географа X в. (автора рукописи «Худуд-ал-Алам»), Макдиси, ал-Кашгари. Кудама свидетельствует о наличии девяти городов в области Верхний Барсхан, в том числе 4-х больших и 5 малых.² Однако, он не дает каких-либо подробностей о них.

Автор сочинения «Худуд-ал-Алам» («Границы мира») впервые называет четыре города из упомянутых Кудама, а именно: Барсхан, Сикуль, Тон и Тальхиза, которые принадлежали карлукам и джикилям, населявшим Прииссыккулье. Барсхан, по этой рукописи, населенный, богатый город на берегу озера Ысык-Кель. Столице не уступал и Сикуль, считавшийся большим населенным городом и богатым торговым пунктом. Другие два селения – Тон и Тальхиза, – автор помещает вблизи озера, но среди гор на границе владений джикилей и карлуков.³

Довольно подробные сведения о населении, городах и природных условиях Ысык-Кёльской котловины и самого озера содержатся в сочинении «Украшение известий» Гардизи, написанном в середине XI века. Из городов им отмечается Яр, отстоящий в 12 фарсах от горы Джиль (Джиль-Арык в Боомском ущелье). В 5 фарсах от Яра находился Тон и оттуда до Барсхана, главного города области Верхний Барсхан, считалось три дня пути. Город мог-выставить 6000 вооруженных, а Яр – лишь 3000 воинов. Все окрестности озера были населены джикилями.⁴

Уроженец Кашгара, автор «Словаря тюркских языков» ал-Кашгари (XI в.)⁵ из городов Ысык-Кёльской долины упоминает Барсхан и Чигиль, причем первый располагал возле одноименного озера (Ысык-Кёля). Насе-

1 А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, с. 77.

2 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 32.

3 Там же, с. 59-60. Его же: Очерк истории Семиречья, с. 22-24. По В. В. Бартольду, города Барсхан и Тон находились в долине одноименных речек, а Сикуль – на северном берегу озера.

4 Записки Акад. наук, сер. VIII, т. I, в. 4, с. 114.

5 Труды Самарканд. ПИ им. Горького, т. I, в. 1, 1940, с. 108; МИА, 14, с. 9.

ление области состояло из племен джикилей, ягма, тухси, киргизов, которые кочевали и в других частях Киргизстана.

Во Внутреннем Тянь-Шане из оседлых пунктов наиболее крупным был Атбаши (развалины Кошой-Коргон к западу от современного с. Атбаши), известный еще ибн-Хордадбеху и Кудаме.¹ Этот город-крепость, возникший в VIII-IX вв.,² занимал выдающееся положение на узле торговых путей между Ферганой, Верхним Барсханом и Тибетскими владениями в бассейне Тарима, выполняя роль важнейшей военно-торговой фактории в Занарынской части Киргизии, где кочевало воинственное племя ягма.

Другое поселение, бывшее также как и Атбаш городом – ставкой тюркских каганов, находилось в долине р. Алабука, и ныне известно как крепость Ширдакбек. А. Н. Бернштам, производивший здесь археологические исследования в 1945 и 1949 гг., датирует крепость VI-XII вв. и отождествляет ее с городом Каджангар-Баши ал-Кашгари.³

Ряд городов, согласно сообщений мусульманских авторов, имелись в горах Маниса (Ферганский хр.), в области известной под названием Хайлама (Кетмен-Тюбинская котловина),⁴ входившей в состав одной из провинций Ферганы – Миян-и-Рудан.

Широкой сетью городов и поселений была покрыта Южная Киргизия, экономически и политически связанная с Ферганой, ставшей важнейшим экономическим центром Средней Азии при Саманидах и Караханидах. По свидетельству Макдиси в X в. Фергана насчитывала 40 городов и селений, образовавших самостоятельные провинции: на севере страны – федерацию Вагизийских городов, на юге – Несайских, на востоке – область Миян-и-Рудан.⁵

1 В. В. Григорьев, с. 218; В. В. Бартольд. 0 христианстве в Туркестане..., с. 17; его же: Отчет..., с. 41.

2 А. Н. Бернштам. МИА, 26, с. 100.

3 МИА, 26, с. 116. В. В. Бартольд, а за ним В. Минорский, И. Умняков Каджангар-Баши (Коджукар-Баши) ал-Кашгари предлагают читать Кочкар-Баши и искать его в верховьях р. Кочкор.

4 А. Н. Бернштам, МИА, 26, с. 117-119.

5 Сообщения о городах Ферганы содержатся в трудах ибн-Хордадбеха, Кудамы, Макдиси, ал-Кашгари, Идриси и др. Указания на эти сообщения мы нашли в работах В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, Н. А. Аристовой, И. Умнякова, А. Н. Бернштама и в ряде других (История народов Узбекистана. Т. I; Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I и др.).

Среди Несайской группы городов в пределах современной Ошской области Киргизии находились города Ош, Медва (ныне с. Мады к востоку от г. Ош), Куршаб, Некад. Последний считался еще горным округом, лежащим в юго-восточной части Ферганы на территории современного Наукатского района с центром в городе Мискан (буквально: «Медный рудник»). Самым крупным из перечисленных городов был Ош – по величине третий город Ферганы, состоявший из шахристана, цитадели и рабада. Город имел трое ворот и большой рабад в окрестности.

Из группы Вагизийских городов выделялся Ахсыкет (ныне развалины Иски-Ахсы к западу от Намангана) – столица Ферганы в IX-X вв., а из городов области Миян-и-Рудан – Узген и упомянутый выше Хайлама. Последний был центром провинции.

Область Миян-и-Рудан лежала в Нарынско-Карадарьинском междуречье. На юго-востоке её, на берегу р. Кара-Дарья располагался город Узген,¹ занимая выгодное положение в узле важнейших торговых путей, ведущих из Ферганы. После Ахсыкета в XI в. он стал столицей Ферганы, вернее Мавераннагрского удела Караханидов. Город представлял собой сильно укрепленную крепость, имея цитадель, шахристан, рабад и четверо ворот. Однако, несмотря на большое политическое и торговое значение Узген по величине уступал Ошу, составляя лишь 2/3 ее площади.

Из приведенных данных видно, что в период с середины VIII в. до первой четверти XIII в., т. е. в эпоху господства карлуков, караханидов и кара-китаев, отчасти арабов и саманидов (в южной и юго-западной Киргизии) территория Киргизстана была покрыта густой сетью городов и поселений (крепостей, замков, караван-сараев), сыгравших огромную роль в политической и экономической жизни страны. Наряду с земледелием, торговлей, ремеслом, особенно гончарным производством, городская жизнь была связана и с горным промыслом,² имевшим большое значение в экономике края.

1 Так, например, по ал-Кашгари, у которого Кара-Дарья назван Йабаку-суви (Умняков, с. 113-114).

2 Этому вопросу посвящена работа В.Т. Сургай. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951.

Широкой известностью пользовались богатые серебряно-свинцовые рудники в горах Кюмюш-Тоо (буквально: «Серебряная гора» (Таласской долины) округ Шельджи). О них упоминается у Макдиси (X в.).¹ Главный город округа Шельджи (Садыр-Коргон у с. Кировское) являлся крупным торгово-промышленным центром и еще во второй половине X в. выступал как один из основных поставщиков серебра в Средней Азии. Здесь, по свидетельству того же Макдиси, было до 10 тыс. исфаганцев (торговцев и ремесленников).²

Развитой горнодобывающей промышленностью в пору раннего средневековья славилась Фергана,³ значительная часть горных промыслов которой приходилась на территорию современной Киргизии.

Золото добывалось, главным образом, в горных округах Некад и Верхняя Несья (бассейн р. Сох), в долине Касан-Сая у Ахсыкета. Производство меди было сосредоточено в основном в четырех районах: кроме горных округов Некад и Верхняя Несья, в Вагазийском (северо-запад Ферганы) и Исфаринском (юго-западная Фергана), причем горный округ Исфара славился как богатейший различными месторождениями ископаемых, в том числе серебро-свинцовыми и магнитного железняка (Кан-и-Гут), каменно-угля и нефти, кыра и смолы, жернового камня и бирюзы.

Железные рудники, кроме исфаринского находились в округе Верхняя Несья, в районе Арсланбоба и др., а вне пределов Ферганы – в юго-западных склонах Чаткальского и Кураминского хребтов.

Большое, экспортное значение имели ферганская ртуть и нашатырь. Последний, главным образом, и в больших размерах добывался в районе Узгена (область Миям-и-Рудан). Киноварь, из которой путем перегонки получали ртуть, разрабатывалась, как и в настоящее время, на северных склонах Туркестанского и Алайского хребтов⁴ на протяжении 400 км от

1 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 16.

2 В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане ..., с. 20-21.

3 О горнодобывающей промышленности Ферганы см. М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, стр. 27-31; О. И. Исламов. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. Очерки по истории геологических знаний. В. 4, М., 1955, с. 42-69.

4 П. К. Чихачев. Богатства недр Киргизии. Фрунзе, 1945, с. 53.

Оша до Ходжа-Бакырган-Сая. Однако, главные месторождения добычи ртути находились в Сохском районе (горный округ Верхняя Несья).

Итак, период раннего средневековья для Киргизстана, как и для других областей Средней Азии, ознаменовался экономическим подъемом страны, вызванным победой новых, феодальных производственных отношений, давших широкий простор развитию производственных сил края. Однако, вскоре после монгольского завоевания в стране наступил экономический упадок, продолжавшийся вплоть до середины XIX века, – присоединения Киргизии к России.

Выше, касаясь характера сведений арабской географии о Средней Азии, мы указали на ее административно-статистическое направление, что подтверждается и приведенными известиями арабских и персоязычных авторов.

Вопросы физической географии края в географической литературе этого периода освещены слабее, чем те, которые прежде всего, интересовали арабских и последующих завоевателей. Поэтому природных условий страны географы касались попутно, по необходимости, главным образом, при характеристике путей сообщения, продуктов земледелия и горнодобывающей промышленности. Отсюда отрывочный, зачастую случайный характер этих сведений и отсутствие обобщающих сводок (как, например, у Сюань Цзана), относящихся к современной территории Киргизии, что объясняется, по видимому, тем, что Киргизстан в основном оставался вне пределов арабского господства и не вызывал особого интереса абиссидов, а географические сведения о нашем крае попадали им исключительно распросным путем через вторые, третьи руки. Тем не менее арабские, особенно среднеазиатские географы (в первую очередь, ал-Кашгари), располагали рядом интересных и точных сведений о природе Киргизии, имели общее представление о гористом характере страны. Наибольший интерес в этом отношении представляют известия неизвестного персоязычного географа Х в. Гардизи, писавшего в XI в., и ал-Кашгари.

Кудам, описывая пути сообщения и города между Таласом и Чуй, между прочим, замечает, что «вправо находятся горы, влево – пески; пески простираются к северу от таразской (Тараз – ныне г. Джамбул – С. У.)

дороги до Кулана (с. Луговое – С. У.). За этими песками находится пустыня, наполненная песком и камнем, где живут змеи, которая простирается до страны кимаков.»¹

Автор здесь метко подметил характер природных условий песков Муюн-Кумы. Пустынный ландшафт и в действительности простирается до самого Центрально-Казахстанского мелкосопочника, где кочевала в X-XII вв. часть кимаков. Горы вправо от дороги, указываемые Кудамою, соответствуют хребту Киргизского Ала-Тоо, который по ал-Кашгари, назывался Баласагунскими горами.² Через хребет во Внутренний Тянь-Шань вел пер. Занби-Арт (Шамши),³ а также лежащий западнее – Каракол.⁴ В восточной части Киргизского Ала-Тоо, в районе Боомского ущелья находилась гора Джиль.⁵

В пределах Западного Тянь-Шаня ибн-Хордадбехом упоминается гора Нарджа, «из которой вытекает тысяча источников,⁶ образующих реку, текущую на восток, по имени Иркут,» в долине которой «много болот и озер», где «охотятся за горными куропатками».⁷ Горой Нарджа может быть один из западных отрогов Таласского хребта, возможно Минбулак-Тау Гумбольдта,⁸ или даже хребет Кулан Каратауской системы. Реку Иркут мы принимаем за р. Терс. Последняя, как и р. Иркут ибн-Хордадбега, течет на восток, и долина ее также изобилует родниками и небольшими болотистыми озерами.⁹

Центральный и Западный Тянь-Шань у мусульманских авторов выступают под названием Иградж,¹⁰ а его западная поперечная цепь Ферган-

1 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 29. О стране кимаков и описание пути к ним. см. «Украшение известий» Гардизи (Зап. Акад. наук, сер. VIII, т. I, в. 4, 1897, с. 105-108).

2 И. Умняков. Труды Самарканд. ПИ, т. I, в. 1, с. 121.

3 Там же, с. 121-122.

4 В. В. Бартольд. Отчет..., с. 31. Его же: Очерки истории Семиречья, с. 22.

5 Зап. Акад. Наук. сер. VIII, т. I, в. 4, 1897, с. 114.

6 По видимому Бин-юй («Тысяча источников») Сюань Цзана, известный ныне как уроч. Минбулак (см. с. 49, 50 нашей работы).

7 В. В. Григорьев, с. 220.

8 См. прилагаемую ниже карту А. Гумбольдта.

9 Н. А. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю. 1947.

10 А. Н. Бернштам. См. МИА, 26, с. 115.

ский хребет – гор Маниса,¹ причем, хребты, как это видно из описаний перевалов, представляются весьма высокими, крутыми, даже опасными для жизни. Одним из таких трудных считался перевал, ведущий через хребет Манис (очевидно, пер. Яссы), описанный еще ибн-Хордадбехом и Кудамай.

Гардизи сообщает о двух горных перевалах, лежащих по правую (южную) сторону от Барсхана: Пейгу (Байгу) и Озар. Один из них оказался настолько высоким, «что птицы, прилетавшие со стороны Китая, не могут перелететь через него»².

Ал-Кашгари указывает на трудный перевал (Йафгу- Арт?) между городами Удж (Уч-Турфан) и Барсхан, который, по И. Умнякову, идентичен с пер. Байгу (Пейгу) Гардизи. Наиболее высоким и трудным проходом на пути из Ысык-Кёля (Барсхана) к Таримской впадине еще со времени Сюань Цзана была гора Бада (Баньда), соответствующая перевалу Бедель (Бадаль).

По всей вероятности, под Бада китайцев, Байгу (Пейгу) Гардизи и Йафгу-Арт ал-Кашгари следует подразумевать один и тот же перевал Бедель на хребте Какшаал-Тоо, который с глубокой древности служил прямым выходом в Восточный Туркестан.

Ал-Кашгари приводится еще ряд перевалов: Кавак-Арт между Кашгаром и Узгеном, Арук-Турук между Кашгаром и Ферганой, Кара-Йалга между Ферганой и областью тюрков, а также Букадж-Арт. Все эти перевалы должны были лежать на территории современной Киргизии. И. Умняков, подвергавший анализу карту мира ал-Кашгари, дает следующую их локализацию: Кавак-Арт соответствует перевалу Торугарт на хребте Торугарт, Арук-Турук – пер. Терек-Даван Алайского хребта, Букадж-Арт – пер. Богушту Атбашинского хребта.³

Особое место среди этих перевалов занимал Кара-Йалга, вечно покрытый снегом, поэтому особенно опасный для сообщений. Даже древняя поговорка, бытовавшая в народе, предупреждающе гласила: «Покуда не придет черная нужда, не переходи (перевал) Кара-Йалга».⁴

1 Там же, с. 115, 119.

2 Гардизи. Украшение известий. Зап. Акад. наук, сер. VIII, т. I, № 4, 1897, с. 114.

3 И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). Труды Самаркандск. ПИ, т. I, в. 1, с. 122, 123.

4 Там же, с. 122.

Рис. 8. Карта мира Махмуда Кашгарского (ал-Кашгари).¹

И. Умняков Кара-Йалга идентифицирует с названием реки Кара-Джилга и полагает, что перевал лежал где-нибудь в Заалайском хребте. Нам кажется, что пер. Кара-Йалга мог быть пер. Кызыл-Арт в Заалайском хребте, имеющий 4280 м. абс. высоты и ведущий к долине р. Кара-Джилга.

Отмечая гористый характер Внутреннего Тянь-Шаня, мусульманские авторы указывают на обилие там пастбищ и ключей. В Приысыккульской части страны, где кочевали карлуки, по рукописи «Худуд-ал-Алам» было много рек и умеренный климат. Алайская долина уже в пору раннего средневековья пользовалась известностью своими богатыми пастбищами. «Ала, – пишет ал-Кашгари, – летнее становище близ Ферганы»².

1 Источник: <https://forum-eurasica.ru/topic/1648-карта-махмуда-кашгарского/page/2/>

2 И. Умняков. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). Труды Самаркандск. ПИ, т. I, в. 1, с. 122.

Основные контуры орографического строения Тянь-Шаня подробнее всего даны на карте ал-Кашгари (рис. 8). По его карте горная страна Тянь-Шань¹ представляет собой систему параллельных хребтов, вытянутых в широтном направлении и образующих обособленные правильные прямоугольники. По крайней мере их не менее четырех. Между параллельными цепями хребтов расположены межгорные долины – котловины.

Наиболее крупная из них, замкнутая со всех сторон параллельными хребтами долина, помещена в центре Тянь-Шаня и напоминает собою Ысык-Кёльскую котловину с озером Барсхан (Ысык-Кёль), неестественного размера. Окружающими долину хребтами могут быть с севера Кунгей-Ала-Тоо, а с юга – Терскей-Ала-Тоо и в действительности имеющие, как и на карте Махмуда Кашгарского, широтные простирания.

К западу от упомянутой долины расположена другая, самая незначительная по величине, межгорная впадина с городом Баласагун. Как уже отмечено выше, Баласагун, столица караханидов и каракитайских гурханов, находился в Чуйской долине, которая на данной карте оказалась, во-первых, замкнутой, окруженной со всех сторон параллельными горными цепями, и во-вторых, в противоположность естественного простирания с востока на запад, вытянутой с севера на юг.

Указанные межгорные долины-котловины с севера и юга ограничены также параллельными цепями хребтов. Окраинные цепи Тянь-Шаня, отождествляемых нами Джунгарским Ала-Тау и Чу-Илийскими горами на севере и Какшаал-Тоо на юге, выступают как узловое сооружение в системе хребтов. Так, с северо-восточной оконечности Тянь-Шаня на северо-восток отходит мощная цепь, напоминающая хребты Барлык, Уркашар и др., идущие на соединение с горами Северной Азии. От южной окраинной цепи на юго-восток отходит другой отрог, который можно сопоставить с Восточным, Китайским Тянь-Шанем.

Карта ал-Кашгари, построенная на принципах арабской картографии с присущим ей схематизмом и геометризмом, не могла дать в то время удовлетворительное решение картографического изображения Тянь-Шаня. Поэтому вполне закономерны те крупные погрешности, заметные с первого же взгляда на карту. Тем не менее, карта мира ал-Кашгари имеет

1 У ал-Кашгари не встречается термин Тянь-Шань.

несомненные преимущества в изображении территории Киргизстана перед аналогичными произведениями арабских и других восточных авторов этого периода, в том числе перед картой мира Идриси XII в.

Главное достоинство картографического труда ал-Кашгари для нас состоит в том, что в нем автор, несмотря на указанные выше недостатки и ошибки, впервые верно отобразил горную страну Тянь-Шань как систему параллельных, широтно вытянутых хребтов, разделенных межгорными понижениями-долинами и замкнутых поперечными цепями, на что не раз указывали последующие исследователи края.

Более точными и конкретными сведениями располагала наука о Гидрографической сети страны. Арабским, особенно местным авторам были известны все три крупные озера Киргизстана и многие реки, особенно Ысык-Кельской котловины. Под нынешним названием упоминает озеро Ысык-Кель анонимный автор X в. Однако, он ошибочно принимал р. Или за приток озера.¹ У Гардизи о нем сказано всего две строки, которые оказались достаточными для того, чтобы выпукло и правдиво наметить характерные черты гидрологии озера. «Оно простирается, – указывает автор, – на 7 дней пути; в это озеро Иссык-Куль впадает до 70 речек;² вода в нем соленая.»³ Ал-Кашгари его называет оз. Барсхан, озеро Сон-Кель – Сизинг-Кёлем (Ситинк-Кёлем, по А.Н.Бернштаму), оз. Чатыр-Кель – Кюренг-Кёлем.⁴ Озеро Барсхан по карте ал-Кашгари имеет продолговатую (яйцевидную) форму, с вытянутой осью с СВ на ЮЗ. В него впадают две реки, не названные автором, но соответствующие, вероятно, Тюпу (северо-восточный приток) и Джиргалану. Озера Сизинг-Кель и Кюренг-Кель на карте не обозначены.

Из крупных рек Средней Азии ал-Кашгари перечисляет Сыр-Дарью (под названием р. Ходжента), Или (Ила), Тарим (Усми-Тарим), Какшаал (Товушган-югюз) и др., причем Сыр-Дарья (р. Ходжента) образуется из

1 В.В.Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914, с. 155.

2 По Л.С.Бергу («Землеведение», т. XI, в. 1-2, 1904, с. 21) в озеро впадает до 80 сравнительно небольших притоков.

3 Гардизи. Укращение известий. Зап. Академии наук, сер. VIII, т. I, №4, 1897, с. 114.

4 Труды Самарканд. ПИ, т. I, в. 1, с. 120.

двух притоков, левый из которых автор называет р. Йабак-суви, что соответствует, как это видно из карт, Кара-Дарье. На правом берегу реки обозначен Узген, как и на современных географических картах. Правый приток р. Ходжента (Сыр-Дарьи) можно принять за р. Нарын, к западу от которой лежит город Касан. Между этими двумя притоками вдается хребет, один из отрогов Маниса (Ферганского хребта) – горы Баубаш-Ата или Узгенский, или оба вместе взятых.

Для эпохи монгольского господства в Средней Азии мы располагаем крайне бедными и отрывочными сведениями о природных условиях Киргизстана, которыми мы обязаны, главным образом, даосскому монаху Чан Чуню. Прошедшие до него по Семиречью китайский министр Елюйчуцай (1219 г.), сопровождавший Чингис-Хана, посол Чжурчженьского императора при Чингис-Хане Вугусунь (1220 г.) свидетельствуют о высокой земледельческой культуре в Чуйской долине, где как и в Приилийской равнине, возделывались пять родов злаков. Путешественники сообщают о многочисленных городах между Или и Таласом, главным из которых являлся Хосун-Орду – бывшая столица Кара-Китаев.¹

Рис. 9. Даосский монах Чань Чунь.²

1 О путешествиях Елюйчуцай и Вугусунь см. Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 170; В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 41.

На «Карте северо-западных и западных владений монголов», приложенной к «Си-Ю-Цзи, или описание путешествия на запад» Чан Чуня ни один из городов Северной Киргизии, сообщаемых указанными путешественниками, не обозначен.

2 Источник: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/587457>

Чан Чунь, бывший в Средней Азии в 1221-1223 гг. по вызову Чингис-Хана, дает красочные, меткие, правда, не лишённые влияния «духовной алхимии», адептом которой считался престарелый богослов, описания отдельных частей горной страны Тянь-Шань, в частности Чуйской долины, Заилийского хребта, гор юго-западного Тянь-Шаня, р.р. Чуй, Талас, Сыр-Дарьи.

После однообразных ландшафтов Монголии и Джунгарии в глаза путешественника бросились иной облик, новые черты, величие природы Небесного хребта. Он восторгается «чудными видами, острыми скалами (Заилийского Ала-Тау¹ – С. У.), воздвигнутыми одна над другой, как будто силою духа; когда я был здесь, между 8-й и 9-й лунами, – пишет автор, – горы покрыты были, с половины вверх, снегом; на южной стороне гор – растения и деревья, весеннее лето; а на северной, закутавшись в одеяло, чувствуешь холод, как от железа.»²

Из города Алмалык в Приилийской равнине Чан Чунь направился на запад и преодолев Кастекский перевал³ спустился к р. Чуй (Чуй-мулянь). Переправившись через реку 1-го ноября 1221 г., путешественник следовал далее по Чуй-Таласскому междуречью. «Здесьняя страна, – читаем в «Си-Ю-Цзи», – климатом и воздухом различна от страны по северную сторону Цзинь-Шань;⁴ здесь весьма много равнин, жители занимаются земледелием и шелководством; вино выделывают из винограда; плоды те же, что и в Китае. Только целое лето и осень не бывает дождя; поэтому поля орошаются из рек, посредством канав; отчего хлеба и поспевают. На северо-востоке и юго-западе, налево горы, направо долины тянутся беспрерывно на 10 000 ли.»⁵

1 Речь идет о горах, окружающих Приилийскую / Семиреченскую равнину, а в данном случае, по нашему мнению, Заилийском Ала-Тау.

2 Си-Ю-Цзи, или описание путешествия на Запад. – Труды членов Российск. духовн. миссии в Пекине. т. 4, СПб, 1866, с. 306.

3 В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, с. 42; Н. А. Аристов утверждает, что Чан Чунь прошел через Курдайский перевал.

4 Цзинь-шань по Н. Я. Бичурину и Н. А. Аристову – Алтай, по Бретшнейдеру – Тянь-Шань. В данном случае, скорее всего Монгольский Алтай. Чан Чунь, перед посещением Средней Азии был в Монголии, почему и сравнивает климатические условия этих стран.

5 Си-Ю-Цзи ... – Труды членов Р. Д. М. в Пекине, т. 4, с. 307.

Из рек полнее характеризуются Таласс и Сыр-Дарья, причем Талас-мулянь представляется глубокой и широкой, текущей на северо-запад; выходя с востока, она прорезывает Иншань;¹ к югу от реки – снежные горы.²

Сыр-Дарья, названная Хогань-муляном, начиналась на юго-востоке, между двумя снежными горами. Как и в настоящее время, река отличалась мутностью воды, быстротой течения и большой глубиной, достигающей в несколько чжанов.³ Чан-Чунь знал, что река течет в северо-западном направлении, но ему оставалось неизвестным «сколько тысяч ли она протекает.»

Огромное впечатление произвела на него горная страна, лежащая к северу от реки Хогань-Мулянь (Сыр-Дарья), т. е. хребты Западного Тянь-Шаня. Путешественник, обладавший поэтическим дарованием, не мог удержаться, чтобы не излить своих чувств при виде величественной панорамы хребтов, достигающих «всевышнего неба». «Горные высоты, созданные творцом, неизречены, – восклицает он, – с востока на запад стоят они грядами, созданные самим небом; юг ограждается нефритовой горой, цепью высоких пиков; на севере, горы давят золотой песок и опоясаны дикой равниной; внизу лежат источники, с неистоимой влагой; вверх горы достигают до небесного пути, до ю-юй-цинъ;⁴ путешествуя 10 000 ли, я неохотно открываю уста; но дошед сюда, пою громко, не могши удержать чувств.»⁵

Географические описания Чан-Чуня, подобно «запискам» и «Биографии» Сюань-Цзана, пронизаны религиозными наслоениями, объясняющими природные явления, как продукт духовного творца. Несмотря на эту поднебесную шелуху, в «Си-Ю-Цзи» содержатся чрезвычайно интересные, ценные для познания природы страны известия.

После открытий Сюань-Цзана, китайских исторических карт времени династии Тан, а также сведений Махмуда Кашгарского, наука не располагала более подробными описаниями и обобщениями о природе Киргизстана,

1 Ин-Шань по китайским источникам соответствует Тянь-Шаню. См. В. В. Бартольд. Отчет ..., с. 34.

2 Труды членов Р. Д. М. в Пекине, т. 4, с. 306.

3 Там же, с. 309. Чжан равен 10 футам, или около 3-х метров.

4 Ю-юй-Цинь в даосской космографии означает высшее небо. См. Труды членов Р. Д. М. в Пекине, т. 4, с. 309.

5 Там же.

ограничиваясь лишь случайными, отрывочными сообщениями, главным образом, арабской географии, которые, естественно, не могли дать ценные сводки физической географии страны или отдельных ее частей, не говоря уже об объяснении многообразия природной среды края. Ранний феодализм и его наука, опутанная сетью средневековой схоластики и выступающая «смирненной служанкой церкви»,¹ не ставила подобные задачи.

На этом фоне трудно переоценить значение географических известий Чан Чуня, обнимающих значительную часть Киргизии. Его указания о скалистом, многоярусном характере строения Заилийского Ала-Тау, покрытого вечными снегами, отражают современные представления об альпийском облике хребта. Обращают на себя внимание свидетельства путешественника о низком положении снеговой линии, а также о резком различии природных условий на северном и южном склонах гор, которые согласуются с данными исследователей Тянь-Шаня.²

Западный Тянь-Шань Чан Чуню представляется как система широтных хребтов, достигающих больших высот и окруженных равнинами с пустынным ландшафтом, что опять-таки близко к истине. Описания Чуйской долины, рек Талас и Сыр-Дарьи, данные исключительно верно и просто по изложению, не теряют своего значения и по сей день.

Таким образом, географические известия Чан Чуня, как и самоотверженный научный подвиг его великого соотечественника Сюань Цзана, явились ценным вкладом в географическую науку в деле познания природы Киргизии.³

Другие китайские авторы этого и более позднего периода мало что добавляют к уже известным сведениям о природных условиях края. Чан Дэ, прошедший между двумя горами И-ту (Киргизским Ала-Тоо и горами Чу-Илийского водораздела) в марте 1259 г.,⁴ в характеристике Чуйской

1 Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1940, с. 22.

2 Первое обстоятельное научное описание Заилийского Ала-Тау принадлежит выдающемуся русскому путешественнику П. П. Семенову-Тян-Шанскому (о работах П. П. Семенова-Тян-Шанского см. ниже).

3 О путешествии Чан Чуня, кроме цитированных выше трудов см. И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб, 1879, стр.67-71; В. Н. Федчина. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь. – Из истории науки и техники Китая. Сб. статей, М., 1955, с.172-181.

4 В. В. Бартольд. Очерк Истории Семиречья, с. 51.

долины, по существу, повторяет Сюань Цзана и Чан Чуня. Однако на месте прежней цветущей земледельческой страны с городами и поселениями, путешественник застаёт одни их развалины, упадок экономики края, что явилось прямым результатом разрушительной деятельности монголов, действовавших, по выражению К. Маркса соответственно их способа производства,¹ превращая бывшие земледельческие районы в пастбища кочевников.²

О горной части страны китайцы также не располагали более значительными сведениями, чем во времена Сюань Цзана и Чан Чуня, и Минская география («Мин-и-Тун-Чжи», изд. 1461 г.) лишь пересказывает их. «...Цун-лин (Западный Тянь-Шань и Памир. – С. У.), – сказано в ней, – начинается в этой стране (И-ли-ба-ли³ – С. У.). Имя это произошло от изобилия дикого лука. Горы эти очень высоки. Туземцы называют их Таш-дабань. В этой стране (вообще) холодно. В горах и глубоких их долинах снег нередко выпадает в шестом месяце (июль). Есть там море (озеро), называемое Же-Хай (теплое море), которое имеет несколько ли в окружности. На языке страны его называют I-si-ko-rh».⁴

Из других сведений монгольского периода можно указать на сообщения восточных авторов ибн-Асира и Джувейни (XIII в.), Джемала, Карши, Рашид-ад-Дина, Абдульфеда, Вассаф, ал-Омари (XIV в.); для эпохи господства тимуридов и калмыков – ибн-Арабшаха, Шереф-ад-Дин Езди, Абд-ар-Раззак Самарканди, Джурджани, Мирхонда (XV в.),⁵ Бабура (XV-XVI вв.), Мухаммеда Хайдара (XVI в.), а также на некоторые известия отдельных восточных и европейских источников.

Среди работ этих авторов нет специальных сводок, обзоров, посвященных истории или географии Киргизстана. Вопросов географического

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к критике политической экономии, Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

2 О разрушении оседлости и земледельческой культуры Семиречья в период господства монголов и их потомков указывали еще Рубрук, Бабур, Мухаммед Хайдар и др. авторы.

3 Чагатаевский улус, куда входила горная Средняя Азия и Восточный Туркестан, тогда назывался И-ли-ба-ли.

4 Н. А. Аристов. Рукопись, ч. II, с. 287.

5 О географических известиях восточных авторов см. «Отчет...», «Очерк истории Семиречья», «Туркестан» и др. работы В. В. Бартольда, а также работы А. Н. Бернштама (Труды Семиреченск. археологич. экспедиции «Таласская долина»; МИА, 14, 1950 и др.).

характера, главным образом, номенклатурного порядка, они касаются попутно, между прочим, при изложении событий более широких рамок. Сведения некоторых историков настолько ничтожны, что трудно в них найти что-либо новое и существенное по сравнению с ранее известными данными по физической географии Киргизии. Поэтому мы не можем разбирать известия каждого из перечисленных выше авторов, а рассмотрим лишь те, которые представляют определенный интерес и пополняют наши географические знания о крае.

Особый интерес для географии края представляют сочинения Бабура и Мухаммеда Хайдара, первый из которых дает наиболее подробное географическое описание Ферганской долины, а «Тарихи-Рашиди» второго служит важнейшим источником по истории и географии Киргизстана и всей Средней Азии для XV-XVI вв.

Захириддин Мухаммед Бабур – основатель «государства великих моголов» дал в 20-х годах XVI в. превосходное описание своей родины – Ферганы, нашедшее отражение в его «Записках» – «Бабур-намэ».

Основную часть повествований о Фергане занимает описание городов, главным образом, их природных условий – географического положения, климата, речной сети, плодовых насаждений (садов), а также растительного покрова и животного мира окрестностей городов.

Из семи городов Ферганской долины пять (Андижан, Ош, Маргилан, Исфара и Ходженд) располагались к югу от р. Сейхун, а два (Ахсы и Касан) – к северу от реки.

Город Ош, по «Бабур-намэ», находился в четырех йигачах¹ пути от Андижана, на берегу р. Андижан (Ак-Буура). «На обоих берегах этой реки раскинулись сады; все сады возвышаются над рекой. Фиалки в них очень красивы. В Оше есть текучая вода; весна там бывает очень хороша; расцветает множество тюльпанов и роз.»²

В окрестности Оша находилась гора Бара-Кух,³ где было обнаружено месторождение поделочного камня с белыми и красными волнообразными

1 Йигач – соответствует Фарсаху (6-7 км).

2 Захириддин Бабур. Бабур-намэ, Госиздат Уз. ССР, 1948, с. 10-11.

3 Там же, с. 11. Ныне – Тахт-и-Сулейман.

полосками (прожилками), который шел на выделку ручек для ножей, пряжек для поясов и т. п.

«По всей Фергане нет города, подобного Ошу по приятности и климату.»¹ – заключает Бабур.

Для города Исфара (Асфара), стоявшего у подножья горы, отмечается множество плодовых садов, в основном миндальных. В двух километрах к югу от города среди холмов имелся Зеркальный камень («сенг-и аине»). В состав области Исфара входили четыре округа, расположенные также у подножья гор, в долинах рек Исфара и Сох: Исфара, Варух, Сох и Хушьяр (Гушьяр).

Фергана, указывает Бабур, лежит в пятом климате² обитаемого мира и со всех сторон окружена горами. Она характеризуется им как край богатый хлебами и плодами. В числе последних упоминаются груши, как лучшие в мире, абрикосы, миндаль, гранат, а также виноградники и прославленные ахсыйские дыни. При описании животного мира основное внимание уделено перечислению промысловых зверей. Во множестве обитали в различных районах страны белые киики, олени, маралы, зайцы, из дичи – фазаны.

Рис. 10. Захириддин Мухамед Бабур (1483-1530).
Портрет написан около 1505 г. Из книги
Захириддин Бабур. Бабур Намэ. Баку, 2011.

1 Зап. Р.Г.О. по отдел. этнографии, т. VI, 1880, с. 169.

2 Арабские и другие восточные географы вслед за греками разделяли обитаемый мир на семь географических поясов (зон) – климатов, давая описание стран по «климатам» (напр. Амин Ахмед-и-Рази (XVI в.) в труде «Семь климатов»). См. об этом: «Бабур-Намэ», с. 9; Собрание восточных рукописей Акад. наук Уз. ССР. т. I, 1952, с. 298; М.С. Боднарский (сост.). Античная география, 1953.

Из рек описана Сейхун («Сейхун-Дарьяси») или Ходжендсуи (Сыр-Дарья), которая проходит в Фергану с северо-востока и протекает через всю страну. Правильно указывая на направление течения реки, Бабур, однако, ошибочно утверждал, что она теряется в песках, не доходя до Аральского моря.

Горы, окружающие Фергану, по словам Бабура, обладают хорошими пастбищами. В горах растет тобулгу – дерево с красной корой, из которого выделывают посохи, ручки для плетей (кнутовища), клетки для птиц и аршины.

Из месторождений полезных ископаемых автор, кроме поделочных камней горы Баракук близ Оша, зеркальных камней к югу от Исфары, указывает на бирюзовые россыпи и железные рудники, расположенные в приферганских горах, например, на гор. Мутугиль (Матугаль – по Н. Н. Пантусову) – Могол-Тау. «Записки» Бабура ничего не сообщают о рудных богатствах горных округов Верхней Несьи, Вагазии, Некада, Исфары, прославивших Фергану в эпоху раннего Средневековья, что, по-видимому, свидетельствует об упадке горнодобывающей промышленности при Тимуридах.

В целом Бабур дает правдивое описание Ферганской долины, её естественных ресурсов. В его «Записках» нашли свое отражение все основные черты природных условий, а также характер экономики края. Фергана выступает здесь как область развитого земледелия и садоводства. Её географическое описание, данное Захириддином Мухаммедом Бабуром, можно считать первой географией страны, замечательной для своего времени, не потерявшей значения и по ныне.

Мухаммед Хайдар и его современники имели довольно четкие представления, как об основных контурах строения поверхности Киргизстана, так и его отдельных частях. Тянь-Шань, известный тогда под названием Могулистанских гор, простирался на западе до Шашской (Ташкентской) области, на востоке – до Турфанской, на севере – до земли Калмыков (Джунгарии), причем Небесные горы рассматривались как продолжение, как отроги Памира.¹

1 Ч.Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Зап. Р.Г.О., кн. I, 1861, с.199; В.В. Григорьев, с. 324.

Наибольший интерес среди географических известий Мухаммеда Хайдара, автора книги «Гефт-Иклам», Амина Ахмед-и Рази («Семь климатов») и др. представляет характеристика озера Ысык-Кёль, данная М. Хайдаром, которую приведем полностью.

Одним из интересных мест в Могулистане, по его мнению, является Ысык-Кёль, куда впадает «приблизительно такое же количество воды, как в Кукча-денгиз (Балхаш). Оно (озеро Ысык-Кёль – С. У.) простирается на 20 дней пути и ни с какой стороны не имеет истока. Оно окружено горами. Вся вода, текущая в Иссык-Куль, пресна и приятна на вкус, но как только она входит в озеро, она становится такой горькой и соленой, что ею нельзя пользоваться даже для умывания; если она попадает в глаза или полость рта, она вызывает серьезное воспаление; на вкус она также неприятна. Она замечательно чиста и прозрачна, так что если налить этой воды в китайскую чашку, то на дне не остается никакого осадка. Вода ручьев вокруг озера превосходна. Множество ароматических трав, цветов и плодовых деревьев; в окрестных горах и долинах много антилоп и птиц. Немного местностей в Могулистане отличаются таким приятным климатом.»¹

Мухаммеду Хайдару в данной сводке удалось правильно подметить характерные черты природы озера Ысык-Кёль. Замечательно в ней то, что Хайдар впервые указывает на бессточность озера, устранив тем самым ошибки китайских авторов. В ученых кругах Западной Европы, не знакомых с «Тарихи-Рашиди» М. Хайдара, этот вопрос оставался предметом схоластического спора до середины XIX в., т. е. в течение почти трех столетий.

Интересна попытка автора рассмотреть объем поверхностных стоков, впадающих в озеро Ысык-Кёль. Хайдар думал, что оба озера (Балхаш и Ысык-Кёль) получают примерно одинаковое количество текучих вод, что в свете современных данных оказывается ошибочным.²

1 По Л. С. Бергу. Землеведение, кн. I-II, 1904, с. 4.

2 Речной сток в оз. Балхаш в среднем в год составляет слой в 880 мм, а в оз. Ысык-Кёль – 567 мм, т. е. приход в оз. Балхаш на 213 мм больше, чем в оз. Ысык-Кёль. Однако, объем воды в оз. Ысык-Кёль (1731,6 куб. км) почти в 16 раз превышает объем Балхаша (111,5 куб. км) что объясняется глубоководностью оз. Ысык-Кёль. Средняя глубина его равна 279 метров, при максимальной глубине 702 м, тогда как на оз. Балхаш соответственно: 6,1 м и 26 м. См. А. В. Шнитников. Сб. «Оз. Балхаш и соляные озера его бассейна», 1936; В. П. Матвеев. Гидрологические и гидрохимические исследования на оз. Иссык-Куль, Сб. оз. Иссык-Куль, Труды Киргизск. комплексн. экспед., т. 3, в. 2, 1935.

Заслуживают внимания указания Хайдара о ландшафтах и климате Прииссыккуля и о наличии в окрестностях озера антилоп». ¹ Остальные сведения автора «Тарихи- Рашиди» об Ысык-Кёле, с одной стороны, повторяют данные Сюань Цзана, не представляя нового для науки, с другой – довольно сомнительны, преувеличены, например, о величине озера и о том, что воды его способны вызывать серьезное воспаление тканей человеческого организма.

Монгольское господство, принесшее народам разорение, экономическую разруху и упадок культуры, в то же время дало возможность установлению связей Запада с Востоком, расширению географических знаний, которые с раннего средневековья переживали глубокий кризис на Западе. Начало этому расширению было положено еще во время крестовых походов.

В течение XIII-XIV вв. из Западной Европы через Среднюю Азию и Казахстан в Монголию и Китай один за другим следовали христианские миссионеры и купцы, русские князья из России, армянский царь Гетум из Ближнего Востока (XIII в.) и др. Особенно велики для географической науки заслуги венецианского купца Марко Поло (1271-1288), послов Римского Папы Пьяно Карпини (1245-1247) и Гильома Рубрука (1252-1255), давших прекрасные описания посещенных стран. Путешественники обычно проходили вне пределов современной Киргизии, севернее или южнее её. ² Поэтому они и не дали ничего оригинального о природе края. Более того, Рубрук, как и античные географы, допускал орографическую связь

1 Л. С. Берг под антилопами подразумевает *Antilope subgutturosa* или *Antilope saiga*.

2 По «Карте пути», заимствованной из английского издания сочинений Карпини и Рубрука (Лондон, 1599) и приложенной в русскому изданию этих трудов (см. список литературы), путешественники прошли по Чуйской долине вдоль северных подножий Киргизского Ала-Тоо. Однако, из маршрутных описаний это не вытекает. По свидетельству самого же Рубрука он проехал в шести днях пути от Таласа (ныне Джамбул) (Рубрук, с.104) и вряд ли мог попасть в Ысык-Кельскую котловину, как утверждал Риттер (Риттер, Землеведение Азии, 1869, с. 160). Между тем, до последнего времени у нас следовали ошибочному указанию упомянутой карты (Бейкер, с. 52; Магидович, с. 73). Лишь в новейшей работе А. Н. Бернштама дана удачная трактовка маршрутов Карпини и Рубрука (Изв. В. Г. О., т. 87, В. I., 1955, с. 51). Через г. Талас (Джамбул) по Чуйской долине Киргизии могло следовать французское посольство монаха Андрея Лонжюмо, направленное в Монголию в 1248 г., хотя о нем, кроме упоминаний Рубрука, ничего неизвестно (Рубрук, с. 104).

Тянь-Шаня с Кавказом (Имаус или тавр древних), принимая Каратау за продолжение гор «Кавказа, которые соприкасаются с обоими сторонами (Каспийского – С. У.) моря от запада к востоку.»¹

Однако, эта или другие подобные погрешности не умаляют достоинства важнейших географических сведений путешественников, относящихся к другим частям Евразии, особенно к Центральной Азии. Интересно для нас, например, следующее свидетельство Рубрука о земледельческой культуре, широкой сети оросительных каналов в Таласской долине и бессточности р. Талас: «С гор (Таласского Ала-Тоо – С. У.) спускалась большая река (Талас), которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно, эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землю, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино».² (Подчеркнуто нами – С. У.).

До сих пор по Китайской исторической карте времени династии Тан (см. выше) было известно, что р. Талас не доходит до р. Сыр-Дарья и заканчивается небольшим водоемом (озером). По сведениям Рубрука река 700 лет тому назад, как и в наши дни,³ терялась в пустыне Муюн-Кумы, образуя множество болот. Эти указания путешественника имеют существенное палеогеографическое значение и проливают свет на характер климатических условий бассейнов рр. Талас и Чуй за исторический период.

Однако, уже с XV в., с падением империи Тимура и образованием новых государственных объединений в Средней Азии и позже, когда вслед за великими географическими открытиями начались завоевания, колонизация и разграбление новых земель в разных частях света, все больше ослабевали связи Запада со Средней Азией, что не могло не отразиться на уровне географических знаний. Посольство Гонзалеса Клавахо к двору Тимура (1403-1404), путешествия немца Ганса Шильтбергера (1402-1405) и англичанина Антония Дженкинсона (1558-1559) по ряду районов Средней Азии

1 Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб, 1911, с. 104. Согласно Карпини в Средней Азии «существуют величайшие горы», к которым с юга прилегают Иерусалим, Балдах (Балх?) (Иоанн де Плано Карпини. История Монголов. СПб, 1911, стр. 51).

2 Рубрук, с. 103.

3 См., например, карту «Памир и Тянь-Шань», 1952, М., 1:1500000.

не принесли для географии Тянь-Шаня новых известий.¹ Некоторый, правда, скудный материал дают картографические произведения этого периода, в которых, по всей вероятности, использованы новейшие источники, особенно сообщения миссионеров. Так, на Каталонской карте 1375 г. впервые в Западной Европе изображено оз. Ысык-Кёль. В такой же яйцевидной форме очерчено оно (Isicol) и на карте мира 1410 года (Стефана Борджиа).

Карта Частей Света Фра-Мауро 1459 г. воспроизводит озеро в виде большого 4-х угольника, с расчлененной береговой линией. Здесь Ысык-Кёль проточно, со всех сторон окружено горами. Вблизи от озера расположены Самарканд (западнее), Алмалик (севернее), Отрар (северо-восточнее), пустыня Лоп (Тарим, юго-восточнее). На юг от озера идет меридиональная цепь гор, которая, пересекая широтный Памир, соединяется с хребтом Имаус. На самом озере – Isicol – сделана следующая надпись: «In questo laga son perleenon serpuo pescar li viene fatto gran guardia.»

Эта прекрасная для того времени карта, богатая новыми географическими объектами и насыщенная деталями, осталась вне поля зрения позднейших картографов.² Поэтому на картах мира Рюиша (1508), Иоганна Штабиуса (1515), Лаврентия Фризиуса (1522), Петра Каппо (1528), Петра Апиана (1530) основные орографические элементы Средней Азии нанесены согласно Птолемея по данным II в. н. э.

На карте «Тартарии» Авраама Ортелия (1570) и Новой Карте Азии (без года издания), воспроизводящей её, на территории Киргизии вовсе не показано никаких гор. Сыр-Дарья (на карте р. Chesel) почти на всем протяжении течет вдоль 50° с. ш. Кашгар, Хотан, Аксу и Лоп располагаются на берегах Верхнего Сыра. Знаменитый Герард Меркатор также не сумел преодолеть ошибок своих предшественников в изображении горной Средней Азии. На его карте Мира (1595) гидрографические объекты Края изображены в соответствии с Дженкинсоном и Ортелием, а орографические – по Птолемею.

1 На карте России и «Тартарии» Дженкинсона (1562) Аму-Дарья нанесена дважды, во втором случае как левый приток Сыр-Дарьи, которая течет на север и впадает в озеро Китай, служащее истоком р. Обь.

2 К. А. Салищев. Основы картоведения, 1948, с. 59.

Приведенными данными в основном исчерпываются географические сведения средневековых авторов о Киргизии. Из них можно вынести общее заключение, что к середине XVII века наука располагала некоторыми фактическими данными, относящимися к экономике, населению и физической географии Киргизстана, о путях сообщения по его территории.

Труды средневековых историков, географов и путешественников в целом, дают представление о гористом характере страны, о наличии альпийских хребтов, покрытых ледниками и вечными снегами (Сюань Цзан, Чан Чунь), некоторые понятия об особенностях их орографического строения (ал-Кашгари), гидрографической сети (ал-Кашгари, Чан Чунь и др.) края. Однако, сведения эти, будучи разрозненными, относящимися только к отдельным частям страны, преимущественно к районам, тяготеющим к важнейшим путям караванного сообщения, не могли служить сводом географических знаний для всей Киргизии. Если о северной и приферганской частях страны имелись довольно подробные, а по Ысык-Кёлю даже превосходные для своего времени географические характеристики, то для Внутреннего Тянь-Шаня (верхнего Чуй и бассейна р. Нарын) известия оказались настолько отрывочными и смутными, что по ним трудно составить определенную картину природных условий области.

Одной из особенностей географических известий средневековых и более ранних авторов является их номенклатурный характер. Как правило они представляют собой перечисление отдельных географических объектов (гор, рек, перевалов и т. д.) и уточнение некоторых деталей (напр., географического положения, протяженности или направления горных хребтов и рек и др.). Еще реже встречаются упоминания о ландшафтных типах, о характере почвенно-растительного покрова, животного мира страны.

2.3. Географические известия по Киргизии середины XVII – середины XIX века

2.3.1. Русские географические известия

Важнейшее значение для экономического развития и дальнейших судеб народов Средней Азии имели установление и упрочение связей с Россией, которые вступили в новую фазу, начиная с XVII века, когда, по сло-

вам В. И. Ленина, наступил «новый период русской истории», сложилось единое централизованное государство, единый всероссийский рынок.¹

С созданием централизованного государства и ликвидацией феодальной раздробленности началось быстрое возвышение России, расширение ее экономических связей с соседними странами. Однако, в то время (XVII в.) еще не было достаточных предпосылок для широких экономических и политических связей России с государствами Средней Азии. Стремительное движение на Восток, в Сибирь, задачи «освоения» вновь приобретенного края поглощало основное внимание русских и отвлекало от дел в Средней Азии. Поэтому и существующие с нею сношения не могли принести тогда желаемых результатов.

Перелом в этом наступил в первой четверти XVIII в., в эпоху петровских преобразований. Петр I, движимый идеей ликвидации технико-экономической отсталости России, превращения её «из полуазиатского континентального государства в наиболее могущественную морскую державу»² – вел активную внешнюю политику, лихорадочно строил заводы и фабрики и тем самым пытался «выскочить из рамок отсталости.»³ Не ограничиваясь тем, что «прорубил окно в Европу», он, в то же время, усиленно, но тщетно искал «ключ и врата» к странам Востока.⁴ При этом главная забота Петра I заключалась в установлении торгового пути между Россией и Индией через Аму-Дарью.⁵ С целью поисков путей в Индию и проникновения в Среднюю Азию были снаряжены экспедиции Бухгольца (1715), Бекович-Черкасского (1716-1717) и другие, окончившиеся неудачно, но значительно обогатившие географическую науку сведениями о Средней и Центральной Азии.

В дальнейшем интересы русского государства требовали упрочения политического и экономического влияния России в Средней Азии. Ход

1 В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4-ое, с. 137.

2 К. Маркс. Секретная дипломатия. Лондон, 1899, гл. VI.

3 И. В. Сталин, Соч., т. 11, с. 249.

4 Я. В. Ханыков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Зап. Р. Г. О., кн. V, 1851, с. 297.

5 К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Зап. Р. Г. О., кн. 4, 1850, с. 269, 274; См. также: П. Чихачев. Об исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи. Зап. Р. Г. О., кн. 3, 1849, с. 25.

развития исторических событий последующих эпох оказался в конечном счете благоприятным для судеб наших народов.

Итак, судьба и перспектива общественно-политического, экономического и культурного развития Средней Азии с началом нового времени были тесно связаны с Россией, выступающей на мировой арене как могущественная держава с богатой самобытной культурой и передовыми, прогрессивными традициями общественно-научной мысли. То же самое надо сказать и о развитии географических знаний о Средней Азии, которое целиком связано с именами, усилиями русских людей, вначале торговцев, послов, военных чиновников, знатоков рудных и горных дел, а затем и путешественников, ученых, бывших в разное время в различных частях страны, в том числе и в Киргизии.

Самые ранние сведения о западных отрогах Тянь-Шаня имелись уже в «Книге Большому Чертежу», выдающемся памятнике русской географической литературы второй половины XVI и первой половины XVII веков. В ней неоднократно упоминаются горы Кара-Тау – крайний северо-западный отрог Тянь-Шаня, а также хребты Кураминский (без названия) и Туркестанский, под названием Карабас горы, причем, последняя, по данным «Книги», протягивается на 400 км.¹

В «Чертежной Книге Сибири», составленной Семеном Ремезовым в 1701 году нанесены рр. Талас и Чуй. Однако, эта замечательная для своего времени картографическая работа, основанная на разноречивых распросных данных, не могла избежать грубых ошибок. Так, в оз. Балхаш (у Ремезова море Тенгыз) впадали рр. Талас и Лопча (?) с притоками Яркенд и Кашгар. В то же время оно служило истоком для Сыр и Аму-Дарьи. В целом вся Средняя Азия автору представлялась «безводной и малопроездной каменной степью»² без её высочайших горных систем.

Существенное значение в расширении географических познаний о Киргизии имела дипломатическая миссия Ивана Унковского, капитана от артиллерии, посла Петра 1 к калмыцкому («зюнгорскому») владетелю

1 Книга Большому Чертежу. М. – Л., 1950, с. 95.

2 Чертежная Книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб, 1882, л. 20.

(«контайши») Цэвану-Рабтану в 1722 г.¹ Кроме политических целей, урегулирования сложных взаимоотношений, существующих между Россией и Джунгарией, посольство Унковского имело поручение разведать места «где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем, и учиня тому чертеж и прочее, вернуться обратно».² Для этого в составе посольства находились специалисты по горному и инженерному делу и геодезии.

В период июля-сентября 1723 г. посольство находилось в восточной части Ысык-Кёльской котловины, в долинах рр. Тюп и Джиргалан. В путевом журнале И. Унковского, наряду с указаниями о реках Тюп и Джиргалан, имеются свидетельства о заболоченности долины р. Каркары, об обилии в горах ельников и можжевельников.³

Наибольший интерес представляет для нас карта «Контайшинных владений» («Charte Domini Contaichiae»), составленная И. Унковским в конической проекции в масштабе 10 верст в дюйме.⁴

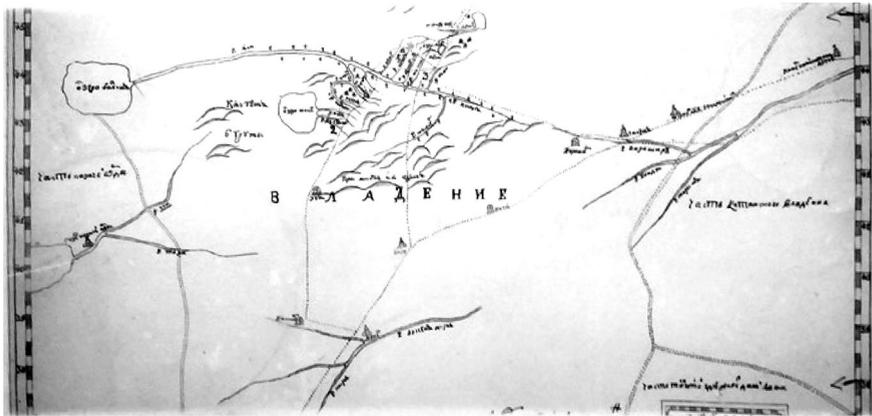

Рис. 11. Деталь Калмыцкой карты Джунгарии И. Унковского, 1724 г.
Из личного архива С. Умурзакова.

- 1 Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. X, 2, 1887.
- 2 Там же, с. 213.
- 3 Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. X, 2, 1887, с. 107.
- 4 Копии карт И. Унковского см. Зап. Р.Г.О. по отд. этногр. т. X, в. 2, 1887; Лебедев Д. М., География в России петровского времени. М. – Л., 1950.

На территории Киргизии в ней изображены оз. Ысык-Кель,¹ окружающие его горы, а также горы Музарт. Из рек – Тюп, Джиргалан, Чуй, Каркыра. Местоположение перечисленных географических объектов, за исключением р. Чуй, дано, в целом, довольно верно.

Озеро Ысык-Кель (на карте И. Унковского «озеро Туссе») размещено между 42°30' и 43°30' с. ш.² Главные притоки озера Тюп и Джиргалан изображены почти так же, как и в современных мелкомасштабных картах. Менее удачны очертания озера. Вместо вытянутого с запада на восток, оно имеет вид неправильного четырехугольника.

Правдивое изображение оз. Ысык-Кель и его притоков, а также расположенных к юго-востоку от него гор свидетельствует об осведомленности И. Унковского о восточной части Киргизии. О западной части страны, он, по-видимому, не располагал достоверными сведениями, чем объясняется, например, то, что р. Чуй изображена текущей в юго-западном направлении и впадающей в большое безымянное озеро, ошибочно принятое Д. М. Лебедевым за Ысык-Кель.³

Несмотря на отдельные неточности карта И. Унковского является первым картографическим произведением в Европе, давшим правдивое и сравнительно подробное изображение географических объектов Киргизии и существенным вкладом в развитие отечественной картографии.

Генеральная карта Российской империи К. Кирилова (1734 г.)⁴ также охватывает территорию Киргизстана, которая сплошь покрыта холмиками, вероятно, передающими гористый характер страны. С этой точки зрения карта представляет определенный сдвиг вперед по сравнению с предыдущими картографическими изображениями рассматриваемой территории. Также ближе к истине передано верхнее течение Сыр-Дарьи.

1 Акад. Л. С. Берг карту И. Унковского считал первым картографическим изображением Ысык-Кёля (Землеведение, т. XI, 1-2, 1904, с. 5). Как мы показали выше (с. 39), это утверждение является ошибочным.

2 Истинные координаты оз. Ысык-Кель следующие: 42°12' – 42°45' с. ш. и 76°14' – 78°24' в. д.

3 Д. М. Лебедев. География в России петровского времени. Изд. АН СССР, М. – Л., 1950, с. 126.

4 Генеральная карта Российской империи, сколько возможно была исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего сената в Санкт-Петербурге, 1734.

Однако, автор карты повторяет ошибки своих предшественников, отодвигая географические объекты края на 3-4° к северу, чем в действительности. Отсюда ложность координат, например, озер, напоминающих Балхаш и Ысык-Кёль, истоков р. Сыр-Дарьи. Озера эти по форме имеют очертания, близкие к изображениям на карте Унковского, но сильно уменьшены в размерах;

Наряду с продвижением и дальнейшим укреплением России в Сибири, в первой половине XVIII в. шло и постепенное проникновение в Среднюю Азию. Казацкая колонизация Урала и основание Оренбурга (1735 г.), присоединение Тургайской, части Акмолинской и Семипалатинской областей, создание так называемой Оренбургской и Сибирской оборонительных линий явились важной вехой в наступательной политике России в отношении жузов Казахстана и среднеазиатских ханств. Эти обстоятельства открыли доступ и возможности к более частым посещениям Джунгарии, Хивинского и Бухарского ханств и не могли остаться бесследными для науки.

В 30-х – 40-х годах XVIII в. несколько путешествий было совершено вглубь Средней Азии, в т. ч. посольства в Джунгарию плац-майора Угрюмова (1732 г.) и майора Миллера (1742-43 гг.). Первый из них на основе расспросных данных и личных наблюдений составил карту бассейна Или и современного Синь-Цзяна,¹ а второй представил «Ландкарту тракта через орде Киргиз-Кайсацкое и до Зюнгорского владения и обратно до Орской крепости в 1743г.»² включающую область Чуй-Илийских гор почти до 43° с. ш. и 75° в. д. Еще раньше 1738-1739 гг. тот же Миллер, вместе с геодезистом Кушелевым, сопровождал торговый караван, шедший из Оренбурга в Ташкент.³

В дальнейшем, по мере накопления и расширения географических сведений, удалось создать карты не только соседних с Россией областей, но и более отдаленных – Средней Азии, отдельных частей Китая. Значительную роль в этом, наряду с Западно-Сибирскими ведомствами, сыграл Географический департамент, созданный в 1741 г. при Оренбургской Комиссии,

1 Записки Р.Г.О., по отделению этнографии, т. X, В. 2, 1887.

2 Географич. Известия Р.Г.О., 1850, В. 4, с. 662-663, а также Приложение к В. 4.

3 Там же, с. 661.

руководимый выдающимся русским географом П.И. Рычковым. Одним из первых картографических произведений департамента явилась рукописная «Ландкарта Оренбургской губернии» 1746 г., копированная в 1752 г. Андреем Весельковым.¹

Карта, кроме собственно Оренбургской губернии, охватывает и территорию Средней Азии. Авторы «Ландкарты» основные географические объекты интересующей нас области изображают согласно с Генеральной картой Российской Империи И.К. Кирилова (1734 г.), но вносят в неё ряд коррективов. Так, главный исток р. Сыр-Дарьи на «Ландкарте» показан под 78° в. д., исключительно точно для того времени, чего нельзя сказать, например, о лучших картах первой половины XVIII в. Штраленберга, д'Анвилля. Р. Цуй (Чуй) изображена приблизительно так же, как и на карте Ремезова, но начинается не с северо-запада оз. Балхаш, как на последней, а в более южных районах. На «Ландкарте» нет р. Талас и оз. Балхаш, нанесенных на карте Ремезова, а также оз. Ысык-Кёль. Рельеф, как и на карте Кирилова, дан в виде конических холмиков, которые, однако, еще не дают должного представления о гористом характере страны.

Генеральная карта Оренбургской губернии, сочиненная И. Красильниковым в 1755 г.² имеет ряд преимуществ перед «Ландкартой» 1746 г. Здесь число географических объектов, относящихся к Киргизии увеличилось и наметились крупные орографические контуры страны. Появилась единая горная цепь, протягивающаяся с северо-востока на юго-запад, которую можно принять за Какшаал-Тоо. Пересекая 30° в. д. (долгота от Казани) она в верховьях рр. Сыр-Дарьи и Кашгара соединяется с хребтами, вытянутыми в виде треугольника, как изображали в то время Памирское нагорье (напр., у Штраленберга). Довольно точно очерчено по долготе течение р. Талас. Нижнее течение р. Цуй (Чуй) показано прерывисто, с озеровид-

1 Ландкарта Оренбургской губернии с показанием частей прочих губерний. Сочинена в Оренбурге при географических делах 1746 года. Рукопись, М. 1: 6500000. Долгота от Казани. ЦГВИА, ВУА, ф. 416, д. 358.

2 Карта Генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест... Сочинена при Оренбургских географических делах с разных описаний при тех же делах имеющихся в 1755 году. Настоящая карта находится в атласе: Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «топографии» П.И. Рычкова 1755 года. Оренбург, 1880. Мы пользовались рукописным экземпляром настоящей карты, хранящимся в ЦГВИА (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20621).

ными расширениями, что дает представление о характере течения и колебаниях уровня реки. Географические объекты Чуй-Илийского водораздела (к северу от 43° с. ш.) нанесены подробно согласно «Ландкарте» Миллера.

Генеральная карта Оренбургской губернии страдает крупными недостатками и ошибками. В ней, основанной, главным образом, на материалах географического департамента, не учтены сведения отдельных ценных источников, например, карты И. Унковского, давшей картографическое изображение оз. Ысык-Кёль и гор Терскей-Ала-Тоо. Тем не менее карта И. Красильникова представляет собой сдвиг вперед в отношении картирования географических объектов Киргизии. Даже некоторые из более поздних русских карт значительно уступают ей в изображении ряда орографических элементов края. Так, рукописная «Карта полуденной части Российской Империи Сибирской губернии и пр.» (1765 г.),¹ построенная еще на традициях старинных карт (север-внизу, юг – вверху, восток – слева, запад – справа), ошибочно комбинирует различные географические объекты.

Если сравнить её с картой Ремезова, то можно заметить очевидный прогресс в картировании ряда орографических объектов. Теперь нет озера-моря Тенгыз, занимавшего ключевое положение на всем пространстве Средней Азии. Появились изображения озер Балхаша и Ысык-Кёля. Рр. Талас и Кашкар не впадают в Тенгыз, Сыр-Дарья и Аму-Дарья не вытекают из него. Но все же чувствуется влияние «Чертежной книги Сибири». Очертания р. Цуй (Чуй) и объектов, лежащих к юго-западу от неё, можно сказать, скопированы с Ремезовского чертежа. Истоки Сыр-Дарьи лежат на расстоянии в 50-55 км от Балхаша. Р.Кашкар также начинается вблизи оз. Балхаш и течет почти меридионально, рассекая территорию Киргизии на две части. Город Кашгар оказывается к северо-западу от Тузкёля (Ысык-Кёля), имеющего округлую форму. С севера на юг озеро тянется почти на 80, а с запада на восток по 43° с. ш. – более чем на 45 км. Принимает со всех 4-х сторон 12 притоков. Географическое положение Тузкёля относительно Балхаша довольно верное.

1 Карта полуденной части Российской Империи Сибирской губернии и пр. 1765 г. Рукопись, М. 30 в. в дюйме. Долгота от Тобольска. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20237.

Наиболее слабым местом данной карты является изображение орографических элементов Средней Азии. Горных цепей, заменяющих Памир и Тянь-Шань на карте Красильникова, здесь нет. Правда, между Балхашем и Тузкёлем протянута непрерывная цепь конических холмиков с общим простиранием на юго-восток. К востоку от Тузкёля она переходит в широтное направление сперва под названием «Хань Хань» (?), а затем – «Хан Мурзат» (Музарт).

«Карта Средней Азии с пограничными частями России и Китая»¹ также 1765 г., но копированная в 1771 г.,² кроме описанных выше орографических объектов, пополнена новым элементом – меридиональным хребтом (очертания конических холмиков придают им характер единого хребта). Он протягивается к югу от оз. Балхаш между 44°-40° с. ш. (восточнее 90° в. д. от Ферро) и служит водоразделом бассейнов Сыр-Дарьи и Тарима.

Различные расспросные сведения и личные наблюдения (журналы, ландкарты и пр.) русских послов, торговцев, бывших в Джунгарии, Хиве легли в основу не только картографических произведений, но и первых русских описаний Тянь-Шаня. Известный историк Г. Миллер пишет, что Музартский хребет «весьма высок. Имя значит, как то и в самом деле есть, что оной как летом, так и зимою, снегом покрыт. Ибо мус на бухарском языке³ значит лед; то же знаменование имеет и Мус-Таг, которым именем названы горы, отделяющие Малую Бухарию от Большой и Индии».⁴ У Миллера Музарт (Муз-Таг) выступает как обширная высокогорная область, с простиранием с северо-запада на юго-восток и восток, как водораздел рр. Или, Аму-Дарьи и Ганга. Выходит, что под Мус-Тагом (Музартом) он понимал не только Терской-Ала-Тоо, как утверждает А. П. Горбунов, но и Тянь-Шань, и Памир вместе взятые. Подобно своим предшественникам

1 Карта Средней Азии с пограничными частями России и Китая. 1765, М. 1:5250000. Копировал в 1771 г. вахмистр Кирил Смирнов. Рукопись, ЦГВИА, ВУА, ф. 416, д. 473.

2 По-видимому, в период копирования карта дополнена новыми сведениями, накопленными со времени 1765 г.

3 т. е. на языке тюркоязычных народов.

4 Г. Миллер. Известие о песошном золоте в Бухарии и пр. – Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Генварь, 1760, СПб, с. 14-15.

Миллер увлекается идеей о богатстве этих гор золотоносными жилами, а рек – песочным золотом.

Важное место в расширении географических познаний о Киргизии во второй половине XVIII века занимают «академические» экспедиции 1768-1774 гг., осуществленные Российской Академией наук для изучения производительных сил страны. В ходе экспедиции участникам её П. С. Палласу, И. П. Фальку и И. И. Исленьеву удалось, не будучи в самой Киргизии, собрать значительные расспросные сведения о природных условиях горной страны Тянь-Шань и соседних районов, которые вместе с известиями, добытыми их предшественниками, послужили им базой для смелых гипотез и обобщений.

Тогда же академик П. С. Паллас, опираясь на распространенные разноречивые сведения, пытался впервые (1771 г.) начертить общую схему расположения хребтов Средней и Центральной Азии. По его мнению, центральным узлом всех горных систем внутренней Азии являлась горная группа Богдо,¹ от которой во все четыре стороны направлялись различные ветви в виде мощных горных цепей. Последние образовали четыре главных радиуса, из которых Музарт (собственно Тянь-Шань), идущий к Тибету, составлял южный или средней величины радиус, тогда как Алтай – главный радиус горных систем Азии. Сам Богдо Палласом рассматривался не только как одна из высочайших вершин Тянь-Шаня, центральный узел горных систем, но и как скопление гор, общее плато, господствующее над всем азиатским материком.

В своих построениях Паллас исходил из ложных, догматических воззрений того времени о «лучеобразном» протяжении горных цепей. Поэтому его орографическая схема Средней Азии, как это видно и из прилагаемых фотокопий, оказалась искусственным сооружением, далеким от истинного расположения горных систем. Тем не менее она, благодаря высокому авторитету маститого ученого, продержалась довольно долго пока не была заменена более совершенной, но такой же искусственной схемой орографии Средней и Центральной Азии А. Гумбольдта (1843 год).²

1 Критика орографической схемы Средней Азии П. С. Палласа была впервые дана К. Риттером (См. К. Риттер. Землеведение Азии. т. 2, СПб, 1859, с. 8-9) и А. Гумбольдтом (см. А. Гумбольдт. Центральная Азия. т. 1, М., 1915, стр. 10-11, 98).

2 Об этом см. ниже, с. 159-161.

Другой участник «академических» экспедиций, руководитель пятого отряда «Оренбургских физических экспедиций» И. П. Фальк также касается орографического строения горной Средней Азии. В его «Известиях о Киргизской и Зюнгорской степи»¹ наряду с характеристикой горных сооружений, приводятся конкретные данные о гидросети, органическом мире указанных «степей», а также вулканизме Тянь-Шаня.

Горные системы Средней Азии Фальку представляются следующим образом. Все горы, лежащие к югу от Усть-Каменогорска и известные под названием Зюнгорских (Джунгарских) гор, «весьма обширны и состоят по большей части из высоких, плоских и отлогих хребтов и больших плоско-степей около и между оных.»² Главный из этих гор водораздельный хребет, по Фальку, тянется от Усть-Каменогорска через Иртыш, верховья Или на Верхний Сыр, Аму и Яркенд, распадаясь в разных частях на особые кряжи. Причем, самой высоким и диким из всех горных кряжей считается Музарт, расположенный около Верхнего Или и Текеса.³

Свидетельствуя о наличии вечного снега на Музарте и в других хребтах, Фальк правильно объясняет это большой абсолютной высотой хребтов. «Так как они (хребты – С. У.) от тающего и остающегося летом снега имеют пестрый вид», то калмыки и киргизы называют их пестрыми горами (Ала-Тоо).⁴

Автор далее приводит данные о вулканических явлениях в Тянь-Шане.⁵ Если о существовании вулкана на южном склоне Музарта он говорит не совсем уверенно, то о Холаке (Куллок)⁶ – как о настоящем вулкане – совершенно твердо. Имеются у Фалька указания и о сейсмичности Тянь-Шаня, о большой силе землетрясений, которые чувствуются «во всем Дзюнгорском

1 Полное собрание ученых путешествий по России. т. VII, СПб, изд. АН, 1825, с. 28-59.

2 Полное собр. ученых путешествий по России, т. VII, с. 32.

3 Под Музартом Фальк подразумевал обширную горную область между Или и Таримом, т. е. наиболее возвышенную часть Тянь-Шаня.

4 У Фалька вместо «Ала» («пестрый») сказано «Алек», «Аула». Вероятно, отсюда исходит форма «Алак» на карте И. И. Исленьева (см.), присвоенная огромной окраинной горной системе, протягивающейся от Памира до г. Богдо-Ола.

5 Полное собр. ученых путешествий по России, т. VII, с. 34, 35.

6 Как показал П. П. Семенов, г. Куллок не оказалась вулканом (П. П. Семенов. Предисловие переводчика. Землеведение Азии К. Риттера. СПб, 1859, с. 31).

хребте» (т. е. во всей Джунгарии от верховьев Иртыша до верховьев Сыра и Аму).¹

На Музарте, как справедливо замечает Фальк, растут леса, состоящие из ели, берез, осин, ив, рябинников, диких вишен и др., но нет ольхи и сосны. Однако, он ошибается, утверждая о присутствии здесь лиственницы.

Описывая «Воды в Зюнгорекой и Киргизской степи» Фальк касается оз. Ысык-Кёль, рр. Чуй и Талас, причем под Ысык-Кёлем он подразумевает два озера: Туз-Кёль и Халун-Нор. Первое из них лежит к югу от оз. Алаколь, достигая в длину 75 км. Озеро принимает в себя много речек. Туз-Кёлем по данной характеристике может быть только оз. Ысык-Кёль, правда длина его уменьшена почти в три раза.² Косвенным доказательством того, что Туз-Кёль и есть Ысык-Кёль служит свидетельство самого Фалька о том, что река «Цуй (Чуй – С.У.) выходит из гор при Тускуле».³ Заметим еще, что озеро Ысык-Кёль в тот период называлось также и Туз-Кёлем.⁴ Оз. Халун-Нор, расположенное, по Фальку, на левом берегу р. Или и выбирающая «много железистого песку»⁵ также соответствует Ысык-Кёлю.

Таким образом, Фальк, имея правильное представление по ряду важных элементов природы Средней Азии (гористый характер областей между Иртышем, Сыр- и Аму-Дарьей, преобладание в так называемых Зюнгорских горах, высоких хребтов и межгорных плато, наличие вечного снега и сейсмических явлений и др.), в то же время ошибочно допускал существование единого водораздельного хребта, тянувшегося с севера на юг, юго-восток вдоль государственных границ Казахстана и Киргизии. Фальк не сумел, да и не мог, не располагая достаточными достоверными данными, исправить ложную схему орографии среднеазиатских гор Палласа, и в свою очередь, сам впал в аналогичные ошибки, особенно в вопросе о со-

1 Полное собр. ученых путешествий по России. т. VII, с. 35. О сильнейших землетрясениях, в частности в Фергане еще раньше (1645 г.) сообщал Сейид Мухаммед Тахир б. Абу-л-Касим (см. Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР. т. 1, Ташкент, 1952, с. 399).

2 По карте Джунгарии Рената длина Туз-Кёля (оз. Ысык-Кёль) достигает 80 км.

3 Полное собрание ученых путешествий по России, т. VII, с. 43.

4 См., напр., карты Джунгарии И. Унковского, И. Рената и современника Фалька, одного из участников «академических» экспедиций И. И. Исленьева (о карте последнего см. ниже).

5 В то время и позже ошибочно считали оз. Ысык-Кёль железосодержащим и отсюда исходит его название Темурту-Нор.

временном вулканизме Тянь-Шаня. Ошибочные гипотезы Палласа и Фалька явились одним из источников новых заблуждений исследователей природы Киргизстана и имели далеко идущие последствия.¹

Несколькими годами позже рассмотренных нами трудов появилась Карта реки Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии (1777г.) И.И.Исленьева,² замечательное картографическое произведение второй половины XVIII в., должным образом не оцененная до сих пор. Карта И.И.Исленьева явилась обобщением, сводом всей суммы знаний русских о природе Средней Азии того времени.

В отличие от Палласа и Фалька, И.И.Исленьев, по-видимому, располагал большим количеством фактических данных о природе Средней Азии и более критически отнесся к их использованию. В то же время Исленьев имел своего предшественника в картировании территории Киргизии и соседних районов в виде калмыцкой карты Джунгарии («Карта Рената»)³. Правда, последняя, бывшая в рукописи и считавшаяся безнадежно утраченной, была открыта лишь в 1879 г., спустя полутора века со времени составления карты и издана Русским географическим обществом в 1888 г. Поэтому будет справедливее сказать, что карта Иртыша Исленьева является оригинальным, самостоятельным картографическим трудом, намного опередившим уровень знаний в Западной Европе.⁴

1 Основные труды И.П.Фалька, где заключены его взгляды на географию Киргизстана и соседних районов. следующие: I. P. Falk, Beitrage zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reihes, СПб, ч. I, 1785, ч. II, 1786, ч. III, 1787; его же: Записки путешествия академика Фалька. – Полное собрание ученых путешествий по России, СПб, т. VI, 1824, т. VII, 1825. Кратко об экспедициях И.П.Фалька в 1769-1773 гг. в «Материалах для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках» – Труды архива АН СССР, В. 4, М. – Л.,1946, с. 106-108.

2 Карта Иртыша, Южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших Зенгорских калмык. владений. Сочинена Иваном Исленьевым 1777 года. Два экз. этой карты хранятся в ЦГВИА, ф. ВУА. д. 20244, д. 24156.

3 О так называемой карте Рената см. ниже.

4 Обращает на себя внимание большое сходство изображенных географических объектов Киргизии на карте реки Иртыша Исленьева и Калмыцкой карте Джунгарии («Карта Рената»). Н.М.Шукина (Как создавалась карта Центральной Азии. Географгиз, М., 1955, с. 34) эта тождественность в изображении объясняется общностью источников указанных карт, которыми могли быть китайские или монгольские оригиналы. Мы дальше, в своем месте, приведем ряд доводов в пользу этого мнения.

Рис. 11. Карта реки Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии И. И. Исленьева 1777 г.¹

Карта Исленьева с большой подробностью и точностью изображает территорию Киргизстана, имея ряд преимуществ перед «картой Рената». Число нанесенных и названных географических объектов Киргизии (80) на карте Иртыша два раза выше, чем на калмыцкой карте Джунгарии. Исленьевым введено на карту более 20 новых географических названий.

Довольно четко и выразительно изображены общая орографическая схема Тянь-Шаня и очертания его хребтов. Вместо «холмиков» различных направлений на прежних картах, здесь строго ориентированные и близкие к истине цепи гор. Вдоль юго-восточной окраины горной Средней Азии

¹ Источник: https://rusbibliophile.ru/Book/Karta_reki_Irtysha_yuzhnuyu

протягивается мощный единый хребет под общим названием Алак. Южную, меридиональную его цепь составляют горы Белюртаг, проходящие восточнее 96° в.д. от Ферро; среднюю часть, – соответствующую хребту Какшаал-Тоо – горы Терек-Даван, а восточную, широтную часть, лежащую в пределах современного Китая, составляют Снежные горы Музарт. Горы, окаймляющие Ферганскую долину с юга, названы Ак-тау.

В целом верно изображены цепи гор, соответствующие Терской-Ала-Тоо, Кунгей-Ала-Тоо (под названием хребта Гольцай Тологой), Киргизским и Таласским хребтам, горам Чуй-Илийского водораздела, причем последние распадаются (с северо-запада на юго-восток) на горы Джимбал (Джамбул), Хан (Хантау), Кюмишлы (?), хребет Хайчагин-Дабан (Кастекский). Очертания гор показаны и в других частях Киргизстана, но менее удачно, даже явно ошибочно, между хребтом Гольцай Тологой и соответствующим Киргизскому Ала-Тоо стоит надпись «Устье гор», что очевидно означает прорыв Боомского ущелья. На карте Джунгарии на месте Боомского ущелья обозначена широкая долина.

С большой подробностью изображена гидрографическая сеть, особенно бассейн оз. Ысык-Кель и система р. Чуй, т. е. речная сеть Северной Киргизии.

Озеро Туз-Кель-Нор по своей форме напоминает Ысык-Кель, но слишком сужено в средней части. По карте оно имеет 32 км в ширине при длине около 150 км, что более ближе к истине чем на карте Джунгарии. В озеро впадает 17 притоков, из них 7 с севера. Перечислим северные притоки: западные два названы Кеминду (?), последующие – Гурбан-Чеган-Уссунь (Чон-Ак-Суу)¹ и последние три речки – Гурбан Заири.² С востока Туз-Кель-Нор принимает два главных притока Тюп и Зайсанх (Джиргалан), причем первый имеет 3 правых притока, из которых верхний – Шатас (Шаты). У р. Зайсанх один правый и 4 левых притока. Последние следующие: Чаргалан (собственно Джиргалан), Чаган-Усунь (Ак-Суу), Карагол (Каракол) и Тигюс (Джети-Огуз).³

1 По Карте Джунгарии – «3 Ban Sagan Usun».

2 По Карте Джунгарии – «Gurtan Sain».

3 В действительности рр. Каракол и Джети-Огуз не являются притоками Джиргалана, а впадают в одноименный залив озера.

Реками, впадающими в озеро с юга показаны: Улан-Усунь (Чон-Кызыл-Су), Заука (Джуку), Чичкан, Баркон (Барскон), Темга (Тамга), Тосгор (Тосор) и Тон с двумя правыми притоками. Р. Кочкор (у Исленьева «Крош») впадает в озеро Туз-Кель-Нор с запада, тогда как на «Карте Рената» стоит лишь надпись Choschol без изображения самой реки.

Системы рр. Чуй, Таласа, Нарына и верховье Сыр-Дарьи нанесены приблизительно так же, как и на карте Джунгарии, но чётче и подробнее. Напр., у р. Талас изображены два новых левых притока; вместо одних надписей *Vaga Kemin*, *Chissirgantü*, *Choschol*, *Son Kul* на «Карте Рената», здесь очертания самих объектов с указанием названий и т. д.

На карте И. Исленьева координаты многих географических объектов Киргизии даны с большой для своего времени точностью, что свидетельствует о лучшей математической основе карты. Астрономические пункты и детали ряда объектов карты могли быть заимствованы Исленьевым из китайских источников и карт, составленных в результате геодезических и астрономических изысканий в Западном Китае и в некоторых пунктах Средней Азии в середине XVIII в. при участии иезуитов. Русские аналогичными работами для горной Средней Азии тогда не располагали.

Карта И. Исленьева не смогла избежать традиционных недостатков, свойственных картам того периода. Это, прежде всего, схематизм, элементарность изображения географических объектов, а также наличие неточностей, порою грубых ошибок в нанесении тех или иных объектов. Лучше изображена на карте реки Иртыша территория Северной Киргизии, а вся остальная ее часть – значительно хуже, картирование которой, вероятно, основано на догадках. Бассейн р. Нарын, имеющий сложную орографическую схему, наделен отдельными широтно вытянутыми цепями хребтов. Центральный Тянь-Шань, расчлененный сложной сетью системы Сары-Джаза, по существу, не нанесен. Этот важнейший узел Тянь-Шаня заменяет восточная часть хребта, соответствующего Терскей-Ала-Тоо с горой Кабкан (?).

Несмотря на указанные и другие погрешности «Карта реки Иртыша, Южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших Зенгорских калмык владений» И. И. Исленьева была лучшим картографическим изображением территории Киргизии до «Карты Центральной Азии»

М. Ж. Клапрота 1836 г., составленной на основе новейших китайских и русских источников. Многие западноевропейские и русские картографические произведения, посвященные изображению горной Средней Азии, в течение полувека явились различными вариантами или уточнением и детализацией отдельных объектов карты Исленьева.¹ Она составила эпоху в картировании территории Киргизии.

Таким образом, следствием «академических» экспедиций 1768-1774 гг. для географии Киргизии явилось накопление и расширение географических сведений о природе страны, дающих возможность наметить общие, элементарные, но реальные орографические контуры Киргизстана. Известия участников экспедиций явились также завершением русских (и не только русских!) географических знаний о физической географии Киргизии, накопленных в течение многих десятилетий, своеобразным этапом на пути географического изучения края, существенным вкладом в науку.

С тех пор, т. е. с конца 70-х годов XVIII века вплоть до начала XIX в., наука, по существу, не пополнилась новыми, более значительными данными о природе Киргизии, чем она располагала. Для этого периода можно указать лишь на сведения Ф. Ефремова и капитана Андреева.

Русский офицер Филипп Ефремов в период своего девятилетнего (1774-1782) странствования по Средней Азии, Западнему Китаю и Индии посетил Южную Киргизию и, как полагает Э. М. Мурзаев,² прошел через

1 Новая карта Российской империи, 1786; Общая карта Российской империи. – Российский Атлас из сорока четырех карт состоящий и пр., 1792; Генеральная карта Российской империи. – Российский Атлас из сорока трех карт состоящий и пр. Издан при Географич. департаменте. 1800, ЦГВИА, ВУА, д.19900; Карты Арроусмита 1801-1843 (Arrowsmith, Asie, 1801; Arrowsmith, New General atlas, London, 1843); Карта части Средней Азии, содержащая земли Киргиз-Кайсаков. Трухменцев и Бухарцев. Сочин. при Депо Карт, 1816, ЦГВИА, ВУА, д. 20646; Генеральная карта Азиат. России, сочин. поруч. Позняковым и издана. Военно-Топогр. депо, 1825 и др. Авторы других карт (см. «Карта собранная полуденной и восточной части с показанием степи кочующих Киргиз-Кайсаков, Большой и Малой Бухарии и пр.». 1784. Рукопись, ЦГВИА, ВУА, д. 20249; «Карта с показанием части Российской империи и степи кочующих Киргиз-Каймаков, Большой и Малой Бухарии и пр.» Рукопись, ЦГВИА, ВУА, д. 20632; Imperii Russici pars Orientem Spectans, 1794; и пр.) при картировании географических объектов Киргизии не использовали Карту реки Иртыша Исленьева, почему в этих картах орографические элементы Края изображены крайне бедно, с грубыми ошибками.

2 В книге: Ефремов, Филипп. Девятилетнее странствование. Изд. 5-е, М., 1952, с. 75.

Алай по историческому караванному пути.¹ Ефремов был первым европейцем, прошедшим около 1780 г. по Терек-Даванскому перевалу, одному из главных проходов древности через Тянь-Шань и Памиро-Алайскую систему в сношениях между Западом и Востоком.

В кратких, в несколько строк, лаконичных выражениях он метко передает природные особенности горного Алая. «Горы, – пишет Ф. Ефремов, – весьма высокие; лесу мало, травы довольно, а в зимнее время снегу бывает много. У одной горы² воздух весьма тяжелый и захватывает дух, отчего иные и умирают.»³

По расспросным сведениям, собранным капитаном Андреевым в 1785 г., Киргизстан «огражден великими и непроходимыми горами» Ала-тау, называемыми еще Тобулгуты, Шаты и Беделен (Бедель), которые «поворот свой имеют» от Сыр-Дарьи. Касаясь занятий Закаменных киргиз⁴ автор указывает на хлебопашество и скотоводство.⁵

Известные сдвиги в отношении географического изучения Киргизстана наметились в конце XVIII и в начале XIX века, когда Россия, опираясь на свои твердые позиции в Казахстане, усилила торговые и политические сношения со среднеазиатскими ханствами, с Западным Китаем, а предприимчивые торговцы, пересекая Тянь-Шань, пробирались в Кашгарию и даже в Индию.

В 1800 году из Семипалатинска через Центральный Казахстан, т. Чуй и горы Каратау в Ташкент прошли горные чиновники Колыванских заводов М. Пospelов и Т. Бурнашев.⁶ Несколько позже их мимо Ысык-Кёля, через

1 Исторический караванный путь через Южную Киргизию проходил по маршруту Ош-Гульча-Суфи-Курган – пер. Терек-Иркештам.

2 Такой горой может быть пер. Терек, имеющий наибольшую абсолютную высоту на этом пути (4118 м).

3 Ф. Ефремов. Десятилетнее странствование, изд. 5-ое, М., 1952, с. 75.

4 Киргиз в то время именовали закаменными или дикокаменными киргизами.

5 П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. 2-ое изд., СПб, 1886, с. 310; Г. Потанин. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 г. Изв. Р.Г.О., т. XI, в. 2, 1875, с. 107-110; Н. А. Аристов, Упом. рукопись, В. Г. О. архив, ч. II, с. 471. Рукопись капитана Андреева находится в Ученом архиве В. Г. О.

6 Ход унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова. Дневные записки с нужными примечаниями, по пути ведущему через Киргизскую степь к городу Ташкенту, учиненные 1800 года. ЦГВИА, ВУА, д. 18541, лл. 103-120, Рукопись.

Центральный Тянь-Шань в Индию с торговыми целями проехал Модатов.¹ В 1807 г. братья Атанасовы,² возвращаясь из Индии на родину пересекли Тянь-Шань. Тогда же этим путем прошел и грузинский путешественник Рафаэль Данибегов.³ В течение 16 лет (1807-1823 гг.) странствовал по Средней Азии, Кашгарии и Джунгарии русский торговец Муртаза Фейзуллин,⁴ бывший в 1816 году на Терек-Даване.⁵ В 1811 г. от Сибирской линии через Центральный Казахстан, Ташкент и Кураминский хребет в Коканд следовал с казачьей командой переводчик коллежский регистратор Мамедияров.⁶ Через два года этот же маршрут был пройден толмачем Назаровым⁷ и пятидесятником 8-го казачьего полка Вяткиным.⁸

Осенью того же 1813 года Киргизию посетил переводчик губернский секретарь Бубеннов, будучи в отряде сотника Старкова, сопровождавшего торговый караван, шедший из Семипалатинска в Аксу (Кашгария) мимо Ысык-Кёля, через перевалы Джууку и Бедель.⁹ Омского военно-сиротского отделения смотрительский помощник 14-го класса Лещев, находясь при купеческом караване, в 1821 году дошел до р. Чон-Кызыл-Суу в восточном

1 П. П. Семенов. Предисловие переводчика. – Землеведение Азии К. Риттера. СПб, 1859, с. 7; Н. Балкашин, Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями. Зап. Зап.-Сиб. отд. Р.Г.О. кн. 3, 1881, Омск, с. 5.

2 Странствование армян Григория и Данилы Атанасовых по Азии. Сибирск. вестник, ч. I, СПб, 1824, с. 175-176.

3 Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815, с. 52.

4 Примечания Я. Ханькова. Вестн. Р.Г.О., ч. I, кн. I, 1851, с. 47; маршрут путешественника в X-й кн. Записок Р.Г.О., 1855, с. 337-373.

5 М. И. Венюков. Очерк географических исследований в Азиатской России. Военн. Сборник, № 7, 1877, с. 73.

6 Путевая записка с замечаниями мест ведущих от Сибирской линии в город Кокант и пр. Мамедиярова 1811 года. ЦГВИА, ВУА, д. 24729, рукопись. См. также: ЦГВИА, ВУА, д. 24668 (лл. 140-144), рукопись; ЦГВИА, ВУА, д. 24731, рукопись.

7 Список с рапорта путешествующего во владение Коканское в 1813 году толмача Назарова и с лично отобранными от него, о тех краях замечаниями. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 153-160, рукопись; Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб, 1621.

8 Описание бывшим в заграничной партии 8-го казачьего полка пятидесятника Вяткина, во время проследования какими местами, где имели ночлеги и какие урочища и чем изобилующие, 1813 года. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 145-152, рукопись.

9 Маршрут по тракту от крепости Семипалатной к китайскому городу Аксу, учиненный... переводчиком губернским секретарем Бубенновым 1813 года. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 161-172, Рукопись.

Приысыккёлье.¹ Русские купцы Петр Пиленков и Назар Тупиков² в 1825 году пересекли Тянь-Шань по обычному караванному тракту. В июле – августе того же года по Ысык-Кельской долине и Центральному-Тянь-Шаню путешествовал лекарь Омского гарнизонного полка Зибберштейн,³ командированный Западно-Сибирским генерал-губернатором со специальным поручением в Киргизию. Интересную поездку в Ташкент и Коканд совершил в 1829-1830 гг. хорунжий Н. Потанин⁴ во главе казачьего отряда, сопровождавшего коканских посланников, возвращавшихся из Петербурга. И после, в разное время, по территории Киргизии и прилегающих к ней районов, по-прежнему поддерживалась взаимная деловая связь между народами.

Таким образом, с началом XIX века Киргизия оказалась на пути важных торговых коммуникаций, в которых было кровно заинтересовано русское купечество. Успешное развитие торговли с Кашгарией и Коканским ханством зависело и от поведения киргизских феодалов, выступавших организаторами грабежа торговых караванов. Поэтому в задачу западносибирских властей входило установление и нормализация взаимоотношений с киргизскими племенами, обеспечение русского влияния в Киргизии.

В то же время сами киргизы усиленно искали возможностей установления дружеских отношений с русскими. Более того, некоторые племена ходатайствовали о покровительстве России над ними, о приеме в русское подданство. Постоянная междоусобная борьба феодальной знати, гнет феодального Китая и порабощение Коканской деспотией тяжелым бременем ложились на киргизский народ, обрекая его на нищету и экономический застой. Выходом из этого сложного внутреннего и международного положения, значительным шагом вперед в историческом развитии для киргиз

1 Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительского помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 году из крепости Семипалатинской... к городу Кашкару... ЦГВИА, ВУА, д. 20648, Рукопись.

2 Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна, 1825 года. ЦГВИА, ВУА, д. 18525, рукопись, л. 20; также: Историч. архив, т. I, 1936, с. 250.

3 Там же.

4 Записка Сибирского линейного казачьего Войска хорунжего Потанина, препровождавшего коканских посланников, бывших у Российского двора в 1830 году. ЦГВИА, ВУА, д. 24766, Рукопись.

могло быть покровительство, политические и экономические связи более передового и развитого государства, чем среднеазиатские ханства и феодальный Китай.

Такой страной на азиатском континенте была только Россия, которая действительно играла прогрессивную роль по отношению в Востоку.¹ «Господство России, – писал Ф. Энгельс, – играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар.»²

Первые посланцы закаменных киргиз появились в Петербурге еще в 1784 году.³ Затем через 30 лет в Омске пребывала депутация бугунского племени для утверждения дружественных сношений с западносибирскими властями.⁴ В 1821 и 1824 гг. новые посланцы киргизских племен просили в Омске о принятии их под ведомство России, обещая при этом безопасность пути русским караванам до Кашгара.⁵ Через год представители закаменных киргиз вновь обратились к русскому правительству, прося теперь защиты «от междоусобных раздоров и грабительств, возникших у них с некоторого времени в сильной степени...»⁶

Возникшие тогда сношения киргизских племен с русскими властями по ряду причин не могли привести к упрочению связей и принятию киргизов в подданство России, но подготовили почву для будущего исторического акта – присоединения Киргизии к России. Они открыли возможности и способствовали развитию русской торговли с Коканским хозяйством и Кашгарией. Установившиеся отношения благоприятствовали также географическому изучению края, расширению сведений о природе и экономике Киргизстана. Торговцы и военные чины, бывшие в различных частях Тянь-Шаня, накопили разнообразные данные о стране, особенно по маршрутам торговых караванов. Нет необходимости приводить здесь все собранные ими известия географического характера. Достаточно, по

1 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Т. XXI, с. 211.

2 Там же.

3 П. А. Словцов. Упом. соч., с. 310. Возможно, что при описании «диких и закаменных киргиз» капитан Андреев (1785 г.) использовал и известия первых киргизских посланцев в Россию.

4 П. А. Словцов. Упом. соч., с. 310. См. также: ЦГВИА, ВУА, д. 24668, л. 171.

5 П. А. Словцов, с. 310.

6 Исторический архив, т. I, 1936, с. 223-224.

нашему мнению, указать лишь на те из них, которые представляют собой научный интерес и вносят новый элемент в познание природных условий края. Таковы, прежде всего, отчеты и записки горных мастеров М. Поспелова и Т. Бурнашева, переводчика Бубеннова и офицера Лещева, лекаря Зибберштейна и хорунжего Н. Потанина.

В отчете Поспелова и Бурнашева¹ для нас важно описание западных отрогов Тянь-Шаня, указание о горных породах, наличии месторождений полезных ископаемых и карстовых явлений, а также о некоторых особенностях режима рр. Чуй, Арысь и др.

Алатау, т. е. Западный Тянь-Шань путешественниками характеризуется как горы высокие, крутые и утёсистые, покрытые вечными снегами. Вышние из них, – сказано в отчете, – покрытые вечным льдом и снегом и из коих вытекают многие источники, а по крутым утесам бьют водопады, суть лучшие виды тамошнего края. Между оными горами находятся обширные равнины сколь тучные, столь и приятные, имеющие обильные произрастания.² Однако, как и Фальк, они допускают ошибку, утверждая, что горы эти, в данном случае весь Тянь-Шань, представляют собою продолжение Алтая и непрерывной цепью тянутся с севера на юг.³

Поспелов и Бурнашев правильно определяют состав горных пород, слагающих отроги Западного Тянь-Шаня, указывая на преобладающее значение гранитов и известняков, что вполне подтвердилось позже исследованиями И. В. Мушкетова, Г. Д. Романовского и др.

Из ископаемых богатств отмечено наличие свинцового блеска в Каратау, признаки медной руды в горах по Чирчику, а также железные руды,

1 Унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова Описание местоположения и качества земли населяемой Киргиз-кайсаками и о способности пути от Российской границы к Ташкентскому владению. В Ташкентском владении, ЦГВИА, ВУА, д. 18541, л. 81-102. Рукопись; Ход унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова. Дневные записки с нужными примечаниями, по пути ведущему чрез Киргизскую степь к городу Ташкенту, учиненные 1800 года. ЦГВИА, ВУА, д. 18541, лл. 103-120; Замечания господина Поспелова, сделанные им во время путешествия чрез Киргизскую степь от Семиярского форпоста около Ямышцевской крепости на Сибирской линии до Ташкента, и пребывания в сей земле. ЦГВИА, ВУА, д.24720, Рукопись. Отчеты Поспелова и Бурнашева отпечатаны в Сибирском вестнике (ч. IV, СПб, 1818, с.111-180) и в Вестнике Р.Г.О. (ч. I, кн. I, 1851, с. 1-44), маршрут в «Описании Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей» А. Левшина (СПБ, 1832, ч. I, с. 192-193).

2 ЦГВИА, ВУА, д. 24720, л. 11.

3 ЦГВИА, ВУА, д. 24720, л. 11.

используемые ташкентцами для выплавки чугуна. Но все же, по мнению путешественников, в редких, особенно металлических ископаемых не видно благонадежности.

Авторы отчета дают правильное объяснение карстовых явлений «известковых гор» Западного Тянь-Шаня. Ташкентцы принимали их за старинные выработки для добычи руд. На самом деле многие пещеры, посещенные горными мастерами, оказались происшедшими от осадки извести, растворенного водою.»¹

Путешественники также правильно характеризуют засушливость климата страны, подчеркивая при этом важное значение орошения для земледелия.

«Маршрут» Бубеннова² содержит различные географические сведения, в частности перечисления рек, гор, указания о характере растительного покрова и др. элементах природных условий края по трассе караванного пути. Бубеннов первым среди русских путешественников указывает на незамерзаемость оз. Ысык-Кель. «Озеро сие, – пишет он, – никогда не замерзает, обширности имеет около 350 верст, падает в него довольно речек» и, по традиции китайских и западно-европейских географов, считает, что из него «выпадает река Чуй, протекающая по правую сторону Ташкентской провинции по степи.»³ Интересно свидетельство путешественника о леднике Джуукучак, где он, благодаря своей наблюдательности, удачно подмечает характерные особенности ледника. «В горе сей (Терской-Ала-Тоо в р-не пер. Джуукучак. – С. У.) с северной стороны снег никогда не тает и наподобие льду означаетя оной яром и видно слои означающие ежегодного прибавления...»⁴

1 Сибирский Вестник, ч. IV, 1819, с. 172.

2 Маршрут по тракту от крепости Семипалатной и китайскому городу Аксу, учиненный командированным от командира войск 30-й дивизии генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа, переводчиком губернским секретарем Бубенновым 1813 года. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 161-172. Рукопись. Маршрут Бубеннова приводится и П. П. Семеновым (В. Г. О., учен. архив, ф. 58, оп. 1, тетр. I, лл. 101-103). Кроме того, он же пишет, что им найден в Семипалатинске краткий маршрут купца Бубеннова, в 1821 г. ездившего из Семипалатинска в Кашгар (Землеведение Азии К. Риттера, 1859, с.7). Но в дневниках Тянь-Шанского путешествия П. П. Семенова приводится лишь маршрут 1813 г.

3 ЦГВИА, ВУА, д. 24668, л. 169.

4 ЦГВИА, ВУА, д.24668, л. 170. Сравни: Г.Е. Катанеев. Киргизские степи, Средняя Азия и Сев. Китай в XVII и XVIII столетиях. Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. XIV, в. I, 1893, с. 72.

Значительно большей чем Бубеннова подробностью отличается «Маршрут» Лещева.¹ Последним описывается направление, расстояние, время пребывания в пути, характеризуются долины, реки, озера, ключи, горы, увалы, луга, леса и т. п., т. е. дан большой по тому времени фактический материал о природных условиях всего тракта караванного пути. В пределах Киргизии Лещевым описаны горы Кунгей-Ала-Тоо, Каркыра, Кызыл-Кыя, Сары-Тологой, Терскей-Ала-Тоо, рр. Тюп, Джиргалан, Каракол, Ырдык, Джеты-Огуз, Кызыл-Суу, оз. Ысык-Кель. «Озеро Иссык-Куль, по-русски теплое, сказывают, что длиною будет более 80-ти, а широтою до 30 или 35-ти верст. Глубиною с берегов отмело, а посредине до 5 или 6 сажень, подле оною озера обходят горы с северной стороны (Кунгей) Ала-Тау, а с полуденной Мыстау (Муз-Тоо, т. е. Терскей-Ала-Тоо – С. У.), которые и соединяются одна с другою и продолжаются далее сего озера, но на какое расстояние никто совершенно не знает.»²

Путешественником из крепости Семипалатной до р. Кызыл-Суу пройдено всего 1537 в. В «Маршруте» содержится также некоторый материал, представляющий интерес для историка.

Пожалуй наибольший интерес из поездок в Киргизию в первой половине XIX века представляет путешествие лекаря Омского гарнизонного полка Зибберштейна 1825 г.³ Ему, бывшему при отряде хорунжего Нюхалова, сопровождавшего депутацию закаменных киргиз, предписывалось «узнать самое главное и сколь можно достовернее путь удобной к торговле с Кашгарией, китайским городом Аксу и г. Тибетом».⁴

1 Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительского помощника 14-го класса, Лещева, командированного в 1821 году из крепости Семипалатной, при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизской степью по тракту к городу Кашкару и пр. ЦГВИА, ВУА, д. 20648. См. также: П. А. Словцов, с. 311. Маршрут Лещева показан на «Карте земель, принадлежащих Киргиз-казакам и Туркестана» А. Левшина (1831). ЦГВИА, ВУА, д. 20663. Рукопись; ЦГВИА, ВУА, д. 20304.

2 ЦГВИА, ВУА, д. 20648, л. 32-33.

3 Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна, 12-го октября 1825 года. ЦГВИА, ВУА, д. 18525, Рукопись. См. также: А. Левшин. Указ. соч., ч. I, стр. 199-200; Ч. Ч. Валиханов. Зап. Р. Г. О. по отд. Этногр., т. XXIX, 1904, с. 493; Н. Г. Путинцев. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891, с. 132; Историч. архив, т. I, 1936, с. 223-258.

4 Историч. архив, с. 224.

Рис. 13. Важнейшие посольства и путешествия в XVIII – первой половине XIX вв.
Источник: Атлас Киргизской ССР. Т. I. Природные условия и ресурсы. М., 1987.

Это поручение, также как и дипломатическая миссия отряда, давало путешественнику возможность сравнительно лучше ознакомиться с природой Киргизии, совершить экскурсии помимо караванных трасс. В отличие от Бубеннова и Лещева,¹ он прошел поперек всего Тянь-Шаня; преодолел трудный перевал Талды-Суу (Хр. Кунгей-Ала-Тоо) и через пер. Джууку достиг Беделя. Обрато вернулся через пер. Кызыл-Кыя и Санташ.

Хребет Кунгей-Ала-Тоо Зибберштейн рисует как чрезвычайно высокий, покрытый вечным снегом и опаснейший для прохода караванов. «Вы-

1 Бубеннов и Лещев прошли по обычному караванному пути через пер. Санташ мимо Ысык-Кёля. Первый дошел до вершин Нарына, а второй до р. Кызыл-Суу.

сота гор, – пишет он, – столь велика, что с верхов оных, горы, вчерашний день нами проходимые (плоскогорье Уч-Мерке – С. У.), казались уже самыми мелкими снежными буграми.»¹ Описывая характер естественных ландшафтов Кунгей-Ала-Тоо и прилегающих районов, путешественник находит типичными для их растительного покрова лесных форм (пихта и ель), а для животного мира – сохатых, маралов и медведей.²

Внимание Зибберштейна привлекает высокогорный Ысык-Кёль и его живописная природа. Верно указывая на географическое положение и замкнутость котловины, он восторгается богатыми естественными ресурсами Восточного Приысыккёля. Подчеркивая большое хозяйственное значение долины, автор замечает, что именно она является важным районом земледелия у кочевых киргиз.

Путешественник совершает специальную поездку для изучения Ысык-Кёля. «Любопытство влекло меня к обозрению озера Ис-Сыкуль»³ – признается он по поводу трехдневных поездок вдоль южного побережья озера. Вот что пишет Зибберштейн об оз. Ысык-Кёль. «Озеро Ис-Сыкуль имеет название по своему значению; оно на русском языке означает теплое озеро, что и справедливо: ибо оно зимою не замерзает, в виде своем оно почти яйцеобразное, вода несколько сладковата, но в пищу годная, берега на местах низких отлогие и глубина небольшая, но около гор высокие с глубокими местами. В нем, как киргизы уверяют, водится множество разных родов рыбы, но при мне имеющимся там небольшим неводом доставили только щук и карасей.»⁴

В озеро, по Зибберштейну, впадают 11 рек: Тюп, Джаргалан (Джиргалан), Корогол (Каракол), Ирдык, Джетыгус (Джеты-Огуз), Джауку (Джууку), Чичкан, Ергачак (Джаргылчак), Алабаш, Конгролен (Конур-Олен). Путешественник ошибочно полагал, что р. Корчар-Су (Кочкор) есть одиннадцатый, притом главный, приток Ысык-Кёля. Более того, он считал Ысык-Кёль сточным, что оно изливается каналом в реку Чую, «которая шириною почти равна с рекою Иртышем, но быстротою далеко уже

1 ЦГВИА, ВУА, д. 18525, л. 11.

2 Там же.

3 Там же, л. 16.

4 Там же.

превосходит»¹ её. Зибберштейн также ошибочно принимал Чуй за приток Сыр-Дарьи. Кроме перечисленных выше одиннадцати притоков им указывается на множество «ключевых источников», впадающих в озеро с Кунгей-Ала-Тоо.

Из сказанного видно, что Зибберштейн имел в целом правильное представление об Ысык-Кёле, но в вопросе о связи озера с Чуй, а последнего с Сыр-Дарьей, он впадал в традиционную ошибку, исходящую из китайских и западноевропейских источников. К тому же, во время своего путешествия вдоль южного побережья Ысык-Кёля, он, по всей вероятности, не заходил дальше р. Джаргылчак и его известия о рр. Алабаш, Конур-Олен, Кочкар и др. объектах, лежащих еще западнее, основывались на распространенных, далеко недостоверных известиях.

В «Замечаниях Зибберштейна имеются сведения также о хребте Кызыл-Кыя («Сен-Таж»), где автор неудачно пытается объяснить происхождение названия «Сан-Таш», о караванных путях через Тянь-Шань (маршруты даны под литерами «С», «Д», «Е») и др., в которых перечислены ряд географических объектов Киргизстана.

«Записки» хорунжего Н.И. Потанина,² сопровождавшего коканских посланников из Семипалатинска в Коканд, также содержит некоторый материал для физической географии Западного и Юго-Западного Тянь-Шаня. Путешественник пересек Каратау, горы Боролдой, Кураминский хребет, возвышенную область Чули, входящие в систему Тянь-Шаня, дав по ним ряд данных географического характера.

Наибольший интерес для нас в «Записках» Потанина представляет его описание гидрографической сети страны. Автор «Записок» не ограничивается, как некоторые из бывших в Средней Азии путешественников, простым перечислением рек или озер, а дает их краткую характеристику, включая элементы морфологии долин, режима рек, ихтиофауны. Так, описаны Сыр-Дарья и её притоки Арысь, Келес, Чирчик, Ангрэн (у Потанина – «Ангара»).

1 ЦГВИА, ВУА, д. 18525, л. 16.

2 Записка Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего Коканских посланников, бывших у Российского двора в 1830 году. ЦГВИА, ВУА, д. 24766; См. также: Военный журнал, 1831, № 4, с. 102-139, № 5, стр. 43-70; Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830). Вестн. Р.Г.О., 1856, ч. XVIII, кн. VI, 1857, с. 255-289.

Более подробно охарактеризована р. Чуй, которая, по Потанину, начинается из хребта Кыргыздын-Алатау и впадает в озеро Кабан-Куль, простираясь до 500 верст; «имеет в ширину не более 10 сажень, но разлитие ее, бывающее весною и осенью, простирается от 100 сажень до 8 верст; глубина ее от 2-х до 7 аршин, а во время сильных жаров она почти пересыхает и содержит довольно количество бродов...»¹ «... Берега оной местами крутые, а более отлогие покрыты камышем, грунт местами иловатый, а местами и песчаный... Островов на сей реке находится в довольном количестве. Судоходства никакого не имеет. Мостов нет.»² Из рыб водятся сомы, щуки, язи, окуни, плотва и маринка.³

В данной характеристике скупое, элементарное, но довольно верно отмечены основные особенности реки. Копылов, следовавший по Чуй на лодке в 1873 г. от Константиновского моста, у Пишпека (ныне г. Фрунзе), почти до низовьев реки, в значительной мере подтверждает Потанины сведения о ней.⁴ Принципиально правильно представлял себе Потанин и вопрос об истоке р. Чуй, не связывая его с оз. Ысык-Көл.

К середине XIX века рамки русских географических познаний о природе Киргизии, как и всей Средней Азии в целом, заметно расширились. Растущие торгово-промышленные интересы нарождающегося в России капитализма, усиленные происки англичан в Средней Азии обусловили активизацию русской внешней политики, привели к присоединению значительной части Казахстана к России и продвижению границ русских владений до северных подножий Тянь-Шаня (1854) и низовьев Сыр-Дарьи (1853). Эти обстоятельства открыли возможности ближе ознакомиться с природой Средней Азии и, с учетом уже ранее добытых сведений, главным образом, расспросных, создать географические сводки и карты, как всей Средней Азии, так и отдельных её частей. Из таких обзоров нам известны

1 ЦГВИА, ВУА, д. 24766, л. 5, Рукопись.

2 А.П. Горбунов. Очерки по истории физико-географических исследований Казахстана (XVII, XVIII и XIX вв.), Рукопись, 1954, стр. 111.

3 ЦГВИА, ВУА, д. 24766, л. 5.

4 Копылов. Современные сведения о р. Чу. – Изв. Р.Г.О., т. X, в. 3, 1874, с. 131-134.

обозрения Коканского Ханства (1841, 1844, 1856),¹ Средней Азии (1848),² Киргизстана (1851)³ и др.⁴ Большим числом работ представлены картографические произведения,⁵ из которых специально картированию Киргизии

- 1 Взгляд на северную часть Коканского Ханства с присовокуплением сведений о сношениях России с владетелем и правителем Ташкении, 1841г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19251; Обзорение Коканского Ханства в нынешнем его состоянии, 1841. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254; ЦГВИА, ф. ВУА, к. 414, д. 413, Рукопись; В.В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Коканском ханстве. Вестн. Р.Г.О., ч. XVIII, кн. 5, 1856, с. 107-152.
- 2 П. С. Савельев, Средняя Азия, «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемое от Р.Г.О.». 1848, СПб, 1849, с. 237-278.
- 3 Сведения о дикокаменных киргизах. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, Рукопись. Тоже: Зап. Р.Г.О., кн. V, 1851, с. 140-153.
- 4 Выписки географических, исторических и статистических сведений о Средней Азии и пр., XIX в. 40-годы. ЦГВИА, ВУА, к. 414, д. 413, Рукопись; Пл. Чихачев. О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. Зап. Р.Г.О., кн. III, 1849, с. 20-49; Краткое описание Семиреченского края, составленное во время следования экспедиционного отряда за реку Или. генерального штаба штабс-капитана Померанцева, в 1851 году. Р.Г.О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, с. 516 (рукопись); Обзорение Киргизской степи Сибирского ведомства. «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его исследования», 1851 и 1852 годы, Ташкент, 1915, с. 165-187; Я. В. Ханьков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями. Зап. Р.Г.О., кн. V, 1851, с. 268-358. К числу произведений, относящихся к Средней Азии, можно причислить и классическое сочинение А. Левшина «Описание Киргиз-казацких или Киргиз-кайсацких орд и степей», ч. I-III, 1832, СПб.
- 5 Карта Киргиз-Кайсацкой степи и Туркестана, 1831 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20663. Рукопись; то же: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20304, печатн.; Карта Средней Киргиз-кайсацкой орды и сопредельных с оною орд и владений, Омск, 1833, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20305, Рукопись; Карта Кокана и соседственных с ним владений Средней Азии, Омск, 1841. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, Рукопись; Карта Коканского ханства, Омск, 1841. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, Рукопись; Карта Коканского ханства, Омск, 1844. ЦГВИА, ВУА, к. 416, д. 477; Генеральная карта Западной Сибири с Киргизскою степью, Омск, СПб, 1848, исправлена в 1853; Пл. Чихачев, Ипотетическая карта Памира и вершин Сыр и Аму-Дарьи, Зап. Р.Г.О., кн. III, 1849; Карта Киргизской степи Оренбургского ведомства и Бухарского, Хивинского и Коканского владений, Оренбург, 1850. ЦГВИА, ф. ВУА, к. 416, д. 456, Рукопись; Карта Западной части Илийской провинции, 1851, ЦГВИА, ВУА, д. 19411, Рукопись; Карта Семиреченского и Заилийского Края, генерального штаба штабс-капитана Померанцева. 1851 г., Р.Г.О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, стр. 517, Рукопись; Я. В. Ханьков. Карта северо-западной части Средней Азии. Зап. Р.Г.О., кн. X, 1855. Территория Средней Азии, в т. ч. Киргизии, изображены также на Генеральных картах Азии 1840, 1853 гг., в Атласах Российской империи (начиная с «Атласа всех частей света» (1827 г.).

посвящены Карты Дикокаменной орды (1849, 1851)¹ и «Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» (1851)².

Все перечисленные нами труды в той или иной мере касаются территории и природных условий Киргизии. Одни из них обнимают всю территорию края, другие – отдельные его части. В некоторых из сводок приводится значительный фактический материал о природе страны, а в других – лишь перечисления географических объектов. Таким образом, названные здесь источники далеко неравноценны между собою. Далее. Как работы, основанные преимущественно на расспросных данных, они не свободны от возможных ошибок, порою унаследованных от западноевропейских авторитетов. В «обозрении Коканского ханства», так же, как и в географической литературе Запада, принимается господствующее положение Болора в системе гор Средней Азии.³ Река Гулишан (Кара-Дарья) считалась за исток реки Сыр-Дарья, а Кутемалдинка – за исток р. Чуй и т. д.

Особого внимания среди указанных обозрений заслуживают «Сведения о дикокаменных киргизах» Нифантьева,⁴ которые можно рассматривать как первую попытку суммировать, систематизировать совокупность знаний о природе, экономике, населении Киргизстана в целом. Был ли автор в пределах Киргизии или свой очерк писал на основе одних лишь расспросных данных достаточно не выяснено. Согласно «Отчета Русского Географического Общества за 1850 год»,⁵ поводом к посылке топографа Нифантьева для местных исследований послужило желание, изъявленное в 1847 году тремя манапами киргизов поступить в подданство России. Ре-

1 Карта Дикокаменной орды и смежных с нею владений, составленная по расспросам в 1849 году. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 25596. Рукопись; Карта Дикокаменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и китайскими владениями. Омск, 1851, М. 20 в, Рукопись, подписан Бларамбергом, Р.Г.О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, с. 517.

2 Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран, Я. Ханыкова. 1852. ЦГВИА, ф. ВУА, к. 416, д. 458, Рукопись.

3 ЦГВИА, ф. ВУА, к. 414, д. 413, л. 14.

4 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, Рукопись. То же в Зап. Р.Г.О., кн. V, 1851, с. 140-153. Авторство Нифантьева над обозрением было установлено еще в 50-х гг. XIX в. (Вести. Р.Г.О., ч. I, кн. 1, 1851, стр. 33; Вестн. Р.Г.О., ч. XXI, кн. 6, 1857, с. 121 и 122), хотя М.И. Венюков в качестве соавтора очерка называет еще Воронина (зап. Р.Г.О., кн. IV, 1861, с. 104). В ЦГВИА настоящий обзор ошибочно приписан Бардашеву.

5 Вестн. Р.Г.О., ч. I, кн. I, 1851, с. 33. Н.А. Аристов командировку Нифантьева в Киргизию связывает с делом Кенесары, который тогда вел войну с киргизами.

зультатом этой поездки явилась довольно подробная карта озера Ысык-Кёль и окружающих его гор,¹ где впервые была очерчена сходная фигура озера,² а также географический очерк области киргиз. По-видимому, на эти указания опирался Я. Ханыков, нанеся на свою «Карту Северо-Западной части Средней Азии» (1854)³ маршрут Нифантьева от Или к северному берегу Ысык-Кёля. Однако П. П. Семенов заявляет, что топограф Нифантьев никогда не был на Иссык-Кёле.⁴ Как бы то ни было, географический очерк «о дикокаменных киргизах» и карта его представляют несомненный интерес.

В «Сведениях о дикокаменных киргизах» основное внимание уделено характеристике природных условий страны. Работа содержит разделы «Горы», «Климат», «Озера», «Реки» и «Естественные произведения», куда включены материалы о растительном покрове («Леса»), животном мире («Животные») и полезных ископаемых («Ископаемые»).

Вся территория Киргизстана, по Нифантьеву, прорезана «в разных направлениях горными хребтами,» распадающимися на три главные снежные ветви. Это – Киргизский – Ала-Тоо, Кунгей-Ала-Тоо и Теректи-Даван. Из них последние образуют окраинные цепи, а все пространство между ними заполняют «отрасли» Киргизского хребта.

1 Вестн. Р.Г.О., ч. I, кн. I, 1951, с. 33.

В ЦГВИА нами обнаружена рукописная «Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений, составленная по расспросам в 1849 году» (М. 25 в. англ. дюйме, ВУА, д. 25596). Карта охватывает пространство от северных берегов оз. Балхаш до широты Кашгара и между меридианами Коканда и Кульджи. Нанесены города, селения, пикеты, курганы, пикетные и караванные дороги, орогидрографическая сеть. На территории современной Киргизии находим очертания оз. Ысык-Кёль, бассейнов Верхнего Нарына, Верхнего Чуя (включая бассейны рр. Кочкор и Кара-Куджур, Сары-Чата (правый приток Сары-Джаза), а также часть нижних течений рр. Чуй и Талас. Остальная гидрографическая сеть и орографические объекты края не нанесены. Сличение настоящей карты с «Картой озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» Я. Ханыкова (1851), составленной на основе карты Нифантьева, показывает идентичное изображение объектов на обеих картах, что дает нам основание предполагать что «Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений» и есть известная карта озера Ысык-Кёль Нифантьева. На это указывает и отсутствие градусной сетки на «Карте Дикокаменной орды», почему М. И. Венюков был вправе называть её чертежом (Нифантьева). Из имеющейся на карте приписки видно, что она является лишь копией рассматриваемой карты.

2 Вести. Р.Г.О., кн. 10, 1860, с. 21.

3 Карта Северо-Западной части Средней Азии. Зап. Р.Г.О, кн. 10, 1855.

4 Вестн. Р.Г.О., ч. XVIII, кн. 6, 1856, с. 30; ч. XXI, кн. 6, 1858, с. 121 и 122.

Автор «Сведений» правильно представлял себе Тянь-Шань (правда, термина «Тянь-Шань» он не употребляет и общего названия для всей горной системы у него нет) как сложную систему хребтов. Теректи-Даван, соответствующий системе хребтов Какшаал-Тоо в широком смысле вплоть до Алая на юго-западе, состоит из хребтов Тоо-Мурун, Тоюн-Тоо, Теректи-Тоо и Когуртык-Тоо. Еще более сложным строением отличается «снежный кряж» «Киргизнин-Ала-Тау». На Западе он разветвляется на хребты Кетмень-Тёбё, Кара-Буура (Таласский-Ала-Тоо), Кендыр-Тау (система Чаткальского хребта, Боролдой и Каратау. На востоке кряж соединялся с цепью Кунгей-Ала-Тоо, а затем, огибая озеро Ысык-Кёль с юга, образовал «многие отрасли» под общим названием Музарт-Даван или «Ледяной Хребет».

Предлагаемая Нифантьевым орографическая схема Тянь-Шаня более совершенна, чем соответствующие схемы, известные по картам Рената, Исленьева и Гумбольдта. Она отличается более реальными и конкретными географическими объектами и не связана с пресловутым поперечным Болором, правда, на карте Нифантьева орографические контуры страны не изображены. Важно отметить здесь и о попытке автора «Сведений» дать районирование Тянь-Шаня в виде упомянутых выше 3-х главных ветвей (цепей). Однако, такое деление его на части ничем не мотивировано. Отметим также, что Нифантьев впервые в русской литературе указывает на характерные для Тянь-Шаня высокогорные плато – сырты, ограничивая их местоположение южными склонами «Киргизнын-Ала-Тау» (в данном случае Терсей-Ала-Тоо).

Полнее и более правдиво, чем в предыдущих сводках, дана в «Сведениях» характеристика гидрографической сети. Автор очерка не ограничивается, как это было раньше, простым перечислением рек или указаниями на их направления и истоки, но и пытается осветить еще ряд характерных черт. Правда, подобная попытка уже была сделана для р. Чуй и некоторых притоков Сыр-Дарьи Н.И. Потаниным и отчасти Чан Чунем для Сыр и Таласа (см. выше, стр. 146). Однако, они не смогут снизить ценности рассматриваемых описаний.

Нифантьев, в отличие от Риттера, Гумбольдта и др., принимавших оз. Ысык-Кёль за исток р. Чуй, совершенно определенно и правильно ука-

зывает, что Чуй «составляется» из рр. Кочкор и Кара-Куджур.¹ Но, следуя традиционным заблуждениям своих предшественников, он, между прочим, замечает, что р. Чуй «принимает в себя с правой стороны небольшую речку, вытекающую из озера Иссык-Куль и называемую Кутемалды».² Если принимать во внимание последнюю механическую приписку, то даже в этом случае правота остается за Нифантьевым, так как выходит, что Кутемалдин-ка не есть исток Чуи, а всего на всего небольшая речка, приток Чуй. На самом деле, как доказано позже также русскими исследователями, Кутемалдинка оказалась лишь протоком (оттоком) Чуя (а не притоком или истоком её), по которому устремляются воды Чуя в оз. Ысык-Кёль во время высокого уровня реки.

«Течение Чу, – читаем в «Сведениях», – в вершинах очень быстрое, берега и русло каменисты; ниже она изливается по песчаной долине, и имеет воду всегда мутную.³ Из рыб водятся в ней: сомы, сазаны, судаки и другие».⁴ Длина реки оценивается в 900 км,⁵ что ближе к истине чем в более ранних известиях.

Правильно определены также истоки рр. Талас, Сыр-Дарья и Нарын. Первый, по данным Нифантьева, начинается с «тремя вершинами, называемыми Уч-Кош-Сай» (Уч-Кошой),⁶ последний – Тарагаем, вытекающим из «Киргизнын-Ала-Тау, не далеко от Иссык-Куля». Длина Нарына, согласно «Сведений», около 500 км.⁷

До середины XIX века почти во всех русских, Западноевропейских картах началом Сыр-Дарьи обычно изображали р. Гулишан (Кара-Дарья). Так даже на карте известного немецкого географа и картографа А. Петермана 1858 г.,⁸ а на карте Средней Азии, составленной Военно-Топографи-

1 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, л. 6. Так же на карте Нифантьева (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 25596).

2 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, л. 6. По его карте Кутемалдинка не вытекает из озера Ысык-Кёль.

3 Потому, вероятно, река называется Чуй – желтомутная река по-калмыцки (Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, Paris, 1846, p. 401).

4 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II, л. 7.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же, л. 8. В действительности длина Нарына равна 693,96 км (Ц.Г.И.А. Уз. ССР, ф. 69, оп. 1, д. 67, л. 15).

8 Karte von Russisch-Chinesischen Grenzgebiet am Balchasch – See und Issyk-Kul. – Petermanns Mitt., 1858, IX, Gotha.

ческим Депо в 1863 г., р. Нарын принята за Сыр-Дарью.¹ Между тем, еще в конце 40-х годов Нифантьеву было известно, что Сыр-Дарья образуется из слияния Нарына и Гулишана (Кара-Дарьи).² Таким образом указания автора «Сведений» о действительных истоках Сыра было предано забвению.

Из озер описано лишь Ысык-Кёль. «Теплым оно названо потому, что никогда не замерзает». Окружность его доходит до 480, длина превышает 200, а наибольшая ширина 80 км.³ Озеро «изобилует рыбой, окружено весьма плодородною местностью, орошаемою множеством речек,⁴ поросших лесами и кустарниками.» Вода в озере горькая. Глубина неизвестна, но полагают значительною.⁵

Нифантьев указывает о подверженности Приысыккёлья землетрясениям,⁶ но ничего не сообщает о вулканических явлениях ни в Ысык-Кёльской котловине, ни в Тянь-Шане в целом. Он также не связывает наличие здесь термальных источников⁷ с вулканическими процессами, как это делает Гумбольдт.

В характеристике «Естественных произведений» Киргизии автор «Сведений» весьма краток: еловые леса развиты в Кунгей и Киргизском, т. е. Терской-Ала-Тоо, фруктовые деревья (яблоки, абрикосы и др.) и кустарники в различных горах. Касаясь животного мира, он правильно перечисляет типичные для высокогорного Тянь-Шаня виды копытных (маралов, диких козлов, архаров, сайги), но не указывает на их географическое (вертикальное и горизонтальное) распространение.

Об ископаемых богатствах страны Нифантьев также не имел ясного понятия и поэтому ограничился неопределенными указаниями о возможности золота, свинца, железа и драгоценных камней. Более достоверны известия о месторождениях каменной соли.

1 Карта Средней Азии, составленная по новейшим сведениям и гравирована при Военно-топографическом депо, 1863.

2 ЦГВИА, ВУА, д. 18551, ч. II, л. 8.

3 Данные автором «Сведений» величины явно преувеличены.

4 Максимальная длина этих рек, по Нифантьеву, от 75 до 96 км.

5 ЦГВИА, ВУА, д. 18551, ч. II, л. 5.

6 Там же.

7 Там же, л. 6.

Таково краткое содержание «Сведений о дикокаменных киргизах» Нифантьева. Наличие довольно большого фактического материала в обзоре, умение выделить и обобщить важнейшие черты природной среды края, последовательность изложения и общая конструкция работы свидетельствуют о значительных географических познаниях и широком кругозоре автора сводки.

«Сведения» явились не только первой специальной работой о природных условиях и экономике Киргизии, но и своеобразным итогом расспросных сведений о стране вообще за весь предшествующий период.

«Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений (1849)», которую мы принимаем за карту оз. Ысык-Кёль Нифантьева (см. выше, с. 122), значительно беднее его географического очерка. В ней изображены лишь отдельные объекты гидрографической сети страны (Верхний Чуй, Верхний Нарын, правые притоки Сары-Джаза – Сары-Чат и Кували (Куйлю) и др.), которые отличаются большим сходством контуров.

Доминирующее положение на карте занимает озеро Ысык-Кёль, который протянут на 200 км длины и 90 км наибольшей ширины. Ориентировано оно с северо-востока на юго-запад в виде перевернутой чаши. Береговая линия очерчена с большой подробностью. Четко выделены полуострова Сухой Хребет и Кара-Булун и образуемые ими заливы, а также более мелкие. Из притоков озера обозначены только Тюп и Кутемалдинки, причем последняя не связана с р. Чуй. Вблизи истока Кутемалдинки начинается другая (безымянная) речка (ручеек), которая течет в противоположном направлении и впадает в Чуй. Здесь явное противоречие между изображением Кутемалдинки на карте и описанием в очерке, что говорит, во-первых, об отсутствии ясности у автора в этом вопросе, во-вторых, о том, что он пользуется расспросными сведениями в своих обобщениях.

Содержание карты далеко не отвечает её названию. Большая часть территории «Дикокаменной орды» (Киргизстана) ничем не заполнена; оставлена «белым пятном». Географического размещения киргизских родов также не дано. Вероятно, эти обстоятельства послужили причиной того, что карта стала более известной как карта озера Ысык-Кёля Нифантьева.

«Карта Дикокаменной орды» (Нифантьева) не имела градусной сетки» Поэтому её обработка Русским географическим обществом поручалась

действительному члену общества известному русскому географу и картографу Я. В. Ханыкову, который в 1851 году изготовил отчетливое, в масштабе 50 верст в дюйме, изображение пространства между 40°-48° с.ш. и 86°-102° в.д. от Ферро¹ и доложил об этом на общем собрании Р.Г.О. 23 января 1851 г.²

«Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» Я. Ханыкова была лучшим, наиболее подробным картографическим изображением Северной и Центральной Киргизии до географических карт конца 50-х и 60-х годов XIX века, основанных на топографических съемках. Авторы различных карт этого периода как в России, так и в Западной Европе при составлении карт Средней Азии или Туркестана, Коканского Ханства или Джунгарии не могли обойтись без этого картографического произведения, опередившего в картировании территории Киргизстана достижения науки Запада и Востока, копируя почти целиком или отдельные части её. Таковы «Генеральная карта Западной Сибири с Киргизскою Степью» 1848 г., исправленная в 1853 г., «Turan oder Turkestan» (1852 г.) и некоторые другие карты Г. Киперта.³ На упомянутой выше карте А. Петермана⁴ бассейны рек Верхнего Чу, Верхнего Таласа и Нарына нанесены идентично с картой Ысык-Кёля Я. Ханыкова.⁵

Самой положительной стороной карты Ханыкова является довольно удачное изображение сложной орографической и гидрографической сети страны. На прежних картах рельеф обычно передавался примитивно, в виде нескольких хребтов, вытянутых широтно, либо простирающихся в

1 Вести. Р.Г.О., ч. I, кн. 1, 1851, с. 34; Вестн. Р.Г.О., ч. VII, кн. 2, 1853, с. 47-48. Рукопись этой карты, датированной 1852 г., хранится в ЦГВИА (ВУА, к. 416, д. 458).

2 Вести. Р.Г.О., ч. I, кн. 1, 1851, с. 54.

3 Н. Kiepert: Turano der Turkestan, Zu C. Ritters Erdkunde, Buch III, Berlin, 1852; Asien. – Neuer Hand Atlas uber alle Theile der Erde, Berlin, 1856; General-Karte Asien, Weimar, 1864.

4 Petermanns Mitteilungen, 1858, IX, taf. 16.

5 На «карте окрестностей озера Иссык-Куль» (1859 г., ЦГВИА, ВУА, д. 20320, рукопись); «Генеральной карте Киргизских степей, Западной Сибири, с показанием путей от пограничных станций и укреплений к Пишпекту и Ташкенту, 1859» (ЦГВИА, ВУА, д. 19268, рукопись); «Карта бассейна Аральского моря» (1860) М. И. Венюкова (ЦГВИА, ВУА, к. 416, д. 480, рукопись); даже на «Карте Туркестанской области» (1865) Полторацкого и Ильина географические объекты бассейна р. Нарын изображены исключительно по карте оз. Ысык-Кёль Я. Ханыкова.

Рис. 14. Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран Я. Ханькова, 1852 г.
Из личного архива С. Умурзакова.

разных направлениях и получалась ложная картина строения поверхности Киргизии. На рассматриваемой карте этот коренной недостаток в основном преодолен. Очертания орографических элементов даны отчетливо и выразительно. Область Внутреннего и Северного Тянь-Шаня заполнена мощными цепями хребтов с многочисленными отрогами, где преобладают хребты широтного простирания. Сравнительно лучше, ближе к истине изображены хребты, окружающие оз. Ысык-Кёль, Кочкорскую котловину и Верхний Талас, горы Чуй-Илийского водораздела.

Озеро Ысык-Кёль и ряд других объектов гидросети очерчены согласно с Нифантьевским чертежом.

Несмотря на несомненные достоинства, карта озера Ысык-Кёль Ханыкова страдает серьезными недостатками, частью унаследованными от прежних картографических произведений. Все изображаемое пространство из-за отсутствия надежных астрономических пунктов неравномерно отодвинуто к северу (в среднем от 30' до 1°) и сжато по долготе. Вследствие этого географическое положение объектов во многом не соответствует действительности.

Крупные пороки имеются в изображении орографических элементов Нарынского бассейна, которые большей частью комбинированы наугад. Сложная орографическая область Занарынской части страны здесь устроена довольно просто. Между Нарыном и Сыр-Дарьей (Кара-Дарьей), текущими, по Ханыкову, параллельно друг другу, протянут мощный широтный хребет Табен-Тау (?), а за Сыр-Дарьей (Кара-Дарьей) – такая же цепь – Муз-Таг. На месте массива Хан-Тенир обозначены отроги «Кыргызнин Ала-Тау» (Терскей-Ала-Тоо), простирающиеся преимущественно на юг, юго-восток. Р. Ат-Баши отнесена в Таримскому бассейну и т. д.

До сих пор согласно М.И. Венюкова¹ принято считать, что карта озера Ысык-Кёль Ханыкова является копией Нифантьевского чертежа. Однако, сопоставление и анализ их показывает, что подобное утверждение справедливо лишь для географических объектов Балхашского бассейна, а также для тех около 2-х десятков объектов территории Киргизии, перечисленных нами. Что касается особенностей строения поверхности и сложных орографических контуров Тянь-Шаня, то они Ханыковым изображены и приведены к градусной сетке независимо от Нифантьевского чертежа, путем использования различных источников. Заимствование же некоторых объектов с упомянутого чертежа не должно умалять достоинств интересного произведения и заслугу Я. Ханыкова в картировании территории Киргизстана.

«Карта Дикокаменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и Китайскими владениями» (1851), согласно Н.А. Ари-

¹ Военный сборник, 1877, №7, с. 76.

стова,¹ составлена на основе карты Семиреченского и Заилийского края штабс-капитана Померанцева, бывшего в Заилийском крае в 1851 году. Причем Померанцев, в свою очередь, пользовался сведениями Нифантьева. Таким образом, Нифантьевский чертеж в течение десятилетия служил первоисточником карт, изображающих оз. Ысык-Кёль и соседние районы.

Наконец, следует особо отметить выдающуюся роль крупного русского ученого-китаевода Н. Я. Бичурина (Иакинф), внесшего огромный вклад в изучение истории и географии Средней Азии. Среди его трудов замечательно «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»,² где содержатся интересные сведения о природных условиях Киргизии, отражающие уровень географических представлений китайцев с древнейших времен. В III томе своего труда³ Н. Я. Бичурин дает краткую характеристику многих географических объектов и областей Средней Азии, в т. ч. Тянь-Шаня и Памира, оз. Ысык-Кёль и р. Сыр-Дарьи, хребта Какшал-Тоо и др. Сводом его географических представлений явилась карта к «Истории народов, обитавших в Средней Азии в древние времена», составленная им, главным образом, на основе китайских источников, включая данные нового времени. На ней исключительно точно для того времени дано, например, географическое положение оз. Ысык-Кёль.

Рис. 15 . Портрет Н. Я. Бичурина
в китайской одежде.⁴

1 В. Г. О., Ученый архив, разр. 65, с. 517.

2 Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I-III, СПб, 1851, Второе издание, М. – Л., тт. I-II, 1950, т. III, 1953.

3 Географический указатель мест на карте к Истории древних среднеазиатских народов, т. III, стр. 7-83.

4 Источник: <https://www.twirpx.com/file/267510/>

В заключение отметим, что в течение середины XVII – середины XIX вв. русским удалось собрать о природе Киргизии не только значительные распросные сведения, но благодаря неоднократным смелым путешествиям торговцев, послов, военных чинов и оригинальные данные, которые легли в основу первых русских географических сводок и картографических произведений о Крае. Западноевропейские ученые в своих трудах, посвященных географии Средней Азии, в частности Тянь-Шаню, наряду с китайскими, постоянно опирались на русские географические известия.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на существенные сдвиги в географическом изучении Киргизии, расширении представлений о характере страны, познания о природных условиях края в России к середине XIX в. все еще оставались явно неудовлетворительными, ограниченными. Если о Северной Киргизии и местностях, прилегающих к караванным путям, и имелись немалые фактические данные, то о Внутреннем Тянь-Шане и Южной Киргизии, как показано выше, не было сколько-нибудь достоверных сведений. Да и те сведения, которыми располагала географическая наука, скорее всего представляли собой сырой, отрывочный, нередко случайный материал, добытый распросно или на месте людьми, как правило, не подготовленными для научных исследований. Поэтому скудные, необработанные данные географического характера не могли служить базой серьезных научных обобщений и обусловили низкий уровень знаний о природе Кыргызстана. Все это явилось следствием тех общественно-исторических условий в России и сложной внутренней и международной ситуации в Средней Азии, господствовавших в первой половине XIX века.

2.3.2. Китайские географические известия

Со времени господства кочевых империй монголов и их предшественников до середины XVIII в. китайцы, по существу, отошли от географического изучения Средней Азии. Новый период в этом отношении наступил с конца 50-х годов XVIII в., когда Циньская империя сумела восстановить свою власть над Джунгарией (1758) и Кашгарией (1759). Тогда же были приняты меры для географического описания и картирования вновь приобретенного Края: производились топографические съемки и астрономические определения. Последними занимались члены Астрономического Приказа в Пекине иезуиты Галлерштейн, д'Ароха, д'Эспинья, при участии

китайских специалистов.¹ Ими было определено географическое положение десятков пунктов, в т. ч. следующих в пределах Тянь-Шаня и Южной Киргизии:

Устье р. Конур-Олён (Ак-Терек) ²	42°17'	с. ш.	96°22'	в. д. от Ферро ³
Уроч. Эдемек	42° 10'	«	94° 7'	«
На р. Чуй	43° 3'	«	92° 47'	«
На р. Талас	42° 30'	«	91° 37'	«
Темурту-Нор (оз. Ысык-Кёль)	42°50'	с. ш.	74°42'	в. д. от Парижа ⁴
Тарас (Талас, Джамбул)	43° 50'	«	70° 2'	«
Исток р. Ак-Суу (басс.р. Какшаал)	40° 50'	«	40° 50'	долг. от Пекина ⁵
Исток р. Ху-Ма-ла-кэ (Сары-Джаз)	40° 30'	«	39°	«
г. Ош	40° 19'	«	42° 50'	« ⁶

Приведенные координаты разнятся от действительного положения объектов и указывают на ненадежность определений миссионеров. «Широты иезуитов, – писал М.В. Певцов, – немногим разнятся от полученных в новейшее время и потом почти всегда превышают последние; но долготы их ненадежны и относят пункты большей частью далеко к востоку от их истинных мест.»⁷ Несмотря на эти пороки съемки иезуитов составили реальную математическую основу для картирования Средней и Центральной

1 П. П. Семенов. См. Землеведение Азии К. Риттера, т. II, 1859, с. 5-6.

2 На Карте озера Иссык-Куль с окрестностью 1856 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20283, Рукопись) этот пункт ошибочно отнесен к Западу, к устью р. Туура-Суу.

3 Из Си-юй-ту-чжи (1782), Зап. Р.Г.О., кн. IV, 1861, с. 128.

4 По Дай-Цинь-Хой-дянь (1818), К. Риттер. Землеведение Азии, Вост. или Китайский Туркестан, В. I, СПб, 1869, с. 153.

5 По Си-юй-шуй-дао-цзи (1823). Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. VI, 1880, с. 125, 126.

6 К. Риттер. Землевед. Азии. Вост. или Китайский Туркестан. В. I, 1869, с. 220.

В свете этих данных видна ошибочность утверждений А.Ф. Голубева (Вестн. Р.Г.О., кн. IV, 1860, с. 193), П. П. Семенова (История полувековой деятельности Русск. Геогр. общ-ва, ч. I, 1896, СПб, с. 271) о том, что в пределах Тянь-Шаня иезуитами астрономически был определен лишь один пункт.

7 М.В. Певцов. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. Омск, 1883, с.351.

Азии и служили чуть ли не единственными¹ ориентирами для картографов до аналогичных работ русских во второй половине XIX в.

Большое значение, наряду с астрономическими определениями, имеют географические описания Новой Границы и карты Китайской империи, созданные на основе новейших изысканий. Ряд работ,² опубликованных во второй половине XVIII в. и в первой четверти XIX в, свидетельствуют о больших географических познаниях китайцев о природных условиях Киргизстана, особенно по его орографии и гидрографии.

Наше краткое обозрение китайской литературы, содержащей географическое описание Киргизии, начнем с рассмотрения сведений о *строении поверхности страны*.

Современный Тянь-Шань, согласно Синь-цзян-Чжилио, представляет часть Цунлина, состоящего из множества альпийских хребтов. Важнейшим их узлом выступает северное плато Цунлина – Ледяная гора (Лин-шань) или Мусур-Давань,³ соответствующий массиву Хан-Тенир. Отсюда Цунлин распадается на две ветви: северную (Санташскую) и южную (Какшаалскую).⁴

Какшаалская ветвь состоит из хребтов, постепенно переходящих друг в друга и простирающихся на юго-запад. Это – Какшан-шань, или собственно Какшаал-Тоо, Арагу-шань (Кабка) и Гипшап-шань или Кыпчак-Тоо. Последний должен соответствовать так называемой Алайской системе хребтов, а Арагу-шань – горному району между Алаем и Какшаал-Тоо (у Гумбольдта Терек-Таг). Далее в Синь-цзян-чжи-лио и Си-юй-шуй-дао-цзи подробно перечислены горы, долины, ущелья и реки всей системы, при этом особое внимание уделено описанию Мусур-Давана (Халык-Тау).

1 Географические координаты некоторых пунктов были сообщены еще средневековыми авторами. Об этом см. выше (стр. 70).

2 Дай-Цинь-и-Тун-Чжи. География Китайской империи. 1790 (перв. изд. 1743); Си-юй-тун-вэн-чжи. Географический словарь Западных стран. 1763; Си-юй-вэн-цзянь-лу. Описание Западной границы. 1777; Мэн-гу Хуй-бу ван-гун бяо-чжуань. Биография монгольских и туркестанских князей и пр. 1779; Си-юй-ту-чжи. Описание Западного Края. 1782; Синь-цзян-чжи, лио. Сокращенная (краткая) статистика Новой Границы. 1821; Си-юй-шуй-дао-цзи. Подробное описание рек и озер в Западном Крае. 1823.

3 Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, 1846, Paris, p. 249.

4 Там же, с. 421.

Хребет Мусур-Давань или Ледяные горы, по Си-юй-шуй-дао-цзи, простирается на Запад на 300 ли и доходит до гор Савабци в системе Какшаал-Тоо.¹ Горный проход (Музартский), расположенный здесь, имеет 100 ли в длину. Он образован из глыб льда, нагроможденных огромными скалами. Иногда лед тает, и тогда можно видеть бездонные пропасти; чтобы взобраться в гору, вынуждены делать на льду ступеньки и бесконечно переноситься с места на место; высота ступенек меняется в зависимости от местности; зимою и летом видны там только груды снега, но не встречается ни птиц, ни растений, ни деревьев.²

Автор книги Си-юй-шуй-дао-цзи, прошедший через этот перевал в 1816 году, пишет: «Солнце только-что восходило; мы стали подниматься на гору гуськом, винтообразно; ветер дул навстречу; песок бил прямо в лицо; холод проникал до мяса и костей; запрещено было говорить. Лед представлял трещины, которые простирались на фут; они были закладены лошадиными костями, которые как-бы образовали мост. Поднявшись на вершину, через несколько ли стали переправляться через снежное море, которое имело в окружности 3 или 4 ли. Опасная и узкая тропа, как нить, окаймляла море и прекращалась посредине.»³

Такова природа Мусур-Давана по китайским данным. Труды русских путешественников (В. Я. Полторацкий, 1869; А. В. Каульбарс, 1871, 1875; А. Шепелев, 1872; Л. Ф. Костенко, 1872; И. В. Игнатъев, 1887), прошедших по Музартскому перевалу во 2-й половине XIX в., подтвердили правдивость этих китайских описаний.

К западу от Мусур-Давана (Халык-Тау) протягивается хр. Какшаал-Тоо, восточная часть которого в Си-юй-шуй-дао-цзи названа Кунгулук,⁴ а Западная (юго-западная) – Савабци.⁵ Горы Кунгулук непрерывно тянутся

1 Зап. Р.Г.О., по отд. этногр., т. VI, 1880, с. 134.

2 Journal Asiatique, t. VIII, p. 248.

3 Зап. Р.Г.О., по отд. этногр., т. VI, 1880, с. 135.

4 Там же, с. 125, 126.

5 Там же, с. 134. Сравни с русской Картой Западной Монголии и Восточного Туркестана (без указания года, места издания и автора. Хранится в Картогр. отделе Р.Г.О., III б 4/6) составленной, видимо, по китайским данным 2-ой половины XVIII в., а также с картой Н. Я. Бичурина (Собр. сведен. о народах, обитавших в Средней Азии в древн. времена, 1953).

на 200 ли и составят из десятка гор.¹ «Все отроги гор Ка-кэ-шань (Какшаал-Тоо – С.У.), а также и Кунгулук, – повествует тот же источник, – отличаются страшными крутизнами и высотой; горные потоки льются во всех направлениях; долины чрезвычайно узкие, так что по ним можно проезжать только верхом или гуськом».² Кроме того, в верховьях р. Ак-Сай (западная) указан хр. Ирци-Баши (Ат-Баши?), почти параллельно к Какшаал-Тоо.³ Для области Арагушань или Кабка названы горы Кабка, Тоюн, Кунати и Чакмак,⁴ которые ныне известны как части гор Коктун.

Подробные сведения приведены также о бассейнах рр. Кызыл-Суу как Кашгарского, так и Аму-Дарьинского, перечислены географические объекты пути от Кашгара до Коканда. Автор Си-юй-шуй-дао-цзи знал о большой абсолютной высоте Алайской долины. Поэтому урочище Алай, пишет он, – «лежит прямо на горных вершинах» и принадлежит бурутам (киргизам). И далее: «На ю.-в. от урочища А-лай находятся горы Кабка, называемые также Хэ-сэ-лэ-шань (Красные горы, по-хойхски,⁵ Кызыл-Таг)... Горы (Кызыл-Таг) – красного цвета и безлесны; только на некоторых из вершин растет короткая и сухая трава. Постоянно дует холодный ветер, который пронзает человека.»⁶

Северная или Санташская ветвь Цунлина также отходит от массива Ледяных гор (Мусур-даван). Сперва от Хан-Тенир отделяется Табарсун-Даба,⁷ которая направляется на северо-запад и доходит до гор Мэрген-Сили-Ола. Последние примыкают к северному берегу Туз-Кёля (Ысык-Кель)⁸ и здесь разветвляются: одна из ветвей идет на северо-запад в виде Иргайту-Ола и

1 По Синь-Цзян-Чжи-Лио их 15 (Journal Asiatique, t. VIII, 1846, p. 251), по Си-юй-шуй-дао-цзи – 13 (Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. VI, с. 125).

2 Зап. Р.Г.О., по отд. этногр., т. VI, с. 126.

3 Там же, с. 125.

4 Там же, с. 100, 113. На Карте Западной Монголии и Вост. Туркестана «Аргу-Таг».

5 т. е. на языке народов Вост. Туркестана.

6 Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. VI, с. 103. И. В. Мушкетов (1879) указал на наличие в данном районе мощных отложений красных третичных песчаников и конгломератов (Зап. Р.Г.О., по общ. геогр., т. XXXIX, В.1, 1910, с. 390).

7 По Дай-цинъ-и-тун-чжи, Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, 1846, p. 415.

8 Там же, с. 410-411.

Кюмуш-Ола.¹ К северу от Мэрген-Сили-Ола располагается Агуй-Ола. Как справедливо замечает Н. А. Аристов,² Табарсун-Ола должна соответствовать горной группе, расположенной в верховьях рр. Текес, Каркыра и Тюп, Мэрген-Сили-Ола – Кунгей-Ала-Тоо,³ Агуй-Ола – Заилийскому Алатау, Иргайту-Ола и Кюмуш-Ола – горам Чуй-Илийского водораздела (Хр. Жеты-жол и горам Кендыктас).

Кроме того, по Дай-цинъ-и-тун-чжи, к северо-западу от р. Или находятся горы Кондулай-Ола, Кубакай-Ола, Укэк-Даба, Эдемек-Даба, Кара-Буура-Даба, Кара-Булак-Даба, Наншань. Синь-цзян-чжи-лио для юго-запада от Или называет Бирбаш-Шань, Баян-Джуукун-Шань и Санташ-Даван. Согласно этим же источникам, перечисленные горы размещаются следующим образом:

Ближе всего к р. Или, в 400-х ли от одноименного города (Кульджа), расположена Бирбаши-Шань.⁴ Это, вероятно, невысокая гора Бёрю-Баш (Бёрюлю-Баш) на восточном берегу оз. Ысык-Кёль. Под Баян-Джуукун-Шань⁵ к западу от Бирбаш-шань следует подразумевать Терскей-Ала-Тоо. Санташ-Даван⁶ в 800 ли от Кульджи и граничащая с Темурту-Нор (оз. Ысык-Кёль) есть, несомненно, хребет Кызыл-Кыя с Тасминской грядой. Однако, расстояния, как между хр. Кызыл-Кыя и Кульджей, так и между последней и Бёрю-Башем (а тем более Джууку-Шанем), указанные в Синь-цзян-чжи-лио не соответствуют действительности.

Географическое положение остальных гор недостаточно ясно; его можно установить лишь по косвенным данным, главным образом, по местоположению истоков и направлению рек. Так, хребтом Кубакай-Ола,⁷ от

1 Там же, с. 411. О горе Кюмишлы см. Карту И. Исленьева (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20244, д. 24156), а также Карту Средней Азии 1816 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20646, д. 20647).

2 В. Г. О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, с. 483.

3 На «Карте окрестностей озера Иссык-Куль» (ЦГВИА, ВУА, д. 20320, Рукопись), составленной, очевидно, по китайским данным (1859 г.), восточная часть хр. Кунгей-Ала-Тоо названа Мэргэн-шири.

4 Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, 1846, p. 421.

5 Там же.

6 Там же.

7 Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, 1846, p. 433.

Так и на карте А. Гумбольдта, Central Asien, Erster Band, Berlin, 1844.

которого начинается левые притоки р. Чуй, может быть, конечно, Киргизский-Ала-Тоо. Кроме того, река Чуй к западу от Туз-Келя пересекает Кондулай-Ола.¹ Это – западная часть Кунгей-Ала-Тоо или хр. Тору-Айгыр (Кёк-Мойнок).

Эдэмек-Даба² находится на севере Небесных и дает начало р. Талас. Таким хребтом является Таласский, а в данном случае, его восточная часть, так как западная часть, также по Дай-Цинь-и-тун-чжи, названа Кара-Буура-Даба (очевидно по одноименной реке).³ Между прочим, об Эдемек-Даба еще сказано: «Описав *несколько зигзагов* (курсив наш – С. У.) эта гора как бы соединяется с теми горами, которые возвышаются к югу от озера Тускуль.»⁴ Судя по этой приписке, можно допустить, что под Эдемек-Даба подразумевается не только Таласский-Ала-Тоо, но и хребты Сусамыр-Тоо, Джумгал-Тоо и горы Кара-Кокту, зигзагообразно протягивающиеся от Таласского хребта до Терской-Ала-Тоо. Кстати, здесь же заметим, что самая западная часть Терской-Ала-Тоо в то время (во 2-ой половине XVIII в), как и ныне, называлась Укэк-Даба.⁵

Гора Наньшань находится в 200 ли к западу от р. Талас, и со средней части её начинается р. Арша-Гол, текущая на восток, а затем на север. Если верить этому сообщению, то Наньшань соответствует горам Боролдой, а Арша-Гол – р. Терс.

Гору Кара-Булак-Даба, откуда вытекает р. Кара-Булак, не беремся локализовать по одному лишь указанию, что она располагается к северо-западу от Или, ибо Кара-Булаков на этом пространстве, как в Казахстане, так и в Киргизии, не мало.

Вот все, что мы смогли извлечь из доступных для нас китайских источников второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в. об орографическом строении Киргизии.

1 Journal Asiatique, t. VIII, p. 432. Сравни: ЦГВИА, ВУА, д. 20320, Рукопись.

2 Journal Asiatique, t. VIII, s. IV, p. 415, 436. Ур. Эдемек по Си-юй-ту-чжи под 42°10' с. ш. и 94°7' в. д. от Ферро (см. выше).

3 Там же, с. 438.

4 Там же, с. 415.

5 Там же. На «Карте окрестностей озера Иссык-Куль» (ЦГВИА, ВУА, д. 20320, Рукопись) под Укэк-даба значится вся западная часть Терской-Ала-Тоо.

Теперь перейдем к рассмотрению сведений о гидрографической сети края, которая, в китайской географической литературе о Западном Крае, представлена гораздо лучше, значительно подробнее, чем орографические объекты. Это, прежде всего, относится к бассейнам оз. Ысык-Кёль, рр. Чуй, Талас и ряда рек системы Тарим. Дай-Цинь-и-тун-чжи и Си-юй-шуй-дао-цзи не ограничиваются перечислением объектов и приводят данные об истоках, длине и направлении рек, размерах озер, о расстоянии между ними, а также о гидрографической связи рек и речных систем. Наиболее полно охарактеризовано оз. Ысык-Кёль, названное то Туз-Кёлем (Соленое озеро), то Темурту-Нором (Железистое озеро).

Оз. Туз-Кёль, согласно Дай-цинь-и-тун-чжи, лежит в 300 ли к западу от г. Или (Кульджи). Протяженность его с востока к западу 400, а с севера к югу – 200 ли. Со всех сторон оно принимает множество речек и ручейков. Их по крайней мере сотня. Это широкое и глубокое озеро, но, получая столько притоков, не увеличивается и не уменьшается в течение всего года, это самое большое озеро Западных границ.¹

В Синь-цзян-чжи-лио Ысык-Кёль назван Темурту-Нором (Железистое озеро) и расположен на расстоянии ок. 400 ли к юго-западу от Или. Общая длина (вероятно окружность) озера около 600 ли. С запада, севера и юга оно окружено горами. И далее: «Песок, собираемый вдоль его (Темурту-Нора – С. У.) берегов, при сильном накаливании дает железо... Название Темурту выражает, что вода озера производит железо.»²

В обоих источниках подробно перечислены притоки озера. По Синь-цзян-чжи-лио в Темурту-Нор впадает 33 реки, из них 17 с юго-востока и 16 с севера.³ В Дай-Цинь-и-тун-чжи названо лишь 28 притоков озера и дальше говорено, что в это число не входят речки, длина которых не превышает 30, 40, 60 или 70 ли.⁴

1 Journal Asiatique, t. VIII, p. 439-440.

2 В. Г. О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11, с. 490 (Рукопись).

3 Там же.

4 Journal Asiatique, t. VIII, p. 440.

Вот наиболее значительные притоки Туз-Кёля:¹

- Реки, впадающие в озеро с севера: Каранохай-Булак (?), Шата-Ту-Булак (Шаты), Курмету-Булак (Курменти), Ятумек-Булак (?), Джака-Бакату-Булак (?), Харчахан-Усу (Чон-Ак-Суу?), Гурбан-Сари-Булак (Три Кой-Суу около Чон-Сары-Ой?), Гурбан-кэ-Булак (?).
- Реки, впадающие в озеро с востока: Шибартай-Кара-Булак (?), Тебук-Булак (Тюп), Дзиргалан-Булак (Джиргалан). Есть еще Тургенча-Булак (Турген-Ак-Суу) и Гурбан-Чакис-Булак (три Джергеса), которые соединяются на северо-западе с Джиргалан-Булаком и вместе впадают в Туз-Кель,²
- Реки, впадающие в озеро с юга: Аршату-Булак (Ак-Суу), Кара-Гол (Кара-Кол), Етикус-Булак (Джеты-Огуз), Ике-Улан-Булак (две Кызыл-Суу), Джаока-Булак (Джууку), Гурбан-Яркат-зин-Булак (три Джаргиль-чака), Баркон Тамка-Булак (Барскон и Тамга ошибочно слиты вместе), Тосор-Булак (Тосор), Тунг-Булак (Тон), Ак-Булак (Ак-Сай), Сэ-Булак (Тогуз-Булак?), Конгор-Елонг-Булак (Конгур-Ёлён, ныне Кара-Суу, а в Ысык-Кель впадает под названием Ак-Терек), Убуши-Булак (Тура-Суу?), Аола-Булак (?).

Кочкор и Джоон-Арык³ (в тексте Юл-Арик-Булак) ошибочно приняты за северо-западные притоки Ысык-Кёля. В то же время Дай-цинъ-и-тун-чжи утверждает, что озеро в северо-западном берегу выступает из берегов и выделяет от себя течение, поток, который изливается в Или. Это и есть, очевидно, р. Чуй, которая, по тому же источнику, вытекает из северо-западной части оз. Туз-Кель, но не изливается с р. Или, а впадает в озеро Коши-Куль.⁴

Из озер укажем еще на Сенггёр-Нор.⁵ Оно 50 ли в окружности, бессточное, расположено к югу от Эдемек-Даба. На карте Я. Ханькова⁶ в низовьях р. Джумгал, там, где может быть это озеро, размещено безымянное

1 Там же, р. 439-440.

2 Там же, с. 440. Причем подчеркнуто, что Джиргалан самый большой приток озера.

3 Там же.

4 Там же, с. 433.

5 Там же, стр. 441.

6 ЦГВИА, ВУА, к. 416, д. 458, Рукопись.

озеро, а к юго-востоку от него под 41° с. ш. – Сенгер-Кёль. Нам кажется, что Сентгёр-Нор скорее всего – Сон-Кель. На это указывает положение Сон-Кёля по отношению к Эдемек-Даба,¹ которая, по Дай-цинъ-и-тун-чжи, простирается до гор в югу от Туз-Кёля. У Клапрота² географическое положение Сон-Кёля, данное по китайским сведениям того же периода, также не сходится с действительным положением озера, оно отодвинуто к западу.

О реке и стране Чуй. В Дай-Цинъ-и-Тун-Чжи о них дано следующее описание. Река Чуй вытекает из северо-западной части Туз-Кёля; протекая 200 ли она пересекает Кондулай-Ола; потом на северо-западе разделяется и дает рукав, который течет на восток (?) и образует озеро Ноху-Нор (?); затем течет на северо-запад на протяжении 1000 ли. Это самая большая река северо-западных границ от Или. Невозможно счесть всех притоков, впадающих в неё с запада (т. е. левых притоков). Все они берут свое начало от Кубакай-Ола (Киргизский Ала-Тоо) и в поворотах граничит с горами на западе (?). Каждый из них течет 100 или 200 ли и впадает в Чуй, которая в свою очередь впадает на северо-западе в Коши-Куль.³

Страна при реке Чуй лежит к северо-западу от оз. Туз-Кёль, простирается на 500 ли и обильно орошена; она обладает прекрасными лугами и удобна для пастьбы скота. Страна Чуй на севере за горами Иргайты-Ола (т. е. за горами Чуй-Илийского водораздела) граничит с Казахами левого крыла.⁴

Из притоков р. Чуй перечислены, главным образом, те, которые берут свое начало в горах Киргизского-Ала-Тоо, а именно (с востока к западу):⁵ Салату (страна при реке между гор названа Салкиту (ветряный) – Жел-Арык (?), Улан-Усу (Кызыл-Суу); Шамши указана как страна, а не река; Гегету-Гол (р. Кегети, страна при реке названа Гегету-Бурана), Ашиту-Гол (Ысык-Ата), Дабу-суту-Гол (Норус). Арчату-Гол имеет 2 истока, которые самостоятельно текут на север 70 ли, а потом соединяются, и через 50 ли впадает в р. Чуй. Это р. Аламюдин с Ала-Арчой. Далее: Илан-Баши-Гол

1 О положении горы Эдемек-Даба и ур. Эдемек. см. выше.

2 Carte de l'Asie centrale. Paris, 1836.

3 Journal Asiatique, t. VIII, p. 433.

4 Там же, с. 401.

5 Там же, с. 401-402, 433-436.

(р. Джиламыш, она не доходит до р. Чуй), Куке-Сар-Гол (?), Соголук (Сокулук), Чаган-Усу-Гол (Ак-Суу), Кара-Балту-Гол (Кара-Балта), Гурбан-Ханату-Гол (Три Каинды), Аши-Бурур-Гол (Ашпара), Мерген-Гол (Мерке). При этом Дай-Цинь-и-Тун-Чжи указывает, что Гурбан-Ханату-Гол (Кайынды) и Аши-Бурур-Гол (Ашпара) впадают в Мерген-Гол (Мерке). Отсюда можно предположить, что под Мерген-Голом подразумевается не только р. Мерке, но и Курагаты.¹

*О реке и стране Талас.*² Как уже отмечено выше, р. Талас начинается от Эдемек-Даба, на севере Небесных гор и там разделяется на 4 ветви, которые через 30 ли соединяются и текут на север. Имеет 10 притоков, впадающих с востока и запада. Там, где эти ветви соединяются, образуется большой поток 200 ли протяжения. Это и есть Талас-Гол. Верхнее течение Талас-Гола называется Умо-малар-Гол (Ур-Марал или Уюрлю-Марал). После того, как он сделает 300 ли на запад, его называет еще Чалакия-Гол (?). Затем делает поворот и течет 200 ли на север и образует небольшое море 300 ли в окружности. Его называют Талас-Гол.

Из притоков Таласа указаны Эдемек-Гол, Гурбан-Джергэ, Кара-Гол, Кюмюш-Гол, Кара-Буура и Арша-Гол. По карте М.Ж. Клапрота, Гурбан-Джергэ соответствует Уч-Кош-Саю, а Эдемек служит одним из ее притоков. Истоки Кара-Гола лежат в западной части Кубакай-Ола (Киргизский-Ала-Тоо), что несомненно нынешний Карал-Кол, один из вершин р. Талас. Кюмюш-Гол и Кара-Буура-Гол начинаются с одноименных гор. Это – реки, известные ныне под теми же названиями. Об Арше-Голе мы уже касались выше. Упомянуто еще о Мин-Булаке или Тысяче Источников, которые выходят к северу от гор Кара-Буура-Даба (Таласский хр.).

Р. Нарын, по Дай-Цинь-и-Тун-Чжи,³ начинается с северо-западной части Цунлина и протягивается на 1000 ли. Берега реки населены и культивированы. Она принимает множество притоков, которые увеличивают ее, и в то же время распадается на ветви. Впадает в оз. Дариган (у Н. Я. Бичурина

1 На карте М.Ж. Клапрота (Carte de l'Asie centrale. Paris, 1836) ошибочно показаны впадающими в Курагаты рр. Куке-Сар, Сокулук, Ак-Суу и Кара-Балта.

2 Journal Asiatique, t. VIII, p. 403, 436-438.

3 Magasin Asiatique, Octobre, Paris, 1825, p. 84.

– Далиган) – Аральское море. Выходит, что под Нарыном китайцы понимали не столько р. Нарын, сколько Сыр-Дарью.¹

Реки Таримского бассейна. Из рек Таримского бассейна нас интересуют те, которые лежат в пределах современной Киргизии, в частности рр. Верхний Кызыл-Суу, Какшаал, Сары-Джаз. В бассейне Кашгарского Кызыл-Суу, кроме собственно Кызыл-Суу, указана р. Кёк-Суу. Подробно перечислена речная сеть Какшаала и Сары-Джаза, причем приведены координаты их истоков. Так, согласно Си-юй-шуй-дао-цзи исток западной ветви р. Ак-Суу (т. е. р. Какшаал) находится под 40°50' с. ш. и 40° 50' долготы (от Пекина),² исток восточной ветви (т. е. р. Сары-Джаз) под 40°30' с. ш. и 39° долготы (от Пекина).³ Западная ветвь (р. Какшаал) выходит из гор Ка-кэ-шань (Какшаал-Тоо), а восточная (р. Сары-Джаз) – из гор Чу-кэ-да-р и называется Ху-ма-ла-кэ.⁴

На этом мы ограничим краткий обзор китайских географических сведений о природе Киргизии. Они свидетельствуют о том, что (1) китайцы в XVIII в. и первой четверти XIX в. располагали обширными для того времени географическими сведениями, картографическими материалами и астрономическими определениями, чего нельзя сказать о западноевропейской науке. Россия в XVIII в. еще уступала Китаю в географическом изучении территории Киргизстана; но, начиная с XIX в., ведущая роль в познании природных условий края прочно перешла к представителям русской науки. (2) Китайцы имели, в целом, правильное представление об орографическом строении и гидрографической сети Тянь-Шаня, довольно верно размещали основные географические объекты страны. (3) По некоторым районам, объектам (Пер. Музарт, хр. Восточный Какшаал-Тоо, бассейн р. Кызыл-Суу и др.) сведения эти носили детальный характер и (4) наоборот, о Внутреннем и Юго-Западном Тянь-Шане, географических объектах, тяготеющих к бассейнам рр. Нарын и Сыр-Дарья, китайские известия были незначительными или ничтожными, основанными на расспросных данных. (5) В силу этого допускались неправильные толкования о природе

1 Н. Я. Бичурин, т. III, с. 40.

2 Зап. Р. Г. О., по отд. этногр., т. VI, 1880, с. 125.

3 Там же, с. 126.

4 Там же.

отдельных орографических объектов и их ошибочная комбинация: о якобы горящих горах («вулканах») в Тянь-Шане, о сточности оз. Ысык-Кёль, о наличии сквозной Таласской долины, начиная от горы Укэк, вдоль южной окраины Киргизского хребта и т. д.

Эти и другие ошибки, как и следовало ожидать, не могли снизить достоинства китайских известий и в свое время был должным образом оценен крупный вклад, большая заслуга китайской науки в деле географического изучения Средней Азии, в особенности Тянь-Шаня.

В Западной Европе, отчасти в России, географические и картографические произведения, посвященные Средней Азии или Туркестана, как правило, базировались на китайских источниках. Лучшее картографическое изображение Средней и Центральной Азии, в т. ч. и территории Киргизии, до середины XIX в. – Карта Центральной Азии М.Ж. Клапрота¹ – была целиком основана на китайских материалах. По свидетельству самого автора, карта эта была составлена по китайским картографическим произведениям, географическим описаниям и дорожникам, изданным, начиная с середины XVIII в.² В частности, крупные орографические элементы Тянь-Шаня здесь нанесены согласно вышеприведенных китайских данных, а также некоторых русских источников.³ К. Риттер, А. Гумбольдт и др. представители западноевропейской науки в своих теоретических построениях и обобщениях по географии горных стран Средней и Центральной Азии постоянно опирались на китайские сводки.

В России китайские известия Нового времени были блестяще использованы русскими китаеводами Н. Я. Бичуриным и И. И. Захаровым. Первый из них в 1851 г. представил интересную карту к «Истории народов, обитавших в Средней Азии в древние времена»,⁴ а второй – лучшую для того времени карту Тянь-Шаня и Джунгарии, изданную в 1858 г.⁵

(6) Наконец, отметим существенное значение Географического словаря Западных стран (Си-юй-тун-вэн-Чжи) (1763) и других географических,

1 М. Клапрот. Carte de l'Asie centrale. Paris, 1836.

2 Н. М. Шукина. Как создавалась карта Центральной Азии, Географиз, М., 1955, с. 51.

3 Об этом ниже.

4 Н. Я. Бичурин. Собрание сведений... т. III, 1953, Приложения.

5 И. В. Мушкетов. Туркестан. т. I, с. 182.

статистических трудов в объяснении, расшифровке топонимики многих орографических объектов Киргизстана. Названия таких пунктов и рек, как Талас (на калмыцком языке означает «Широкие степи»), Чуй (на калмыцком языке «Мутная»), Кара-Кол (Кара-Гол – «Черная река») и др. и их смысловое значение становятся ясными лишь благодаря китайским источникам.

2.3.3. Западно-Европейские географические известия

Со времени великих географических открытий и вступления в капиталистический путь развития господствующие силы Западной Европы были заняты завоеванием и колонизацией Нового Света, народов Африки, приморских стран Азии. Страны же Центральной, особенно Средней Азии в этот период оставались в стороне от этой «цивилизующей» миссии Запада, но постепенно попадали в орбиту политических и экономических интересов России.

В течение середины XVII – середины XIX вв. Тянь-Шань, как и раньше, не был объектом непосредственного изучения западноевропейских исследователей, если не считать вынужденное пребывание шведа Рената¹ в калмыцком плену и астрономические изыскания иезуитов-миссионеров в Западном Крае по распоряжению китайских властей. К сожалению, они не оставили географического описания посещенных стран. Ренат вывез из плена интересную калмыцкую карту Джунгарии, а работы иезуитов составили математическую основу новых карт Средней Азии вплоть до последней четверти XIX века. Некоторые данные по маршруту Кашгар-Коканд оставил индийский путешественник Мир-Иззет-Улла (1813),² бывший на службе у англичан.

Таким образом, географические представления Запада о природе Киргизии в Новое время не могли базироваться на оригинальных произведениях западноевропейских исследователей. Поэтому ученые круги в Англии, Германии, Франции и др. странах при картировании территории Края или описании Тянь-Шаня опирались, с одной стороны, на китайскую

1 О Ренате см. ниже.

2 Маршрут Мир-Иззет-Улла приведен у К. Риттера (Землевед. Азии, Вост. или Китайский Туркестан. В. I, 1869, с. 214-224).

и русскую географическую литературу XVIII и первой половины XIX вв., с другой – на средневековые, отчасти, древние источники, которые нашли широкое отражение в многочисленных картографических произведениях и компилятивных обозрениях. На этих сведениях основаны и классические труды М.Ж. Клапрота,¹ К. Риттера² и А. Гумбольдта,³ откуда нагляднее всего виден уровень географических знаний того времени о природе Средней Азии, в т. ч. Киргизии. Прежде чем перейти к рассмотрению этих трудов, кратко проследим за расширением географических представлений на Западе, начиная с середины XVII века.

Картографические представления. В течение XVII и первой четверти XVIII в. в Западной Европе Тянь-Шань и Памир, как и прежде, изображали по старым сведениям, заимствованным преимущественно из географии Птолемея и описаний средневековых путешественников. Характерны в этом отношении карты «Тартарии» С. Сансона д'Аббевилле (1654),⁴ Кантелли (1683),⁵ Г. д'Исте (1706),⁶ Карта Азии Н. Фишера (без года издания)⁷ и др. Новая карта Российской империи Н. Витсена (1678), исправленная и дополненная позже (1704) Э.И. Идесом⁸ также не вводит ничего нового в познание края.

Определенный сдвиг в картировании географических объектов Киргизстана был сделан в 20-х – 30-х годах XVIII в. Мы имеем в виду карты России Табберта (Штраленберга, 1730) и Зеутера (1736), калмыцкую карту Джунгарии, известную более как карта Рената 1738 г., Генеральную карту Китая, Китайской Тартарии и Тибета д'Анвиля (1734), карту Российской и Китайской Тартарии Хасиуса (1730, издана в 1739 г.), созданные исключительно на основе русских и китайских материалов.

1 M.J. Klaproth. Memoires relatifs a l'Asie. Paris, t. 1, 1824, t. 2, 1826; его же: Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1826; Carte de l'Asie centrale. Paris, 1836.

2 C. Ritter. Die Erdkunde von Asien. Berlin, 1832. На русском языке его: «Землеведение Азии». т. I, изд. в 1856 г. Описание Тянь-Шаня в т. II, 1859.

3 A. Humboldt. Asie centrale. t. 1-3, Paris, 1843. На русском языке: Центральная Азия, т. I, М., 1915.

4 S. Sanson d'Abbeville. Description de la Tartarie, tiree en partie de plusieurs cartes etc. Paris, 1654.

5 Giacomo Cantelli. La Gran Tartaria diuisa nelle sue parti principali etc. Roma, 1683.

6 G. de l'Iste. Atlas nouveau. См. Изв. Узбекист. филиала АН Уз. ССР, 1941, № 3, Ташкент, с. 72.

7 N. Visscher. Asie nova delineatio.

8 N. Witzten – E.I. Ides. Nova Tabula Imperii Russici etc.

На карте Табберта¹ посреди страны располагаются горы Терек-Даван, служащие водоразделом систем Сыр-Дарьи и Тарима. Продолжаясь от меридионального Болора (Белур) на север, они приблизительно под 44° с. ш. упираются в широтную горную цепь. Последняя начинается от правобережья Сыра под 92° в. д. и тянется до 115° в. д. В западной части она названа Арга-Тау или Арка-Ола, восточнее стыка с горами Терек-Даван – горы Адонкураи, а дальше (от 103° в. д.) – Музартскими горами (хр. Халык-Тау). К территории Киргизии можно приурочить еще горы Санташ (хр. Кызыл-Кыя), Аспера-Тау (Алайский и Туркестанский хребты), местоположения которых по широте даны исключительно верно, и, Кашлук (Кастек) простирающихся меридионально западнее оз. Ысык-Кёль. В целом удачно передано верхнее течение р. Сыр-Дарьи, один из истоков которой составляет Арш (Арысь).

Из этого перечня видно, что Табберт (Штраленберг) впервые очертил ряд орографических объектов, неизвестных в Западной Европе. Располагая богатыми фактическими материалами, особенно русскими источниками,² он довольно умело скомбинировал объекты, но не сумел до конца преодолеть влияние ложной Птолемеевой схемы строения гор Средней Азии. В то же время Табберт, не разобравшись в источниках, допустил явную путаницу в изображении отдельных гидрографических объектов, в частности оз. Ысык-Кёль и р. Талас. На карты нанесены: оз. Issech Kul или Kolan Usun к юго-востоку от оз. Балхаш; оз. Sikul у южного подножья горы Санташ (хр. Кызыл-Кыя) и, наконец, оз. Sutkul у западной оконечности Музартских гор между 43°-44° с. ш. и 103°-104° в. д. Первые два, несомненно, есть изображение одного и того же озера Ысык-Кёль, а последнее, при данном положении, также может быть принято за оз. Ысык-Кёль.

Грубо искажено и течение р. Талас. Она течет с севера (из озера под 52° с. ш.) на юг и, принимая в себя р. Тургай (?), впадает в р. Сыр-Дарья около 85° в. д. Р. Чуй, известная по чертежам С. Ремезова, отсутствует на карте. Но почему-то фигурирует на ней обширное болотистое пространство, нанесенное к северу от Верхнего Сыра и к западу от гор Терек-Даван.

1 Мы пользовались экземпляром карты Табберта (Штраленберга), хранящимся в ЦГВИА (ф. ВУА, д. 19879).

2 Ф.И. Табберт (впоследствии Штраленберг), шведский офицер, после пленения во время полтавской битвы, в течение 13 лет находился в Сибири и имел широкий доступ к русским картографическим и др. материалам, в т. ч. чертежам Ремезова, которыми и воспользовался.

Карта Русской и Китайской Тартарии И.М. Хасиуса (1730)¹ в изображении интересующего нас края представляет несомненный прогресс перед картой Табберта. На ней довольно удачно даны течения рр. Талас, Чуй (на карте *Sui, Zui, Tschoi*) с левым притоком, соответствующим Курагаты, Нарын, Чуй и Талас, как и на карте д'Анвиля, впадают соответственно в озера Кал-Гол и Сикирлик. Кроме реки Талас, нанесена еще р. Тараз, правый приток Сыр-Дарьи.

На карте Хасиуса уже устранены ошибки Табберта в изображении оз. Ысык-Кёль. Здесь четко нанесено одно, причем сходное по форме с Ысык-Кулем, озеро *Tuskol*. У восточной оконечности его видны два залива, куда впадают реки, текущие подобно Тюпу и Джиргалану с юго-востока. Однако, величины, показанные на карте, превышают действительные размеры озера: при ширине 100 в. длина немногим более 200 в.

Орографические объекты карты Хасиуса беднее гидрографических. Меридиональный Терек-Даван Табберта заменен менее выразительным: *Arou Tau*. Мощная широтная горная цепь карты Табберта, простирающаяся от Сыр-Дарьи через Музарт до Турфанской впадины также отсутствует. Вместо неё к западу от озера *Tuskol* в беспорядке разбросаны горы, из которых заметно выделяется цепь, напоминающая Каратау.

Карта русской и китайской Тартарии Хасиуса отличается от карты Табберта более удачным изображением ряда географических объектов Киргизии, а от карты д'Анвиля – богатством содержания. Обращает на себя внимание почти идентичное нанесение некоторых объектов на картах Хасиуса и Джунгарии («Карта Рената»), напр. оз. Балхаш, оз. Ысык-Кёль, рр. Чуй, Талас. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что карта после составления (1730) подвергалась дополнениям и издана (1739) уже с учетом новых источников, особенно китайских, которые легли в основу Генеральной карты Китая, Китайской Тартарии и Тибета д'Анвиля (1734) и калмыцкой карты Джунгарии. Однако, на карте сохранились и объекты (город *Bilasagun* между рр. Чуй и Талас, город *Bersagian* (Барсхан) на восточном берегу оз. *Tuskol* (Ысык-Кёль) и др.), переставшие существовать еще в средневековье.

1 Мы пользовались экземпляром карты, хранящимся в ЦГВИА (ВУА, ф. 416, д. 4).

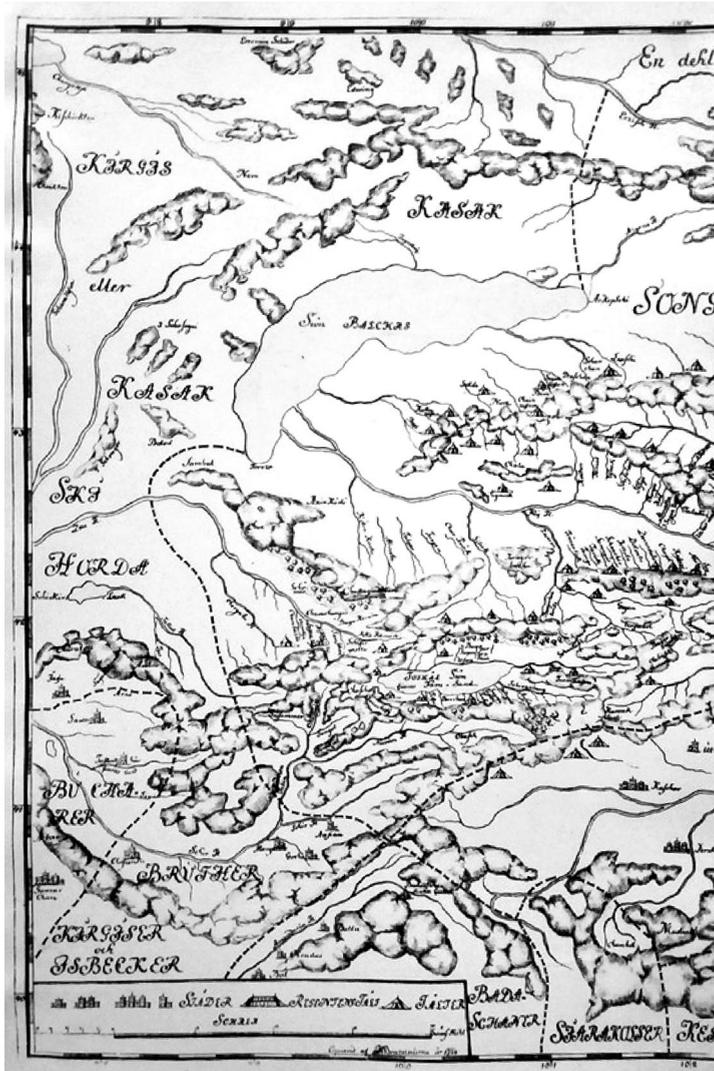

Рис. 16. Фрагмент Калмыцкой карты Джунгарии, 1734 («карта Рената»).
Из личного архива С. Умуракова.

Наиболее полным и удачным сводом географических знаний о Киргизии первой половины XVIII в. явилась калмыцкая карта Джунгарии, вошедшая в историю как карта Рената.¹

Карта, кроме юго-восточной части Казахстана, части Западного Китая, охватывает и территорию всей современной Киргизии, т. е. пространство между 40°- 45° с. ш. и 98°- 107° в. д. от Ферро.

Основные орографические объекты Киргизстана получили на карте довольно верное и подробное изображение. Наряду с очертаниями главных горных хребтов и крупных рек, нанесены и более мелкие реки, а также леса, города, кочевки и границы стран. Всего на территории Киргизии обозначено не менее 50 географических объектов, значительно больше, чем на карте Табберта.

Удачно отражены на карте орографические особенности Тянь-Шаня: преобладание широтно вытянутых хребтов с дугообразным строением, наличие межгорных долин. Хотя хребты в большинстве своем и не названы, тем не менее их не трудно расшифровать ввиду явного сходства в очертаниях и в географическом положении с существующими горными сооружениями. Так, можно уверенно признать в хребтах, окружающих озеро Ысык-Кёль (Toskol sion) с севера и юга, соответственно Кунгей-Ала-Тоо и Терсей-Ала-Тоо. Водораздельный между бассейнами Нарына и Тарима и ориентированный с северо-востока на юго-запад хребет, это, несомненно, Какшаал-Тоо. Дугообразная цепь, окаймляющая долину р. Сыр-Дарьи с

1 А. И. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. Зап. Р.Г.О. по общ. геогр., т. XI, 1888 с картой, озаглавленной «Songarizka Kalmukie hwarunder Kottonerne hoza». Позже она была опубликована в Petermanns Mitteilungen (57, 1911, Februar, Fafel 14) под названием «Renats karte der Dsungarei, des Ost – Turkestan und des Lopnor, 1738.»

Швед Иоганн Густав Ренат, возвращаясь в 1733г. из калмыцкого плена на родину, вывез с собою калмыцкую карту Джунгарии. Долгое время, пока не выяснилось ее калмыцкое происхождение, считалось, что она составлена Ренатом во время его семнадцатилетнего пребывания в плену. Но позже, в 1890 г., стало известно, что так называемая карта Рената на самом деле является лишь шведской копией калмыцкой карты Джунгарии, причем латинская транскрипция калмыцких названий, согласно В. В. Бартольда, была сделана в Петербурге при участии русско-го знатока калмыцкого языка Василия Бакунина. Кроме того, А. И. Макшеевым было высказано вполне резонное мнение о китайском происхождении данной карты. Однако, несмотря на очевидную ясность этого вопроса, в новейшей работе Н.П. Шукиной (Как создавалась карта Центральной Азии. М., Географгиз, 1955, с. 33) вновь утверждается об авторстве Рената над упомянутой картой, что нам кажется довольно странным.

юга, сходствует с очертаниями Алайского и Туркестанского хребтов. Также легко можно установить очертания Заилийского Ала-тау, Киргизского и Таласского хребтов.

Некоторые хребты надписаны и значатся под современными названиями. Таковые горы Каратау – северо-западной отрог Тянь-Шаня, Тасминская гряда, хр. Сон-Кель-Тоо,¹ горы, составляющие Чуй-Илийский водораздел: Кастекский хребет, Кантау, Джамбул (Sambal).

Значительно большей подробностью представлена на карте Джунгарии гидрографическая сеть Киргизстана. Из рек Киргизии нанесены Чуй, Талас, Нарын с рядом притоков, а также реки Ысык-Кельского бассейна.

Интересно изображение самого озера Ысык-Кель. Озеро названо Toskal (Туз-Кель) Sion с прибавлением finnes Farn-Land («Здесь есть железный песок»)² Очертания озера даны лучше и вернее, чем во всех предыдущих картах. Однако, оно уменьшено более чем вдвое. При максимальной длине в 182 км и ширине 58 км, озеро на карте Джунгарии имеет 82 км в длину и до 20 км в ширину.

Из притоков озера нанесены: с востока – Тюп и Джиргалан с притоком Аршату (Ак-Суу).³ Остальные пять притоков Джиргалана не надписаны; с юга – Джеты-Огуз, Джууку, Барскон, Тосор. Sagan Usun, обозначенный между Джеты-Огузом и Джууку, может соответствовать р. Чон Кызыл-Суу. С севера показано также шесть притоков, причем самый восточный из них назван Gurtan Sain, а последующие два – 3 Van Sagan Usun, которые, по Н. А. Аристову, соответствуют трем Ак-Суу.⁴

Также подробно перечислена и система р. Чуй. По карте Джунгарии у нее 9 левых притоков и ни одного правого притока. В числе левых притоков находим Шамши, Аршиту (Ысык-Ата), Sagan Usun (Ак-Суу?), Камбалту

1 А. Макшеев думает (Зап. Р.Г.О. по общ. геогр., т. XI, 1888, с.126), что надпись »Son Kul» на карте Рената означает озеро Сон-Кель. Однако, обозначения самого озера на карте нет. Надпись сделана на горе.

2 Имеются ввиду, очевидно, магнитно-железистые образования, приносимые горными речками и отлагаемые по берегам озера (см. И. В. Мушкетов. Собрание сочинений. В. I, 1910, с. 194.

3 Аршату на калмыцком языке означает «теплый источник» (В.Г.О., учен. архив, разр. 65, оп. I, № 11, с. 489). Название реки происходит, по-видимому, оттого что в долине р. Арашан, левого притока Аксу, имеется ряд теплых минеральных источников.

4 Там же, с. 487.

(Карабалты), Курагаты, Onarbia (?)). Правые притоки Чуя – Кичи-Кемин, Кара-Конуз, Ргайты не нанесены на карту, но на месте этих долин сделаны надписи соответственно *Vaga Kemin*, *Charachungus*, *Schomis*. Верховьем р. Чуй показан *Icke Kemin* (Чон-Кемин). Кроме того, на месте рр. Кочкор и Кара-Куджур, составляющих действительные истоки р. Чуй, значатся изображения долин и надписи *Choschol* и *Charachosij*. Но течений, очертаний самих рек отсутствуют.

И. Исленьев, пользовавшийся при составлении своей карты¹ теми же китайскими источниками, что и автор карты Джунгарии, на месте Кара-Куджурской и Кочкорской долин показывает рр. Карагучар и Крош (Кочкор). Последний впадает в оз. Туз-Кель-Нор (Ысык-Кель). Что касается отсутствия самих рек на карте Рената, как и правых притоков р. Чуй, то оно, вероятно, результат досадного пропуска в шведской копии карты, чем которая и страдает.²

Наконец, о р. Нарын. Очертания реки на карте Джунгарии, в целом, переданы правильно. Река течет почти прямо на запад, образуя широкую долину между непрерывной цепью гор. В бассейне Кокомерена обозначены все три главные его притоки: Сусамыр, Кара-Кол и Джумгал (*Songol*).

О Занарынской и юго-западной частях Киргизии авторы карты не располагали необходимыми достоверными сведениями. Поэтому топонимика этих районов представлена значительно слабее, чем Северной Киргизии. Кроме того, здесь допущены грубые ошибки. Так, за верховье Нарына принята р. Атбаши (*Obasch*). Р. Сыр-Дарья начинается с Внутреннего Тянь-Шаня на меридиане р. Чон-Кемин и течет параллельно Нарыну.

В математическом отношении карта Джунгарии лучше карты России Табберта, но слабее карты И. Унковского. Астрономические указания карты оказались неверными и поэтому изображенная территория сжата со всех сторон к середине. К тому же имеется несоответствие между обозначением градусов и масштабом. Эти пороки карты, выясненные еще А. И. Макшее-

1 «Карта реки Иртыша южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших зёнгорских калмык владений, сочиненная Иваном Исленьевым 1777 года.»

2 На пропуски в шведской копии калмыцкой карты указано А. Макшеевым (Изв. Р. Г. О., т. XXVII, 1891, в. 6, с. 583, 584).

вым,¹ служат причиной ошибок в изображении географических объектов, но не снижает ее достоинств как первого картографического произведения, давшего подробный, правда, элементарный свод географических знаний о Киргизии, как важный источник в географическом познании края. Калмыцкая карта Джунгарии, наряду с картой р. Иртыша И. Исленьева, в течение целого столетия была лучшим картографическим изображением территории Киргизстана.

Что касается карты д'Анвиля 1734 г.,² то она, составленная по материалам китайских съемок первой четверти XVIII в., имела, по сравнению с предыдущими картами, лучшую математическую основу. Здесь впервые в европейских картах изображены очертания внешней, юго-западной цепи Тянь-Шаня, соответствующей системе Какшаал-Тоо. Другая цепь гор (Арга-Тау) протянута с юго-востока на северо-запад, а затем извилисто на север вдоль правобережья Сыр-Дарьи. Обе эти цепи гор соединяются на широте города Кашгар. В целом, верно ориентировано течение рр. Чуй и Талас, но истоки их отодвинуты слишком далеко на юго-восток. Озера Балхаш и Ысык-Кель отсутствуют.

Рассмотренные нами выше карты составляют важный этап в изображении географических объектов Киргизии для картографии Запада. За последующий период вплоть до известной карты Центральной Азии М. Ж. Клапрота 1836 г., в Западной Европе появились немало карт азиатских стран. Однако они, как правило, явились компиляцией русских и китайских источников, главным образом, трудов д'Анвиля и Исленьева и не внесли ничего ценного в картирование интересующей нас области. Примером такого рода произведений можно указать на немецкую карту русского государства Гюссефельда (1786),³ английские Карты Азии Арроусмита (1801 г. и последующие издания),⁴ французские – Бруэ (1814)⁵ и др. И лишь

1 Зап. Р.Г.О., по общей геогр., т. XI, 1888, с. 120.

2 На более поздних картах д'Анвиля (карта Северной Азии, 1753, ЦГВИА, ВУА, д. 20233; Карта Российской империи, 1759, ЦГВИА, ВУА, д. 20233) в изображении орогидрографических объектов страны нет существенного прогресса.

3 Издана в Нюрнберге в картографическом заведении Гомана. Об этой карте см. Изв. Узбекистанск. Филиала АН Уз. ССР, 1941, № 3, с. 72-74.

4 Arrowsmith, Asie, 1801.

5 H. Brue. Carte encyprotype de l'Asie etc. Paris, 1814.

карта Центральной Азии М.Ж. Клапрота (1836) внесла существенные изменения в представление о строении поверхности и гидрографической сети Киргизстана. Автором были широко использованы китайские карты, географические описания и дорожники, изданные со времени осуществления широких геодезических съемок и астрономических определений в Западном Крае в середине XVIII в. В результате этого Клапроту удалось дать лучшее картографическое изображение Центральной и части Средней Азии.

Рис. 17. Деталь карты Центральной Азии М. Ж. Клапрота (1833).
Из личного архива С. Умурзакова.

Географические объекты карты во многом отражают реальные контуры хребтов и речной сети Киргизии. Особенно подробно нанесены системы рр. Чуй, Талас, Нарын, бассейн оз. Ысык-Кёль. Оз. Ысык-Кёль по форме напоминает 4-х угольник, несколько вытянутый с запада на восток, принимает всего 31 приток, причем из него вытекает Кутемалдинка¹ и впадает в р. Коши-Куль (Кочкар). У р. Нарын обозначено 11 правых притока. Система р. Чуй дана по Дай-цинъ-и-тун-чжи.

На карте Клапрота еще немало погрешностей, изображен ряд несуществующих объектов. Оз. Сон-Кёль, вместо действительного его стока р. Кёкджерти, приписан ложный – Коротка (Куртку), вытекающий из юго-западной части озера. Р. Кара-Дарья принята за Верхний Сыр и течет параллельно р. Нарын, соединяясь с нею на меридиане Андижана и т. д.

Содержание карты показывает, что Клапрот при составлении карты пользовался не только китайскими, но и русскими материалами. Так, сведения о рр. Тарагай, Кутемалдинка и некоторых других им заимствованы из маршрутных данных русских купцов, добытых А. Гумбольдтом во время его путешествия по Западной Сибири в 1829 г.,² о местоположении киргизского рода Тынымсеит – из карты земель киргиз-казахов и Туркестана А. Левшина (1831) и др.

Карта Центральной Азии М.Ж. Клапрота явилась пределом достижений западноевропейской картографии и завершением периода картирования территории Киргизии по распросным данным и географическим писаниям. Опубликованные позже карты А. Дифура (1840)³ А. Гумбольдта (1843),⁴ Г. Киперта (1852-1864),⁵ А. Петермана (1858),⁶ А. и К. Блэк (1867)⁷

1 Но раньше, «поправляя» Исленьева, Клапрот утверждал, что из оз. Ысык-Кёль вытекает р. Чуй (Magasin Asiatique, T. I, Octobre, Paris, 1825, p. 24).

2 A. Humboldt. Fragmens de Geologie et de Climatologie Asiatiques. T. 1, Paris, 1831, p. 246-249, 284-288; Asie centrale. T. 3, Paris, 1843, p. 368-370, 399-400.

3 A.H. Difour. Carte de la Chine et des Etats-Tributaires, Paris, 1840.

4 A. Humboldt. Chaines de montagnes et volcans de l'Asie centrale 1843 (в его книге «Центр. Азия», т. I).

5 Карты Г. Киперта: Turan oder Turkistan (в III книге К. Риттера, «Землеведение Азии», Берлин, 1852); Neuer Hand Atlas uber alle Theile der Erde, Berlin, 1856 (карты № 26 – Asien, № 28 – Vorder Asien); General – karte Asien, Weimar, 1864.

6 A. Petermann. Karte vom Russisch – Chinesischen Grenzgebiet am Balchasch und Issyk-Kul etc. Petermanns Mitteilungen, IX, 1858, Gotha, Faf. 16.

7 A. and Ch. Black. General Atlas of the World new edition etc. Edinburgh, 1867.

и др., построенные на материалах Клапрота или копирующие его карту, в изображении основных географических объектов рассматриваемой страны оставались на уровне «Carte de l'Asie centrale» Клапрота. И если учесть, что карта эта была основана, главным образом, на китайских данных 2-ой половины XVIII в., то становятся очевидными условность достижений и низкий уровень западноевропейской картографии в изображении горной Средней Азии, а также её зависимость в этом от китайских и русских источников.

К. Риттер и А. Гумбольдт о природе Тянь-Шаня. Однако, картографические произведения еще не дают необходимого представления о географических познаниях Запада о природе Киргизии. Для этого надо обратиться к упомянутым выше трудам К. Риттера и А. Гумбольдта, которые, с одной стороны, представляют наиболее полный свод географических представлений до середины XIX в., с другой – их анализ и теоретическое обобщение, а также первые попытки научного объяснения строения горной страны Тянь-Шань.¹

Вся Средняя и Центральная Азия К. Риттеру представлялась «естественным типом очень высокого и обширного непрерывного нагорья, сильного надутья земной коры»² и что, массивные непрерывные плоскогорья остаются преобладающими и, несмотря на наличие колоссальных ограничивающих их горных цепей, обуславливают характер пластики всего Азиатского материка. Это огромное нагорье автором делится на две части: Восточную нагорную Азию и Западную нагорную Азию, различные «геометрическую фигуру, величиною и абсолютною высотой».³ Область между меридианами 88 и 90 в. д. (от Ферро) или меридиональный Болор служит границей двух частей Азии.

Одной из особенностей плоскогорья считается преобладающее направление его горных цепей от В.-Ю.-В. к З.-С.-З. и связанный с ним «замечательный параллелизм» окраинных хребтов, напр. Кунлуна и Тянь-Шаня.

1 Ввиду специального характера и узких рамок нашей работы, мы здесь касаемся лишь тех положений и выводов Риттера и Гумбольдта, которые относятся к Западному или Советскому Тянь-Шаню, а также их общие концепции на орографическое и геологическое строение Средней и Центральной Азии, необходимые для уяснения природных условий Киргизии.

2 К. Риттер. Землеведение Азии, т. I, с. 46.

3 Там же, с. 57.

Причину образовавшегося в Центральной Азии огромного «надутья земной коры», как и параллелизм хребтов, Риттер, вслед за Бухом и Гумбольдтом, видит в подземных силах или вулканических явлениях, где поднятие хребтов произошло по параллельным трещинам земной коры.

Тянь-Шань¹ автором относится к числу окраинных, параллельных хребтов. В отличие от Гумбольдта и Бергхауза, протягивающих Тянь-Шань от меридиана Самарканда до Тихого океана,² Риттер принимал его в более узких рамках, ограничивая меридианами Кашгара и Хами в 250 географических миль (1870 км), причем осевая часть хребта совпадает с 42° с. ш.

За самый высший пункт Тянь-Шаня принята трехглавая Богдо-Ола,³ – от которой хребет понижается на Запад и на восток. Затем он опять повышается на меридиане города Аксу, т. е. в области массива Хан-Тенир. Западная часть горной системы (между пер. Музарт и меридиональным Болором) – хребет Мустаг⁴ считается сравнительно невысокой. Такой вывод Риттер делает из того, что горные перевалы, лежащие на пути из Ысык-Кёля в Кашгар, нигде не превышают границу вечного снега. На этом отрезке Мустаг состоит из 3-х параллельных цепей: главной (горы Роват или Атбашинского хребта) и двух рядов предгорий, разделенных обширными продольными долинами. Северным предгорьем служит высокая гора Улакол, расположенная между р. Нарын и оз. Ысык-Кёль, южный же – безымянный хребет (Торгарт) к югу от оз. Чатыр-Кёль. Ширина всей Тянь-шанской системы на этом пространстве равняется 31 1/2 г.м. (235 км). Восточнее, по маршруту Санташ-Уч-Турфан, Мустаг, по Риттеру, становится гористее и распадается на четыре ряда высоких горных цепей: Дюнjureме (один из отрогов Терсей-Ала-Тоо в верховьях р. Барскон), Джууку (хр. Терсей-

1 Горная система Тянь-Шань или Небесных гор Риттером описывается во II томе его «Землеведение Азии» (СПБ, 1859. с. 7-171; О Западном Тянь-Шане см. с. 7-22, 85-91), дополненной П. П. Семеновым.

2 По Гумбольдту Тянь-Шань простирается на 468 г. м., по Бергхаузу – на 630 г. м.

3 По современным данным высшей вершиной Тянь-Шаня является пик Победы с высотой 7439 м., а высота г. Богдо-Ола лишь – 5445 м (Вопр. Геогр., Сб. 35, 1954, с. 308).

4 Характеристику хр. Мустаг Риттер дает на основе маршрутов русских путешественников (купцов, военных чинов и т. д.), полученных Гумбольдтом во время его путешествия по Сибири в 1829 г. (См. А. Humboldt. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens. Berlin, 1832, с. 114-115, 129-130).

Ала-Тоо), Келин-Тайгак (восточная часть хребта Борколдой) и Бедель (хр. Какшаал-Тоо).

Из данной схемы видно, что Риттер, в противоположность многим своим предшественникам, уловил характерную черту строения Тянь-Шаня – преобладание параллельных, широтно вытянутых цепей. Однако, строение Мустага он понимал упрощенно, примитивно, сводя всю горную систему к одной главной цепи (Атбашинский хр.) и двум предгорьям. Горные сооружения, расположенные между оз. Ысык-Кёль и Илийской долиной, рассматривались как северо-западная подошва Тянь-Шаня или уступообразная область нагорной Джунгарии.

Риттер много внимания уделял описанию вулканической природы страны. Незамерзаемость и другие свойства озера Ысык-Кёль он пытался объяснить также вулканическими явлениями, но вынужден признать, что «о природе озера, кроме богатств его берегов железняком, нам ничего не известно, и мы даже не знаем заселены ли в настоящее время эти берега, и какова собственно температура его вод, от которой получило оно свое название.»¹

При этом Риттер настойчиво отстаивал мнение о сточности оз. Ысык-Кёль и даже допускал, что из него вытекает не только р. Чуй, но и речка Кутемалдинка.

Ограничивая изложение основных взглядов К. Риттера на орографическое строение Средней Азии и природу Тянь-Шаня, в заключение укажем, что теоретической базой его далеко несовершенных и ошибочных положений явились ходовые в то время ложные концепции о существовании «высокой Тартарии», огромного центральноазиатского плоскогорья и вулканизма Тянь-Шаня. Первая из них, основанная на наивных донесениях средневековых путешественников, картографических изображениях Бюаша, Бюффона, д Анвиля, орографических схемах Палласа,² возникла во II половине XVIII в., а вторая – в 30-х, 40-х годах прошлого столетия благодаря Гумбольдту, одному из основателей вулканического направления в геологии.

1 К. Риттер. Землеведение Азии. т. 2, с. 88.

2 Д.Н. Анучин в кн. Центр. Азия А. Гумбольдта, т. I, М., 1915, с. ССXXXII.

Гумбольдт,¹ хотя и признает развитие плоскогорий в Азии, однако, отвергает гипотезу о едином огромном плоскогории в прежнем понятии. В то же время он допускает существование высокого Азиатского плато, ограничивая его 36-48° с. ш. и 79-116° в. д. (от Парижа). Ось плато направлена с юго-запада на северо-восток. Геологически это – главное поднятие Центральной Азии, оно древнее горных цепей. Плато – поднятие рассматривается также как ось всего азиатского материка.

Несмотря на наличие большого плато и плоскогорий, характер рельефа Центральной Азии, по Гумбольдту, все же определяют высокие горные системы, удерживающие «удивительное постоянство» 2-х направлений: широтных и меридиональных. Среди них Тянь-Шань и Болор имеют непосредственное отношение к территории Киргизии.

Тянь-Шань² входит в число 4-х мощных горных сооружений широтного простиранья, составляющих остов внутренней Азии. Начинаясь на меридиане Самарканда горами Асфераг или Актау, Тянь-Шань – под 72° в. д. пересекается меридиональной цепью Болор. Затем он продолжается Теректагом (Алайский хребет), Гакшалтагом (Какшаал-Тоо) и Темуртагом (восточный Какшаал-Тоо), имеющим северо-восточное направление. Далее к востоку от оз. Ысык-Кёль Тянь-Шань, изменив свое направление, протягивается между 42-43° с. ш. далеко на восток и заканчивается, не доходя 70 миль до Печелийского (Чжилийского) залива. Кроме этой главной цепи к системе Небесных гор относятся и хребты, расположенные к западу от оз. Ысык-Кёль между рр. Чуй и Сыр-Дарья. Из трех широтновытянутых хребтов здесь названы лишь самые северные – горы Кубакай с продолжением Буруя, соответствующие Киргизскому Ала-Тоо, но слишком отодвинутые к северу.

Болор,³ входящий в систему меридиональных поднятий, продолжается на север от Индийского Кавказа (Гиндикуша) за цепь Асфераг – Кипчак

1 А. Гумбольдт. Центральная Азия, т. I, с. 32-129.

2 А. Humboldt. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens. 1832, s. 28-37; его же: Центр. Азия, т. I, с. 115-129; Asie centrale. Paris, 1843, t. 2, p. 7-120.

3 О Болоре, как меридиональной цепи гор, см. А. Humboldt. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens. 1832, t. I, ss. 32-33, 36; его же: Центр. Азия, т. I, с. 92-101, 122-125; Asie centrale, t. 2, p. 365-412.

(система Алайского хребта). Гумбольдт думал, что он, пересекая Ферганскую долину между городами Ош и Наманган в виде снежных гор Казыкурт доходит до 45° с. ш., а затем под названием Каратау уходит на северо-запад. Болор и другие цепи меридиональных поднятий, ограничивающие материк с запада, им рассматривались как одна из крупнейших особенностей, наиболее характерной чертой рельефа Азии.

Орографическая схема Гумбольдта, как и его «Центральная Азия» вообще, была встречена в ученых кругах Европы с энтузиазмом и, благодаря его авторитету, сразу же обрела гражданство. Она представляла несомненный прогресс по сравнению со схемой Риттера, но будучи искусственным созданием, страдала существенными недостатками. Особенно, как выяснилось позже в результате исследований русских ученых, глубоко ошибочной оказалась меридиональная горная система Болор, Имаус древних, не существующая в природе.

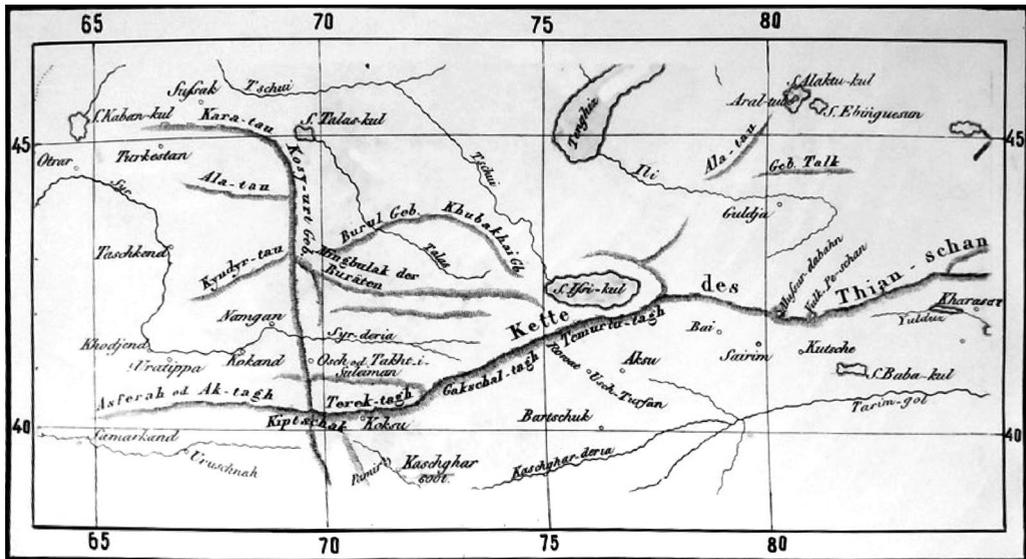

Рис. 18. Фрагмент карты Центральной Азии А. Гумбольдта.
Из кн. А. Humboldt. *Asie centrale*. Paris, 1843.

Ошибки во взглядах Гумбольдта на строение поверхности Средней Азии были порождены господствовавшим тогда вулканическим направлением в геологии. В противоположность односторонней нептонической гипотезе Вернера, приверженцы нового учения решающую роль в преобразовании земной поверхности приписывали вулканическим силам или, словами Гумбольдта, подземному действию эластических жидкостей. Поднятие магматических масс и образование горных хребтов, согласно этой теории, происходят по длинным продольным трещинам – разломам, что легко и просто объясняло преобладание параллельных горных сооружений в Средней и Центральной Азии.

Особое место в системе вулканических поднятий Гумбольдта занимает Тянь-Шань.¹ Представления об его вулканизме складывались из скудных и отрывочных указаний китайских и русских источников о «горящих» горах. «Несколько любопытных сведений относительно вулканических явлений» Тянь-Шаня² собрал сам Гумбольдт во время своего сибирского путешествия. Вот, по существу, чем располагала наука во II четверти XIX века о вулканических явлениях в Небесных горах. Эти, казалось бы, сомнительные и явно недостаточные для далеко идущих выводов, сведения были положены Гумбольдтом в основу его концепций о вулканической природе Тянь-Шаня. Увлеченный магической идеей вулканизма и стараясь всячески «подтвердить, укрепить новое учение» он стал комбинировать ненадежные сведения. Его не смущало и континентальное положение Небесных гор, отличное от истинного размещения существующих вулканов. Так фантастическим воображением «великого систематика» возникла в центре азиатского материка обширная вулканическая цепь Тянь-Шань.

Действующие вулканы здесь находились в средней, наиболее возвышенной части горной системы, названной Гумбольдтом вулканической областью Биш-Балиг с трехглавой Богдо-Ола и мощным вулканом Пешань или Байшань во главе. Даже указывалось точное географическое положение

1 О вулканизме Тянь-Шаня см. А. Humboldt. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens. t. I, s. 52-70; Asie centrale, t. 2, p. 20, 30-48, 70-89.

2 А. Гумбольдт. Центр. Азия, стр. 52.

ние Пешана 40°30' с. ш. и 74 в. д. (от Парижа).¹ Озера Алаколь и Ысык-Кёль г. Куллок составили западную, а вулкан Хо-Чеу под 92° в. д. (от Гринвича) – восточную окраину этой вулканической области. Кроме того, Гумбольдт, вслед за Идриси, допускал существование вулканической группы Ботам в горах Асфераг, а Большой Кавказ принимал за продолжение вулканического Тянь-Шаня, разделенного от последнего огромной страной – кратером – Арало-Каспийской впадиной.²

Таким образом, благодаря универсальной теории вулканистов легко объяснялись «многие геогностические и физические проблемы, казавшиеся неразрешимыми» прежде.³ Горная Средняя Азия, отличающаяся сложным рельефом и тектонической структурой, превратилась в страну с «замечательно простым» орографическим и геологическим строением. Гумбольдт «верил в существование вулканов Небесного хребта почти столько же, сколько Колумб в существование Нового Света.»⁴ Он гордился «учением» о вулканизме Тянь-Шаня как своим детищем. Однако, не суждено было сбыться этой излюбленной его гипотезе. Она стала рушиться как беспочвенное, искусственное создание еще при жизни Гумбольдта непосредственными исследованиями русских ученых, возвестившими новую эпоху в географическом изучении не только Киргизии, но и всей Средней Азии. Такая же участь ожидала и его искусственную орографическую схему Центральной Азии, которая была коренным образом пересмотрена русскими учеными во II половине XIX века и заменена новыми реальными положениями, основанными на анализе геологических и физико-географических особенностей страны.

Из всего сказанного вытекает, что:

1. К середине XIX в. западноевропейская наука располагала довольно значительными географическими сведениями и картографическими материалами о природе и населении Киргизии, заимствованными из китайских и русских источников;

1 А. Humboldt. Fragmente Asiaticques. t. I, s. 30.

2 А. Гумбольдт. Центр. Азия, стр.57.

3 Там же, с. 54.

4 П. П. Семенов. Предисловие переводчика. Землеведение Азии, К. Риттера, СПб, 1859, с. 33.

2. На их основе К. Риттер в своем классическом труде «Землеведение Азии» дал наиболее полный свод географических знаний о природе горной страны Тянь-Шань; А. Гумбольдт начертил схему орографического строения Средней Азии и обосновал гипотезу о вулканизме Тянь-Шаня; М.Ж. Клапрот на карте Центральной Азии лучше и более удачно, чем прежде, изобразил многие географические объекты Киргизстана.
3. Однако, это были лишь самые общие схемы орографической и гидрографической сети страны, а также первая попытка научно обосновать геологическое строение Небесных гор. Они страдали крупными недостатками и не отражали многие характерные черты природных условий края.
4. В целом же географические представления Запада о природе Киргизии, о горной стране Тянь-Шань в середине XIX в. оставались на низком уровне, в «младенческом состоянии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные и рассмотренные во II главе многочисленные географические и картографические сведения различных эпох и времен, представителей Востока и Запада свидетельствуют о постепенном, систематическом расширении представлений о природных условиях Киргизии.

Крупный вклад в географическое изучение страны внесли китайцы, которые начиная с II в. до н. э., пересекая различные цепи Тянь-Шаня, неоднократно посещали многие районы Киргизстана. Наиболее ранние и правдивые описания физико-географических условий и хозяйства края принадлежат китайским путешественникам Чжан Цяню (II в. до н. э.) и Сюань Цзану (VII в.). На исторических картах VII-X вв. впервые намечены реальные контуры основных орографических объектов страны. Широкие изыскания (астрономические определения, съемки, статистические описания и т. д.) китайцев в Западном Крае, осуществленные во II половине XVIII в., составили главную основу в географических представлениях нового времени о природе Киргизии.

В средние века немалую роль в расширении географических знаний сыграли арабские (ибн-Хордадбех, Кудама, Гардизи, Идриси и др.), среднеазиатские историки и географы (ал-Кашгари, М. Хайдар, З. Бабур и др.) и отчасти западноевропейские путешественники (П. Карпини, Г. Рубрук, М. Поло). М. ал-Кашгари на своей карте Мира (XI в.) предложил интересную схему расположения хребтов Средней Азии, состоящую из ряда широтных и меридиональных цепей. Аналогичную идею на орографическое строение Средней Азии намного позже развивал и А. Гумбольдт.

Начиная с XVIII в. инициатива в географическом изучении Края перешла к русским, которые, благодаря политическим и торговым связям с киргизскими племенами, к середине XIX в. накопили сравнительно богатый фактический материал о природных условиях, экономике и населении страны.

Таким образом, по мере общественного развития, разрушения феодальных, победы и упрочения буржуазных отношений, быстрого подъема науки и культуры, установления политических и хозяйственных связей между народами, неуклонно прогрессировали географические знания, расширялись рамки географических представлений. К концу рассматрива-

емого периода наука располагала значительными расспросными и оригинальными сведениями о природе и хозяйстве Киргизии, что дало возможность создать первые сводки географических знаний (Риттер, Нифантьев) и научно обосновать орографическое и геологическое строение страны (Гумбольдт).

Однако, сведения эти, собранные преимущественно расспросно и людьми, неподготовленными для научных исследований (торговцами, военными чинами, представителями религиозных сект и миссий и т. д.), носили элементарный, номенклатурный характер и не отражали реальную картину природных явлений. Причем их сбор производился не систематически, от случая к случаю, попутно, при исполнении служебных обязанностей (дипломатических миссий, торговых операций и т. п.), по определенным маршрутам – трассам караванных сообщений. Отсюда скудный, отрывочный и противоречивый характер географических известий о крае.

Относительно детальные описания, кроме путей сообщений, имелись лишь по ряду объектов (оз. Ысык-Кёль, р. Чуй, Ферганская долина и др.), да и эти сведения не могли дать достаточные представления о физико-географических особенностях объектов, напр., о глубине оз. Ысык-Кёль, температуре воды и причинах незамерзаемости озера, высоте гор или перевалов и т. д. Большая часть страны (бассейны рр. Нарын, Сары-Джаз, Кара-Дарья, Чаткал и др.) оставалась, по существу, неизвестной для науки и на географических картах первой половины XIX в. многие объекты комбинировались произвольно, наугад, а иногда изображались вовсе несуществующие объекты. В этом сказывалось не только отсутствие точных, достоверных данных и съемок местности, но и надежных астрономических определений. Координаты пунктов, содержащиеся в трудах средневековых (арабских и других восточных) авторов, а также определенные иезуитами во II половине XVIII в. преимущественно путем подсчета маршрутных данных, разнятся от действительных.

На основе имеющихся фактических данных и благодаря авторитету научного мира Запада, особенно Гумбольдта, к середине XIX в. сложилось представление о Тянь-Шане (1) как системе широко вытянутых хребтов, пересеченных на западе (2) меридиональной цепью Болор, (3) созданных вулканическими процессами и (4) обладающих современными действующими

щими вулканами. В отношении гидрографической сети страны утвердилось мнение (5) о гидрографической связи оз. Ысык-Кёль с р. Чуй, (6) о р. Гулишане (Кара-Дарья) как Верхней Сыр-Дарье.

Таковы главные, наиболее рельефные итоги географической изученности Киргизии до середины XIX века. Они свидетельствуют о том, что географические представления о горной стране Тянь-Шань в целом оставались самыми общими, примитивными, далекими от правильного объяснения особенностей, характерных черт её физико-географических условий. Географическая изученность страны, несмотря на многовековую историю, находилась в зачаточном, младенческом состоянии. И был прав Ч. Ч. Валиханов, один из выдающихся исследователей Киргизии, считая её территорию «если не совершенно *terra incognita*, как говорилось в старину, то по крайней мере трудным, научным ребусом..»,¹ что вполне закономерно для общественно-исторических условий первой половины XIX в. Честь решения этого «трудного, научного ребуса» принадлежит русским ученым, которому посвящена вся последующая часть нашей работы.²

1 Зап. Р.Г.О., кн. 2, 1861, с. 184.

2 Третью и четвертую главы данного исследования планируется опубликовать отдельным изданием.

ВАЖНЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ¹ (от античности до середины 19 в.)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Указаны годы и основные результаты исследований,
в скобках – страна, учреждение, организация, снарядившая
экспедицию, руководитель и ее участники

128-126, 118-115 до н. э.	Путешествия по Центральной Азии с дипломатической целью. Краткие сведения о населении и социально-экономической жизни стран и народов: Давани, (Фергана), Усунни (Тянь-Шань, Семиречье), Кангюй (Зап. Притяньшянье) (Китай; Чжан Цянь).
2 в. н. э.	Обобщение данных греко-римских авторов о крупных орографических объектах, государствах и народах Средней Азии; сведения о координатах отдельных местностей (Египет, (Римская империя); К. Птолемей).
630	Путешествие в Среднюю Азию. Переход через горы и долины Тянь-Шаня, описание ледникового пер. Музарт, оз. Иссык-Куль, Чуйской долины и др. мест (Китай; Сюань Цзан).
9-10 вв.	Путешествия в Среднюю Азию. Данные о географических особенностях отдельных орографических и гидрографических объектов, путях сообщения, городах и селениях Приферганья, Таласской, Чуйской, Иссыккульской долин, внутр. Тянь-Шаня, сведения о населении и хозяйстве (Ирак (Багдадский Халифат); Тамим ибн Бахр ал-Муттави; Ибн Хордадбех; Истахри; Ибн Хаукаль; Макдиси).

¹ Источник: Атлас Киргизской ССР. М., 1987.

982-983	Краткое описание крупных орографических единиц Тянь-Шаня (Буттем, Манс или Манис), сведения о местоположении и величине оз. Иссык-Куль, реках, городах и селениях составе населения Киргизстана, занятиях его (Афганистан (Государство Саманидов); анонимный автор книги «Худуд-ал-алам»).
11 в.	Путешествие по Средней Азии и другим тюркоязычным странам. Создание словаря тюркских слов, отражающего язык, жизнь и быт тюркских народов. На круговой карте мира, приложенной к Словарю, нанесены горные цепи, города, гидрографические объекты Киргизстана, в т. ч. оз. Иссык-Куль. (Государство караханидов; Махмуд ал-Кашгари (Махмуд Кашгарский).
16 в.	Общий обзор природы Ферганской долины и ее горного обрамления, населения и городов края (Индия; Захириддин Бабур)
16 в.	Путешествие по Средней Азии. Историко-географический обзор Моголистана (Тянь-Шань и сопредельные территории), описание оз. Иссык-Куль, сведения по истории киргизского народа (Моголистан; Мухаммед Хайдар).
16 в.	Сведения о киргизах и других тюркских племенах, их родо-племенной структуре; эпизоды из эпоса «Манас» (Государство Шейбанидов; Сайфаддин Ахсикенди).
1722-24	Путешествие по Джунгарии и Вост. Прииссыккулью с дипломатическими целями. Составление карты бассейна р. Или, оз. Иссык-Куль и сопредельных территорий. Сведения о природе и населении края (Россия; И. С. Унковский).
18 в. (до 1733 г.)	Создание т. н. Калмыцкой карты Джунгарии (ошибочно приписывали шведу И. Г. Ренату), отражающей крупные черты орографии и гидрографии Киргизии (Китай).

1777	Отражение на карте р. Иртыш, Южн. Сибири и Джунгарии, территории Киргизии и сопредельных районов, подробнее – гидросети; дано размещение киргизов (Россия; И. И. Исленьев).
1785-93	Путешествие из Чуйской долины (Сев. Киргизия) в Зап. Сибирь (Омск) и Центр. Россию (Москва, Петербург) с дипломатической целью (Киргизстан, племя Сары-багыш; А. Кучаков, Шергазы).
1785, 1795, 1796	Описание тяньшаньских киргизов, их родо-племенного состава и населения. Сведения о природе края (Россия, ЗСА; И. Г. Андреев).
1813	Путешествие из Зап. Сибири (Омск) в Вост. Киргизию до верховьев р. Нарын. Сведения о реках, горах, характере растительности и др. по трассе караванного пути. Указание на незамерзаемость оз. Иссык-Куль (Россия. ЗСА; А. Л. Бубенов).
1814-15	Путешествие из Вост. Прииссыккуля в Зап. Сибирь (Усть-Каменогорск, Омск) с дипломатической целью (Киргизстан, племя Бугу; К. Шералин, Д. Ниязбеков).
1820, 1821	Описание пути и составление маршрутной карты от крепости Семипалатной до Южн. Тянь-Шаня мимо оз. Иссык-Куль (Россия. ЗСА; Мокин, 1820; Н. Лещев, 1821).
1824-25	Путешествие из Вост. Прииссыккуля в Зап. Сибирь (Семипалатинск, Омск) с дипломатической целью (Киргизстан, племя Бугу; А. Олджобаев, А. Шералин, А. Джапалаков).
1825	Путешествие из Зап. Сибири (Омск) в Вост. Киргизию, пересечение с севера на юг всех главных горных цепей Тянь-Шаня; описание оз. Иссык-Куль, природных объектов по маршруту и сведения о торговых путях через Тянь-Шань (Россия. ЗСА; Ф. К. Зибберштейн).

1831, 1843	Обобщающая характеристика Тянь-Шаня как горной системы – одной из главных в Центр. Азии, об ее якобы вулканическом происхождении и сточности оз. Иссык-Куль (Германия; А. Гумбольдт).
1832	Общегеографическое описание Тянь-Шаня как системы параллельных широтновытянутых хребтов, о господстве в ней горы Богдо-Ола (Германия; К. Риттер).
1833	Издание в Париже карты Центр. Азии с подробным, но малодостоверным изображением орографии и гидрографической сети горной Средней Азии (Франция; Ю. Клапрот).
1851	Публикация первой специальной обобщающей работы о Киргизии с комплексной ее характеристикой (природа, население, хозяйство, общественно-экономические отношения, историко-археологические памятники (Россия. ЗСА; Е. П. Воронин, Т. Ф. Нифантьев).
1851	Издание «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (т. 1-3, с картой), содержащего значительный материал об исторической географии Киргизии, ее населении в древности и средневековье (Россия. АН; Н. Я. Бичурин (Иакинф)).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО	Всесоюзное географическое общество
ВДИ	Вестник древней истории
ВУА	Военно-ученый архив
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
РГО	Русское географическое общество
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин Р. И. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри. Труды института почвоведения и геоботаники Сред.АзГУ. В. 5, Ташкент, 1930.
2. Античная география. М., 1953.
3. Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера. В 2-х частях. Геогр. Об-во СССР. Архив. Фонд 58, опись 1, № 5 и разряд 65, опись 1, № 11.
4. Бабур Захириддин. Бабур-намэ. Ташкент, 1948.
5. Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями. Зап.Зап.-Сиб. отд. Р. Г. О. кн. 3. Омск, 1881.
6. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. VIII, 4, 1893.
7. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. Зап. Академии наук, сер. VIII, т. I, № 4. СПб., 1897.
8. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914.
9. Бартольд В. В. История Туркестана, Ташкент, 1922.
10. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
11. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
12. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
13. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.
14. Берг Л. С. Озеро Иссык-Куль. Землеведение, 1904, кн. 1-2.
15. Бернар Карро де Во. Арабские географы. Л., 1941.
16. Бернштам А.Н. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, № 2 (11), 1940.
17. Бернштам А.Н. Археологические очерки Северной Киргизии. 1941.
18. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. Сов. Археология, XI, 1949.
19. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, М. – Л., 1950.

20. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Матер. и исследов. по археолог. СССР, т. 26, М. – Л., 1952.
21. Бернштам А.Н. Тюрки и Ср. Азия в описании Хой Чао (726). Вестник древней истории, 1(39), 1952, с. 187-193.
22. Бернштам А.Н. Историческая география Тянь-Шаня и Памира-Алая. Известия ВГО, т. 87, в. I, Л., 1955.
23. Бернштам А.Н. История Кыргыз и Киргизстана с древнейших времен домонгольского завоевания. Рукопись, ч. II.
24. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, II, III. М. – Л., 1950.
25. Булгаков П. Г. Сведения арабских географов IX – начала X веков о маршрутах и городах Средней Азии. 1954, Рукопись.
26. Быкова Н. Б. Оро-гидрографический очерк верховьев Большого Нарына. Труды ледниковых экспедиций. В. 2, Л., 1935.
27. Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. Зап. Р.Г.О., кн. 4, 1850.
28. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. Зап. Р.Г.О., кн. I, 1861.
29. Васильев Л.С. Бань Чао в Зап. Крае, ВДИ, I (51), 1955, с. 108-125.
30. Вельяминов-Зернов В.В. Сведения о Коканском ханстве. Вестн. Р.Г.О., ч. XVIII, кн. 5, 1856, с. 107-152.
31. Венюков М.И. Очерк географических исследований в Азиатской России. Военн. Сборник, № 7, 1877.
32. Выходцев И.В. Русские исследователи на территории Киргизии. Изв. КирФАНа СССР, в. 2-3, Фрунзе, 1945.
33. Гардизи. Украшение известий. Зап. Акад. наук, сер. VIII, т. I, № 4. СПб, 1897.
34. Генеральная карта Российской империи, сколько возможно была исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего сената в Санкт-Петербурге, 1734.
35. Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. Дополнения к Землеведению Азии К. Риттера, В.П., отд. I, СПб, 1873.
36. Горбунов А. П. Очерки по истории физико-географических исследований Казахстана (XVII, XVIII и XIX вв.). Рукопись, 1954.
37. Гумбольдт А. Центральная Азия. т. I, М., 1915.

38. Дай-Цинь-и-Тун-чжи. География Китайской империи. 1790 (перв. изд. 1743). *Journal Asiatique*, t. VIII. s. IV, 1846, Paris.
39. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. – III в. н. э.). Хрестоматия, под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940.
40. Ефремов, Филипп. Десятилетнее странствование. Изд. 5-е, М., 1952.
41. Завадовский А. Х. К вопросу о климатических условиях на сыртах в верховьях Нарына. Труды ледниковых экспедиций, В. 2, Л., 1935.
42. Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830). Вестн. Р. Г. О., 1856, ч. XVIII, кн. VI, 1857.
43. Записки путешествия академика Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб, т. VI, 1824, т. VII, 1825.
44. Игнатъев И. В. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. Изв. РГО, т. XXIII, в. 2, 1887.
45. Исламов О. И. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. Очерки по истории геологических знаний. В. 4, М., 1955.
46. История народов Узбекистана. т. I. Ташкент, 1950.
47. Карпини, Иоанн де Плано. История Монголов. СПб, 1911.
48. Катанеев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Сев. Китай в XVII и XVIII столетиях. Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. XIV, в. I, 1893.
49. Каульбарс А. В. Материалы по географии Тянь-Шаня. Зап. РГО по общ. геогр., т. V, 1875.
50. Кашкаров Д. Н., Жуков А. Н., Станюкович К. Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня. Л., 1937.
51. Книга Большому Чертежу. М. – Л., 1950.
52. Копылов. Современные сведения о р. Чу. Изв. Р. Г. О., т. X, в. 3, 1874.
53. Краснов А. Н. Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня. Зап. РГО, по общей географии, Т. XIX, 1888.
54. Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. – Изв. Гос. ГО, Т. 69, в. 5, 1937.
55. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М. – Л., 1950.
56. Левшин А. Описание Киргиз-казачьих или Киргиз-кайсацких орд и степей. ч. I-III, СПб, 1832.

57. Лунин Б. А. Основные пути истории географических исследований в Киргизии в Советский период. Труды Кирг. Гос. Пед. инст-та им. М. В. Фрунзе, т. 1, в. 1, Фрунзе, 1947.
58. Лунин Б. А. Русские ученые и исследователи о Киргизии. Фрунзе. 1951.
59. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, т. I, М., 1949.
60. Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом, во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. Зап. Р.Г.О. по общ. геогр., т. XI, 1888.
61. Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
62. Матвеев В. П. Гидрологические исследования на озере Иссык-Куль в 1932 г. Труды Киргизской комплексной экспедиции, т. 3, вып. 2, 1935.
63. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М. – Л., 1939.
64. Миллер Г. Известие о песошном золоте в Бухарии и пр. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Генварь, СПб, 1760.
65. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб, 1879.
66. Мурзаев Э. М. Средняя Азия. М., 1947.
67. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. I, II, СПб, 1886.
68. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб, 1621.
69. Обозрение Киргизской степи Сибирского ведомства. «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его исследования», 1851 и 1852 годы. Ташкент, 1915, с. 165-187.
70. Обручев В. А. Избранные работы по географии Азии. Т.2, М. 1951.
71. Отчет Русского Географического Общества за 1850 год. Вестн. Р.Г.О., ч. I, кн. I, 1851.
72. Очерки по истории Киргизской ССР, ч. I, 1952 (рукопись).
73. Пантусов Н. Н. Как далеко простирались сведения арабских географов вглубь Средней Азии. Казань, 1909.
74. Петровский Н.Ф. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений: Пособие для разыскания древ. путей и местностей. Ташкент, 1894.

75. Полное собрание ученых путешествий по России. т. VII, СПб, изд. АН, 1825.
76. Посольство к зюнгорскому хун-тайчжи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. Зап. Р.Г.О. по отд. этногр., т. X, 2, 1887.
77. Потанин Г. О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писанной в 1785 г. Изв. Р.Г.О., т. XI, в. 2, 1875, с.107- 110.
78. Птолемей К. Руководство по географии, кн. I, гл. 11, 12. Античная география. М., 1953.
79. Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815.
80. Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891.
81. Риттер К. Землеведение Азии. т. II, СПб, 1859.
82. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. СПб, 1911.
83. Савельев П. С. Средняя Азия. «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемое от Р.Г.О». 1848, СПб, 1849, с. 237-278.
84. Савицкий Г. И. Древняя Согдиана. Труды Самаркандского Пединститута, т. I, в. 1, 1940.
85. Салищев К.А. Основы картоведения, 1948.
86. Сведения о дикокаменных киргизах Нифантьева. Зап. Р.Г.О., кн. V, 1851, с. 140-153.
87. Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М., 1955.
88. Северцов Н. А. Поездка в западную часть Небесного хребта (Тянь-Шаня) или Цун-лин древних китайцев. Зап. РГО, по общ. геогр., т. I, 1867.
89. Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю. 1947.
90. Семенов П. П. Письмо действительного члена русск. геогр. общества П. П. Семенова о путешествии в Киргизской степи Сибирского ведомства в 1856 г. – Вестн. РГО, ч.18, кн. 6, 1856, с. 28.
91. П. П. Семенов. Предисловие переводчика. Землеведение Азии К. Риттера. СПб, 1859.
92. Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. М., 1946.

93. Синь-цзян-чжилио. Сокращенная (краткая) статистика Новой Границы. 1821. *Journal Asiatique*, t. VIII, s. IV, 1846, Paris.
94. Си-юй-ту-чжи. Описание Западного Края. 1782. Зап. Р.Г.О., кн. IV, 1861.
95. Си-Юй-Шуй-Дао-Цзи. Подробное описание рек и озер в Западном Крае (1823). Зап. Р.Г.О., по отд. этногр., т. VI, 1880.
96. Си-Ю-Цзи, или описание путешествия на Запад. Труды членов Российск. духовн. миссии в Пекине. т. 4, СПб, 1866.
97. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. 2-ое изд., СПб, 1886.
98. Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР. т. 1, Ташкент, 1952.
99. Соколов Н. П. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до октябрьской революции. Ч.1, М. – Л., 1934.
100. Странствование армян Григория и Данилы Атанасовых по Азии. Сибирск. вестник, ч. I. СПб, 1824.
101. Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. Известия АН СССР. Сер. История и философия, т. 3, № 3, 1946.
102. Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.
103. Труды института Востоковедения. Т. XXIX, 1939.
104. Умняков И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). Труды Самаркандск. ПИ, т. I, в. 1, 1940.
105. Федчина В. Н. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь. Из истории науки и техники Китая. Сб. статей, М., 1955.
106. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Зап. Р.Г.О., кн. V, 1851.
107. Хрестоматия по истории Древнего Мира. Древний Восток, т. I, 1950.
108. Чертежная Книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб, 1882.
109. Чихачев П. Об исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи. Зап. Р.Г.О., кн. 3, 1849.
110. Чихачев П. К. Богатства недр Киргизии. Фрунзе, 1945.
111. Щукина Н. М. Как создавалась карта Центральной Азии. М., 1955.

112. Arrowsmith, Asie, 1801.
113. Arrowsmith. New General atlas, London, 1843.
114. Black A. and Ch. General Atlas of the World new edition etc. Edinburgh, 1867.
115. Brue H. Carte encycrotype de l'Asie etc. Paris, 1814.
116. Cantelli Giacomo. La Gran Tartaria diuisa nelle sue parti pricipali etc. Roma, 1683.
117. Difour A.H. Carte de la Chine et des Etats-Tributaires, Paris, 1840.
118. Falk I.P. Beitrage zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reihs. СПБ, ч. I, 1785, ч. II, 1786, ч. III, 1787.
119. Histoire de la vie d'Hiouen-Thsang, et de ses voyages dans l'Inde, entre les anneés 629 et 645 de notre ere. Paris, 1851.
120. Hiouen-Thsang. Voyages des pelerins Bouddhistes. Memoires sur les contrees occidentales, traduits du sanscrit en Chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang, vol. 1-2. Paris, 1857-1858.
121. Huar C.J. Recueil de documents sur l'Asie centrale. Paris, 1881.
122. Humboldt A. Fragmens de Geologie et de Climatologie Asiatiques. T. 1, Paris, 1831.
123. Humboldt A. Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens. Berlin, 1832.
124. Humboldt A. Asie centrale. t. 1-3, Paris, 1843.
125. Julien St. Eclaircissements sur la Chaine du Thian-Chan, d'apres les textes Chinois. В кн.: Humboldt A. Asie centrale. Vol. 2, Paris, 1843.
126. Klaproth M.J. Memoires relatifs a l'Asie. Paris, t. 1, 1824, t. 2, 1826.
127. Klaproth M. Carte de l'Asie centrale. Paris, 1836.
128. Petermann A. Karte vom Russisch – Chinesischen Grenzgebiet am Balchasch und Issyk-Kul etc. Petermanns Mitteilungen, IX, 1858, Gotha, Faf. 16.
129. Ritter C. Die Erdkunde von Asien. Berlin, 1832.
130. Sanson d'Abbeville S. Description de la Tartarie, tiree en partie de plufieurs cartes etc. Paris, 1654.
131. Vivien de Saint-Martin. L'Asie centrale et l'Inde au septieme Siecle de notre ere Pour l'intelligence des voyages des Hiouen-Thsang etc., 1857. – Memoires sur les contrees occidentales, traduits du sanscrit en Chinois, en l'an 648, par Hiouen-Thsang, t. 1, Paris, 1857;

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера. В 2-х частях. Геогр. Об-во СССР. Архив. Фонд 58, опись 1, № 5 и разряд 65, опись 1, № 11.
2. Взгляд на северную часть Коканского Ханства с присовокуплением сведений о сношениях России с владельцем и правителем Ташкении, 1841г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19251.
3. Выписки географических, исторических и статистических сведений о Средней Азии и пр., XIX в. 40-годы. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, к. 414, д. 413.
4. Замечания господина Поспелова, сделанные им во время путешествия через Киргизскую степь от Семиярского форпоста около Ямыщевской крепости на Сибирской линии до Ташкента, и пребывания в сей земле. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24720.
5. Записка Сибирского линейного казачьего Войска хорунжего Потанина, препровождавшего коканских посланников, бывших у Российского двора в 1830 году. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24766.
6. Карта Генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест... Сочинена при Оренбургских географических делах с разных описаний при тех же делах имеющихся в 1755 году. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20621.
7. Карта Дикокаменной орды и смежных с нею владений, составленная по распросам в 1849 году. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 25596.
8. Карта Дикокаменных киргизов с прилежащими землями киргизов Большой орды и китайскими владениями. Омск, 1851, М. 20 в, Рукопись, подписана Бларамбергом. Р. Г. О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11.
9. Карта Иртыша, Южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших Зенгорских калмык. владений. Сочинена Иваном Исленьевым 1777 года. ЦГВИА, ф. ВУА. д. 20244, д. 24156.
10. Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран, Я. Ханькова. Рукопись. 1852. ЦГВИА, ф. ВУА, к. 416, д. 458.
11. Карта полуденной части Российской Империи Сибирской губернии и пр. 1765 г. Рукопись, М. 30 в. в дюйме. Долгота от Тобольска. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20237.
12. Карта Средней Азии с пограничными частями России и Китая. 1765, М. 1:5250000. Копировал в 1771 г. вахмистр Кирил Смирнов. Рукопись, ЦГВИА, ВУА, ф. 416, д. 473.
13. Обозрение Коканского Ханства в нынешнем его состоянии, 1841. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254; Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, к. 414, д. 413.

14. Краткое описание Семиреченского края, составленное во время следования экспедиционного отряда за реку Или генерального штаба штабс-капитана Померанцева, в 1851 году. Рукопись. Р.Г.О., учен. архив, р. 65, оп. 1, № 11.
15. Ландкарта Оренбургской губернии с показанием частей прочих губерний. Сочинена в Оренбурге при географических делах 1746 года. Рукопись, М. 1: 6500000. Долгота от Казани. ЦГВИА, ВУА, ф. 416, д. 358.
16. Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительского помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 году из крепости Семипалатинской, при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизской степью по тракту к городу Кашкару и пр. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 20648.
17. Маршрут по тракту от крепости Семипалатной и китайскому городу Аксу, учиненный командированным от командира войск 30-й дивизии генерал-лейтенанта и кавалера Глазенапа, переводчиком губернским секретарем Бубенновым 1813 года. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 161-172.
18. Описание бывшим в заграничной партии 8-го казачьего полка пятидесятника Вяткина, во время проследования какими местами, где имели ночлеги и какие урочища и чем изобилующие, 1813 года. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл. 145-152.
19. Путевая записка с замечаниями мест ведущих от Сибирской линии в город Кокант и пр. Мамедярова 1811 года. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24729.
20. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна, 1825 года. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 18525.
21. Российский Атлас из сорока трех карт состоящий и пр. Издан при Географич. департаменте. 1800, ЦГВИА, ВУА, д.19900.
22. Сведения о дикокаменных киргизах Нифантьева. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551, ч. II.
23. Список с рапорта путешествующего во владение Коканское в 1813 году толмача Назарова и с лично отобранными от него, о тех краях замечаниями. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 24668, лл.153-160.
24. Унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова Описание местоположения и качества земли населяемой Киргиз-кайсаками и о способности пути от Российской границы к Ташкентскому владению. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 18541, л. 81-102.
25. Ход унтер-шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова. Дневные записки с нужными примечаниями, по пути ведущему через Киргизскую степь к городу Ташкенту, учиненные 1800 года. Рукопись. ЦГВИА, ВУА, д. 18541, лл. 103-120.

С. Умурзаков

**Географическая изученность Кыргызстана
до середины XIX века**

Дизайн и верстка А. Тостоковой

Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л.
Офсетная бумага. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.

Университет Центральной Азии
2021

**САДЫБАКАС
УМУРЗАКОВ**

25 марта 2021 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-географа и организатора науки Кыргызской Республики, академика Международной академии наук о природе и обществе, крупнейшего специалиста в области исторической и физической географии, топонимии, лауреата Государственной премии Кыргызской ССР, кандидата географических наук Умурзакова Садыбакаса Умурзаковича.

С. Умурзаков принимал активное участие в научной жизни, неоднократно выступал с блестящими докладами на международных и всесоюзных конференциях и симпозиумах. Наиболее полно талант ученого проявился при работе над созданием 6-томного труда «Энциклопедия Кыргызской ССР» и «Атласа Кыргызской ССР», признанного в 1990 году лучшим Атласом в СНГ. Садыбакас Умурзаков пользовался огромным авторитетом среди ведущих специалистов важнейших научных центров СССР и СНГ. В течение более чем 30 лет он возглавлял Географическое общество Кыргызстана.

За свою многолетнюю плодотворную деятельность и заслуги в развитии географических наук С. Умурзаков награжден орденами Ленина и «Знак Почета», другими государственными наградами, Географическим обществом СССР он награжден золотой медалью имени П. П. Семенова-Тян-Шаньского.

15 января 2008 года Жогорку Кенеш Кыргызской Республики принял закон «О присвоении географического названия «Пик Умурзакова» безымянной вершине высотой 4417 метров, расположенной в верховьях реки Аламедин.